

О.И. ШКАРАТАН

РОССИЙСКИЙ ПОРЯДОК: ВЕКТОР ПЕРЕМЕН

МОСКВА

2004

УДК 372.834.272
ББК 74.266.7
Ш53

Шкаратан О.И.

Ш53 **Российский порядок: Вектор перемен. — М.: Вита-Пресс, 2004. — 208 с. — ISBN 5-7755-0640-5**

Книга посвящена обоснованию путей развития России на ближайшие десятилетия. В ней раскрывается место России в меняющемся мире как особой цивилизации. Рассматриваются исторические факторы становления и развития этой цивилизации со специфической ценностной системой и особой институциональной структурой. Сопоставлены основные точки зрения, имеющиеся в мировой и отечественной литературе, на природу советского и современного российского обществ. Особое внимание уделено вопросам социального неравенства в СССР и современной России с использованием многолетних социологических исследований автора. Путеводной нитью для читателя служит оригинальная авторская концепция о социальном порядке России — этакратизме, не относящемся к основным общепринятым типам социальных систем: капитализму или социализму.

Книга предназначена для широкого круга читателей. Она представит интерес для социологов, экономистов, историков. Творческая свобода, с которой написана книга, делает ее полезной для студентов гуманитарных вузов, абитуриентов и учителей истории старших классов, а также для всех, кто стремится осмыслить место своей страны в мире и свое место в России.

УДК 372.834.272
ББК 74.266.7

ISBN 5-7755-0640-5

© ООО Издательство «Вита-Пресс», 2004
© Художественное оформление.
ООО Издательство «Вита-Пресс», 2004
Все права защищены

Содержание

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	5
1. РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	7
1.1. Модели социально-экономического развития современных обществ	7
1.2. Системы цивилизаций и модели экономического развития	15
1.3. Конкуренция ценностных систем	21
2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА РОССИИ	27
2.1. Цивилизационно-экономический фактор	27
2.2. Геоклиматический фактор	40
2.3. Этноэкологический фактор	42
2.4. Этноконфессиональный фактор	45
3. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВ СОВЕТСКОГО ТИПА	51
3.1. Либеральная критика советской системы как социализма в действии	51
3.2. Государственный капитализм и новый господствующий класс	61
3.3. Критика официальной формулы «два класса + интеллигенция» советскими социологами	66
3.4. О неклассовом характере обществ советского типа	69
3.5. Социальная система, обращенная в прошлое	78
Сословное корпоративное общество	78
Общество политического доминирования	81
4. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОСОБЫЙ ТИП ЦИВИЛИЗАЦИИ	83
4.1. Странности раннего советского «социализма»	84
4.2. Сущность советской социетальной системы	86
4.3. Властная иерархия и управляемые социальные перемещения	101

5. СОЦИЕТАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	111
5.1. Административный рынок и номенклатурная приватизация	111
5.2. Становление нового постсоветского этапа этакратизма	119
6. СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДРАМА РАСКОЛОТОГО ОБЩЕСТВА	129
6.1. Положение социальных низов: тревоги без надежды	129
6.2. Крупные собственники — рентополучающая бизнес-элита	140
6.3. Российское чиновничество — порождение советской номенклатуры	152
6.4. Средние слои: иллюзии и реальность	158
6.5. Становление новых форм социального расслоения в России	178
7. ВЫВОДЫ ИЗ СКАЗАННОГО	191
ЛИТЕРАТУРА	195

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В течение ряда лет я, как и большинство моих коллег — социологов и экономистов, рассматривал складывающуюся после падения советской системы экономику — как капиталистическую, а общество как буржуазно-демократическое (со всеми очевидными комментариями по поводу несовершенств как экономики, так и общества). Часть исследователей и аналитиков радостно приветствовали дрейф в сторону капитализма, другие не скупились на отрицательные суждения и эмоции, а третьи принимали этот процесс как неизбежность, не выставляя положительных или отрицательных оценок. При этом немалое число социологов пришли к выводу, что лидерами и инициаторами этого революционного по своему существу преобразования страны были представители советской номенклатуры, а не российские интеллигенты с их оппозиционностью по отношению к советскому режиму. Конечно же, и у сторонников реформ не совпадали оценки приватизации, налоговой системы, социальной политики.

Лишь одиночки, чьи голоса долгое время оставались не услышанными, рассуждали как бы наперекор общему течению мысли. Они говорили и писали не о том, к дикому или к какому-то другому капитализму ведут Россию

судьба, президент или иные силы, а о том, что страна идет своим особым и совсем не буржуазным путем. Лишь с конца 1990-х гг. всерьез начались обсуждения, в которых осмысление процессов, наблюдающихся сейчас в России, стало проходить с учетом той специфической эволюции, которую проделала страна на протяжении XX в., впрочем, при хотя бы пунктиром намеченных исторических напластованиях прежних эпох.

И именно подобным образом, вне антитезы «капитализм — социализм», в книге представлен авторский подход к анализу советского и современного российского обществ. Обосновывается оценка общественного устройства, сложившегося в СССР к 30-м гг. XX в. как этакратического, основанного на отношениях «власть — собственность» и сходного по родовым характеристикам с азиатским (государственным) способом производства и азиатскими деспотиями. Общественное устройство современной России рассматривается как продолжение этакратизма. Социальные отношения представляют переплетение сословной иерархии и неразвитых элементов классовой дифференциации. В заключительном разделе обсуждаются варианты возможных сценариев развития российского общества.

РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

1.1

Модели социально- экономического развития современных обществ

В канун коллапса СССР один литовский автор написал следующие примечательные строки, вся отчаянная справедливость которых стала очевидной именно в последнее время и с особой силой показала себя здесь, у нас, в России: «Новый человек социалистического общества уже создан... Мы родились в гниющей системе и, подрастая, не созревали, а гнили вместе с нею... Мы никогда нормально не работали — только прикидывались работающими... Мы уже не умеем жить при демократии Нам не стоит питать иллюзий, что мы все еще остаемся европейцами или что мы можем в одночасье превратиться в них. Все наши братья — по эту сторону стены: эстонцы, грузины и те русские, которые все еще ощущают боль в перебитом позвоночнике. Мы вместе прошли концлагерь... Нас и людей Запада разделяют, по меньшей мере, 50 лет Мы — их дедушки и бабушки». [Ванагайте 1990, с. 31, 32]

Таких образных «картинок с выставки» наших все еще не изжитых драм и противоречий можно было бы приводить великое множество. Проблема в их объяс-

нении. Доминирует представление, что эти явления порождены социализмом. Подавляющее большинство аналитиков квалифицируют общества советского типа как социалистические, да таково и восприятие этих обществ в массовом сознании.

Либералы вполне оправданно вот уже второе десятилетие празднуют «великую победу» над социализмом. Здесь возникает прежде всего существенный вопрос: социализм ли был побежден? Над чем восторжествовали социально-экономические и политические принципы, ценности и идеалы либеральной демократии?

Либеральная критика советского социализма отталкивается от схемы общества, включающей: государственную «общенародную» собственность (реально отчужденную от работников); плановую организацию экономики (как альтернативу «неэффективному» рынку); распределение по труду (фактически не существовавшее никогда); подавление гражданских прав и свобод личности, партOCRатический режим и т. д. Принимается за аксиому, что общество с кровавыми деспотическими порядками, миллионами жертв в мирные годы, невиданной эксплуатацией людей труда, втапывавшее дарования и препятствовавшее милосердию, и есть социализм. Но где здесь социалистический идеал справедливого гуманистического общества, общества сотрудничества и взаимопомощи, социальной защищенности и коллективистского идеализма? [Шкаратан, Радаев 1992; Межуев 1999] Далее мы обсудим необходимость различения обществ с преобладанием государственной собственности и собственно социалистического общества.

Бесспорно, что конвенциональным условием последующего обсуждения является признание полного поражения советской социетальной модели в состязании с другими, более эффективными моделями социально-экономической и политической организации общества.

Однако развитие стран, отказавшихся от организации общества и экономики по советскому образцу, пошло по-разному. Через сравнительно короткий промежуток времени стали очевидными и убедительными успехи в экономическом росте и становлении либеральной демократии стран европейской культурной традиции, стран западного христианства, стран с многовековой традицией частной собственности и определенным опытом гражданских

отношений и правовой государственности — Чехии, Словении, Польши, Венгрии, Словакии.

В основу переустройства и экономики, и общества во всех странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию, были положены одни и те же принципы, одни и те же универсальные способы реформирования экономики, основанные на либерализации цен, макроэкономической стабилизации и приватизации.) Система этих принципов, именуемая Вашингтонским консенсусом, появилась на свет в 1990 г. как рецепт лечения экономики развивающихся стран, не выплачивающих свои долги. Но ее стали применять и ко всем странам с переходной экономикой, в том числе к России.) Эта система включает добровольное открытие национальных экономик по отношению к внешнему миру, введение рыночных свобод во внутренних и внешних отношениях, обеспечение макроэкономической стабильности путем жесткой монетарной политики, приватизацию государственной собственности, резкое уменьшение контролирующей роли государственных институтов.) За этими требованиями стоит вера во всемогущество рыночных сил в создании благ и повышении жизненного уровня, убеждение в превосходстве частных институтов над государственными как менее коррумпированных и более эффективных.) Принципы Вашингтонского консенсуса были пригодны для стран, **уже имевших рыночную экономику и не находящихся в состоянии перехода к ней**, что позднее подтвердил тогдашний вице-президент и главный экономист Мирового банка Джозеф Стиглиц. В дальнейшем к Вашингтонскому консенсусу были приняты дополнения, не изменившие его по существу. [Стиглиц 1998; Стиглиц 1999; Колодко 2000, с. 122—141]

Тем не менее эти универсальные требования, ставшие доминирующими в политике Международного валютного фонда и Всемирного банка, сыграли едва ли не определяющую роль в выборе стратегии экономических реформ в сильно отличающихся друг от друга странах. Элиты этих стран были ориентированы на англосаксонскую модель либерального капитализма, без учета национальных особенностей и уже существующего разнообразия современных национальных моделей социетальных систем, доказавших свою экономическую и социальную эффективность. Реализация такого подхода отвечала интересам наиболее развитых государств, обладавших несомненными конкурентными преимуществами на мировом рынке, и транснациональ-

ных корпораций. Как отмечал Гжегож Колодко, вице-премьер и министр финансов Польши в период ее бурного роста в 1994—1997 гг.: «Представляется, что лишь Китай менее подвержен влиянию Вашингтонского консенсуса. Любопытно, что в Китае, независимо от этого, дела идут вполне благополучно». [Колодко 2000, с. 126]

Пожалуй, нигде в «постсоциалистическом» мире не пытались столь послушно следовать указаниям МВФ и Мирового банка, как в России на протяжении всех лет президентства Б.Н.Ельцина, да во многом и позднее. Приведу характерное высказывание западного и совсем не левоориентированного автора М. Кастельса: «В 1993 г. Бразилия показала миру, что о платежах по внешним долгам можно вести переговоры непосредственно с банками-кредиторами не вовлекая МВФ в переговоры и избежав тем самым потери свободы в экономической политике... Разумеется, не все страны имеют вес Бразилии, помогающий избежать диктата МВФ. Однако удивительный случай покорности России политике МВФ (в обмен на скудную помощь), несмотря на ее национальную мощь, показывает, что уверенность правительства в себе есть один из главных факторов управления процессами в новой глобальной экономике». [Castells 1997, с. 120] Такой известный американский специалист по России, как Стивен Коэн, подчеркивает ту отрицательную роль, которую сыграли в выработке политики реформирования России администрация США, а также бизнесмены и разнообразные консультанты, не знавшие и не понимавшие страны и ее народа. Задача, поставленная ими, — трансформировать Россию по американскому образцу и подобию — была по изначальному замыслу разрушительной и для экономики, и для повседневной жизни россиян. «Пускай советы Вашингтона были невежественны и высокомерны (хотя они и не содержали злого умысла), но, — справедливо замечает Коэн, — никто не заставлял Ельцина и его команду следовать им». [Коэн 2001, с. 10] Россия, убежден Коэн, может и должна «найти свое будущее, определяемое контекстом ее собственного, а не американского исторического опыта и ее реальными возможностями». [Коэн 2001, с. 11]

Кстати говоря, это упорное стремление правящей элиты навязать России чужестранный опыт без должного осмысления одного проходит через всю историю страны. Об этом писал блистательный знаток России, ее культуры, ее истории, Джеймс Биллингтон: «Не раз русские

пытались завладеть плодами других культур в одночасье, без переходного процесса медленного роста и глубинного понимания. Россия приняла византийское наследие, так сказать, оптом, не вникая в подробности и не усвоив традиций спокойных, сдержанных философских рассуждений. Дворянство переняло язык и стиль французской культуры, но не ее критический дух.... Радикальная интеллигенция благоговела перед западной наукой XIX в., однако ж не воссоздавала ту атмосферу свободной критики, которая и сделала возможным научный прогресс». [Биллингтон 2001, с. 687] Думается, что вся история сомнительного по своей результативности реформирования экономики и социальной сферы в постсоветской России является прямым продолжением этой несчастливой линии «завладения плодами других культур в одночасье», к тому же сам выбор образцов для подражания вызывает серьезные сомнения.

Конечно, «все дороги ведут в Рим». И нет сомнений, в очередной раз, несмотря на любые катастрофические ошибки и провалы, страна решит свои проблемы. Однако каждый из путей может быть измерен и ценой потерь, которые несет народ. К одной из своих статей я выбрал эпиграфом слова писателя Георгия Владимова: «Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же — напротив, все проигрывают, — кроме последнего. Эту черту признает мир и восхищается ею, пусть бы он презирал все другие, — способность упереться на последнем рубеже и от него начать по-другому... Эта черта, пожалуй, устрашительнее для недругов нашей Свободы, пытающихся нас загнать обратно, откуда мы сумели вырваться. Может быть, мы им проиграем все бои. Кроме последнего». Блистательное качество. При борьбе за независимость необходимейшее. Однако дорого это качество обходится самому народу. Ведь не раз и не два победы оборачивались в долгосрочном измерении поражением из-за неимоверной цены, за них заплаченной. Воистину пирровы победы. Взвешенно и лишь в крайних случаях должны правящие круги апеллировать к чудодейственным возможностям нации, чтобы не истощить ее силы, не истончить ее генофонд.

Сейчас, когда мир втягивается в сумасшедшую гонку — соревнование по захвату места под солнцем глобальной информационной экономики, это качество при всей его успокоительности (в конечном-то итоге, видимо, победим) может сыграть в судьбах России роковую

роль. В мире существуют значительные области, не включенные в современную технологическую систему. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина на этом этапе — угроза исключения целых национальных и даже континентальных экономик из мировой информационной системы, а соответственно — и из мировой системы разделения труда.

В контексте экономических трудностей и драматических социальных проблем, не находивших решения на протяжении всего периода реформ с начала 1990-х гг., выбор модели рыночной экономики, ее институциональной и правовой инфраструктуры не может считаться окончательно решенным. Не только у нас в России, но и во многих других странах с трансформирующимися социально-экономическими структурами обсуждается вопрос о пригодности англосаксонской модели как универсальной, единственно перспективной для всего человечества. Адекватна ли эта модель корневым традициям национальной культуры, стимулирует ли ее применение органическое освоение населением страны не только технологий, но самого духа информационного общества и экономики?

Вспомним, что победителями в состязании с советской системой явились не только представители англо-американской модели либерального капитализма, но и страны, воплотившие и модель социального рыночного хозяйства и политической демократии (ФРГ), получившую название рейнского капитализма, и социал-демократическую модель скандинавского государства всеобщего благосостояния, и модель конфуцианского восточноазиатского капитализма. [Здесь и далее при сравнительном анализе моделей экономики использованы следующие источники: *Esping-Andersen, Gosta* 1990; *Esping-Andersen, Gosta* 1996; *The Welfare State Reader* 2000; *Зарицкий* 1997; *Создавая социальную демократию* 2001; *Социальное рыночное хозяйство* 2001; *Шлехт* 1996]

Как известно, капитализм определяется тремя основными характеристиками:

- 1) частной собственностью;
- 2) максимизацией прибыли и полезности в качестве мотивации хозяйственной деятельности субъектов;
- 3) координацией через рынки и систему цен в отличие от централизованного планирования.

В пределах этой общности черт получили развитие несколько жизнеспособных и высокоэффективных моделей капитализма.

Неоамериканская, англосаксонская модель капитализма, служащая неизменным ориентиром для мейнстрима российской либеральной мысли, нацелена на практически полное освобождение рынка и этих трех основополагающих характеристик капитализма от распределительных и политических ограничений.

Из других моделей особый интерес для России представляет, на мой взгляд, опыт построения социального рыночного хозяйства в Германии после ее поражения во Второй мировой войне по проекту, предложенному Людвигом Эрхардом. Модель социального рыночного хозяйства не является чисто германской, недаром ее именуют рейнской, так как экономические системы прирейнских стран: Швейцарии, Германии, Бельгии и Голландии — имеют схожие черты.

Рейнская модель — это модель встроенности рынка в социальную и политическую структуру, в структуру социальной политики. Последнее предполагает не только гарантии **правовым** государством действенности закона, но и обеспечение **социальным** государством, по крайней мере, минимального уровня социальной безопасности.

Обеспечить же эффективную поддержку социально не защищенных слоев, согласно Л. Эрхарду, можно в условиях экономического роста, который проявляется только в рыночной экономике. Поэтому функция государства сводится к формированию условий для полноценных рыночных отношений, которые и создают предпосылки для социальной защиты граждан. Следовательно, социальная защита — функция самой экономики, а не государства. Функция же государства, имеющая особое социальное значение, — это уравнивание тех тенденций капитализма, которые ведут к монополизации и массовому неравенству. Проводимая политика сглаживания разницы в доходах в этой модели капитализма подразумевает, например, государственные гарантии получения бесплатного высшего образования всем желающим. Второй легитимной мерой уравнивания здесь служит прогрессивный подоходный налог. Одним из важнейших уроков построения социального рыночного хозяйства в Германии является особое внимание к социальной ориентации экономики и роли основанного на праве

государства, которое должно занять срединное положение между либеральным «ночным сторожем» и тоталитарным «Левиафаном». [Автономов 1999]

Приведу еще несколько небезызвестных примеров из зарубежного опыта, подтверждающих, что развитие глобальной экономики не погашает, а, напротив, усиливает культурное и институциональное разнообразие наций/обществ, стимулируя в то же время их взаимозависимость. Как показал в своем анализе М. Кастельс, существуют ~~значительные~~ различия ~~даже~~ между наиболее продвинутыми странами («большой семерки»). Эти различия дают основания выделить две доминирующие модели информационной экономики. Первая — «модель экономики услуг» — представлена США, Великобританией и Канадой; вторая — «модель индустриального производства» — Японией и Германией. Франция в этой классификации занимает промежуточное положение, склоняясь к первой модели. Италия же формирует, по мнению Кастельса, некую третью модель, основанную «на сетях мелких и средних фирм, приспособленных к меняющимся условиям глобальной экономики ...», где готовится почва для своеобразного перехода от протоиндустриализма к протоинформационализму». [Кастельс 2000, с. 222—225]

Известный британский экономист Д. Лэйн предлагает другую классификацию. Он разделяет англо-американский и германский типы капитализма:

- 1) по горизонтам инвестиций (краткосрочный в первом типе, долгосрочный во втором);
- 2) по источникам финансирования (фондовый рынок и прибыль в первом типе, банки и прибыль во втором);
- 3) по корпоративному контролю (соответственно дисперсный и концентрированный);
- 4) по ведущим механизмам координации (рынок в первом типе, ассоциации и банки — во втором). [Лэйн 2000]

Из приведенных примеров во всех случаях следует один и тот же вывод — о разнообразии моделей современной экономики в наиболее развитых странах мира. Тем более нелепыми выглядят многолетние усилия радикал-либералов вогнать Россию в наименее подходящую ей американскую модель развития.

Системы цивилизаций и модели экономического развития

Здесь необходимо остановиться на проблеме, отношение к которой во многом и предопределило неоправданно высокую цену проводимых реформ. Является ли этнокультурная специфика фактором экономического развития? Этот вопрос скрытно присутствовал во всех дискуссиях, шедших с конца 1980-х гг. относительно путей развития России. Среди сторонников либерального выбора преобладала убежденность в том, что никакая национальная специфика, никакие цивилизационные характеристики не имеют существенного значения при определении экономической стратегии. В то же время сторонники учета цивилизационного своеобразия оказались в основном сосредоточены в рядах оппонентов рыночных реформ, сторонников сохранения провалившейся плановой экономики. В реальной политике экономических преобразований в стране восторжествовал дух чистейшего универсализма. Вне рыночные институциональные факторы экономического роста игнорировались. Были отброшены результаты исследований по сравнительной социологии цивилизаций, сравнительному менеджменту, современной институциональной экономической теории. Хотя печальный опыт 1990-х гг., казалось бы, является убедительным свидетельством правоты сторонников рационального сочетания универсализма и партикуляризма, обсуждения этой болезненной проблемы не завершены и поныне.

Для примера приведем высказывания участников дискуссии 2000—2001 гг. «Экономика — язык — культура» на страницах журнала «Общественные науки и современность». Так, А.В. Кива пишет: «О чем говорит мировой опыт? Архетипы народа, национальная культура, характер религии и т. д. на деле не играют принципиально важной роли в экономическом прогрессе страны. Об этом свидетельствует потрясающий прогресс стран, сильно отличающихся между собой по этим характеристикам, таких, например, как США, Германия, Япония, Китай, «новые индустриальные страны» и др. Даже ислам, в догматах которого действительно есть немало того, что, казалось бы, должно стоять на пути развития бизнеса, не помешал быстрому экономическому прогрессу целого ряда исламских стран».

На первый взгляд уважаемый профессор — чистейший универсалист. Однако чуть дальше в той же статье он отмечает: «При этом, скажем, в Японии совсем по-иному, нежели в США, решались проблемы экономического развития. Там делалась ставка на коллективизм, солидарность, патриотизм, на достижение консенсуса по жизненно важным для нации вопросам, в то время как в США — на индивидуализм, на решение любых вопросов в парадигме “большинство — меньшинство” Иначе говоря, добиваются завидных успехов в своем развитии страны с традициями как индивидуализма, так и коллективизма». Другими словами, хотел того автор или нет, он в очередной раз подтвердил, что на общем для всего человечества пути к современной высокоразвитой экономике среди инструментов по достижению цели важное значение имеет органичное использование специфических традиций труда и управления. [Кива 2001, с. 46]

Инициатор дискуссии на страницах журнала «Общественные науки и современность» В.А. Найшуль, напротив, стремится найти опору рыночным и демократическим преобразованиям в глубинных пластах отечественной культуры. Он считает: «Среди уроков последнего десятилетия, по-моему, один из важнейших заключается в том, что между экономическими достижениями страны и ее культурой существует явственная взаимосвязь. Вообще-то экономисты-культурологи проблемами этой взаимосвязи занимаются давно, но как раз сейчас появилось много новых данных, иллюстрирующих процессы взаимовлияния культуры и экономики, позволяющих по-новому взглянуть на них». В этой связи Найшуль приводит следующий пример: «На рубеже 1980-х и 1990-х годов в целом ряде государств началось постсоциалистическое реформирование, и сегодня мы видим, что есть большие различия в этом процессе в западно- и восточнохристианских странах. Если западнохристианские общества (причем как протестантские, так и католические) более или менее успешно преобразуют свою экономику, то общества восточнохристианские оказались в положении неудачников, и это наблюдение отнюдь не замыкается границами СНГ. Вспомним и Болгарию, и Румынию, и то, что далеко не в лучшем виде находится экономика Греции — единственной православной страны ЕЭС. Уже один этот факт заставляет задуматься над вопросами взаимосвязи экономики и культуры». [Материалы 2000, с. 35]

Чтобы не возникло никаких недоразумений, напомним, что автор этих суждений — один из инициаторов рыночно-буржуазных преобразований в России — был и остается сторонником этого направления национального развития. Он убежден: «По-моему, русская культура рождена для рыночного устройства». [*Материалы* 2000, с. 46]

Этот спор не случаен. Науки об обществе по своему происхождению и содержанию носят европоцентристский характер. Доминирующие в мировой экономической и социологической науках теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы только применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и индивидуализме. Но они неадекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими социально-экономическими отношениями.

И на марксистское, и на либеральное отрицание мультилинейности исторического процесса решающее влияние оказала гегелевская схема «ступенчатого» развития истории к единому для всего человечества идеалу. Это относится прежде всего к марксизму с его теорией сменяющихся социально-экономических формаций — от рабовладения вплоть до «рая на Земле», теоретической утопии — коммунизма. Об «отклонениях» К. Маркса с его размышлениями об азиатском способе производства — разговор особый, однако типичной для марксистского миропонимания была идея унитаризма, линейного развития человечества с различием народов и стран лишь по уровням развития.

Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития: от традиционного общества — к частнособственническому, буржуазному или (по Ф. Фукуяме) от родоплеменного — к рабовладельческому, от последнего — к теократическому, и, наконец, к венцу исторического пути человечества — к демократически-эгалитарному. При этом страны и народы оцениваются как находящиеся в разных «эшелонах» (на разных ступенях) движения к единому идеалу — универсальной западной демократии и либеральному капитализму.

Представляется, что как марксистский унитаризм, так и либеральный унитаризм с их безальтернативностью эволюции человечества, игнорированием вза-

имодействия общего и особенного в истории далеко не бесспорны. Не прошло и десяти лет после публикации знаменитой статьи — манифеста торжествующего либерализма — «Конец истории?» Ф. Фукуямы, как жизненные реалии поставили под сомнение справедливость идеи полной победы западной демократии. [Фукуяма 1990, с. 134—148; *Fukuyama* 1992: *Fukuyama* 1996] Суть проблемы сводится к раскрытию взаимосвязи сущностных черт социально-экономической систем с системообразующими элементами цивилизаций разного типа (системы институтов, ценностные системы). И здесь нельзя не вспомнить все чаще подтверждающийся прогноз профессора Самюэля Хантингтона о неизбежном столкновении все более сплывающихся цивилизаций. [Huntington 1993; Хантингтон 2003]*

Либеральный унитаризм в той его версии, которая проповедуется американской властно-олигархической элитой, предполагает мир как систему цивилизационной иерархии, где США выступают в роли управляющего субъекта, а основная часть народов — как объект управления и вечная периферия мир-системы.

В этой связи и встает вопрос о характере мирового развития, соотносимом нами с судьбами России, перспективами ее собственного завтра. Не первый раз в истории России правящие группы ставят общенациональной целью «догоняющее развитие» страны. При этом не имеет значения: берется ли за образец Германия, США или Португалия. Важен принцип, при котором страны мира делятся на «эшелоны» как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремящиеся догнать находящихся впереди. Правда, «догнать» у подавляющего большинства так и не получается. Но главное даже не в этом. **Идея «догнать» в этом случае предполагает однолинейность исторического развития всего человечества, единство критериев успешности жизнедеятельности национально-государственных организмов.**

Однако идее «однолинейности», по крайней мере со времен Н. Данилевского, **противостоит идея «рядоположенности» цивилизаций, обладающих как универ-**

* Перевод см.: [Хантингтон 1994, с. 33—57]; глубокий разбор этой ситуации и начавшейся борьбы массовых движений против «нового глобального порядка» см. в работе М. Кастельса, к сожалению, не переведенной на русский язык [Castells 1997].

сальными, так и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности (не всегда выраженного в развитии). Признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. **Ценностные же системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают.** Эти идеи обсуждаются автором в ряде статей. [Шкаратан, Карачаровский 2002, Шкаратан 2002, Шкаратан 2003]

Экономист С. Валентей на основе анализа развития общества сформулировал теорию социальных альтернатив. [Валентей 1995] Позднее в совместной статье с Л. Нестеровым он писал о «столкновении двух принципиально различных систем цивилизационных ценностей, характерных для западной (гражданской) и традиционной (общинной) цивилизаций» как о «первом и главном вызове современности». Авторы цитируемой статьи пишут: «Да, в мире действительно происходят общецивилизационные трансформации. Однако далеко не факт, что их результатом окажется формирование единой цивилизации. Скорее, напротив, сегодня происходит усложнение системы общественных отношений. И в контексте данного усложнения каждый тип цивилизации попытается применить достижения науки и техники, исходя из собственных представлений о содержании реального и потенциального богатства, собственных критериев экономического роста, характерных для них экономических интересов и особенностей процесса воспроизводства». Авторы предлагают критериальный ряд, позволяющий четко различить общинную (в их терминологии) и западную цивилизации: по системе ценностей — соответственно общинная и урбанизированная; по системе интересов — замкнуто-сословная, корпоративная и классово-индивидуальная; господствующая форма собственности — общинная, государственная и частная; форма общественного богатства — материальная и экономическая; характер общественных отношений — сословный и классовый; тип хозяйства — присваивающий и ориентированный на количественный рост; рынок — потребительский и совокупности непосредственных условий производства; тип государства — этнокультурный и национальный. [Валентей, Нестеров 2002, с.53—54]

В рамках институциональной теории была выдвинута гипотеза о различных институциональных

матрицах, которые, видимо, могут быть рассмотрены как латентные механизмы функционирования и воспроизводства национально-государственных организмов, принадлежащих к разным цивилизациям. Институциональная матрица, по мнению С.Г. Кирдиной, — «это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической». [Кирдина 2000, с. 24] Автор данного подхода применила концепцию институциональной матрицы к выявлению сравнительных особенностей восточной и западной институциональных матриц, а если вернуться к доминирующему употреблению терминов — к выявлению системных различий между восточной и западной макроразвитиями. Главные различия, по ее мнению, состоят в том, что в отличие от западной в восточной матрице господствуют нерыночные механизмы, институты унитарно-централизованного государственного устройства, приоритет коллективных, надличностных ценностей. [Кирдина 2000, с. 26—29; Нуреев 2001]

Обычно сторонники линейной концепции поддерживают проект либеральной модернизации России. На аргументы, подобные высказанным выше, они отвечают полным отрицанием влияния культурно-цивилизационной среды на характер и направленность экономического развития той или иной страны; сторонников же учета этих средовых факторов они обвиняют в антиреформаторских обскурантистских идеях. Так ли это на самом деле? Задумаемся: кто и что препятствует динамичному развитию России, почему с огромной быстротой возрастает наше отставание не только от стран G-7, но и от большинства стран Центральной и Восточной Европы?

Развитие национальной экономики-отраслевой структуры, инкорпорированной в глобальную экономику, предполагает учет и использование этнокультурных особенностей человеческих ресурсов, особенно их инновационного потенциала. По мнению авторитетных специалистов, в современной глобальной экономике новейшее международное разделение труда тесно взаимодействует с этнокультурным разнообразием организационных форм и форм экономического поведения, имеющих различное институционально-культурное происхождение.

Конкуренция ценностных систем

Как известно, впервые вопрос о воздействии на экономику системы ценностей был исследован Максом Вебером. Он вычленил в мировых религиях «коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию» [Вебер 1994, с.43] Вебер показал, что «важные для хозяйственной этики черты религий интересуют нас с определенной точки зрения, а именно по их отношению к экономическому рационализму, причем, поскольку и это понятие не однозначно, экономическому рационализму, который стал господствовать на Западе с XVI и XVII вв. в качестве компонента укorenившейся там буржуазной рационализации жизни». [Вебер 1994, с. 65—66; Вебер 1990] Это явление М. Вебер и именовал «протестантской этикой», и оценил как один из факторов становления эффективной капиталистической экономики.

По его мнению, центральное для протестантского мировоззрения понятие «призвание» дает оценку рационально поставленному капиталистическому предпринимательству как угодному богу делу. Идеал протестантизма — «кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель». Что касается рабочих, то «призвание» делает их приверженными идее «долга по отношению к труду», восприятию труда как самоцели, оцениванию «своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью» — и все это в надежде на загробное воздаяние. [Вебер 1990, с. 73, 83] И у работодателей, и у наемных работников ценности протестантской этики формируют мотив достижения (добиться наивысших результатов в своей деятельности), чувство самостоятельности и личной ответственности.

Как справедливо отметил М. Кастельс, классическое эссе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и поныне остается методологическим краеугольным камнем осмысления сущности культурно-институциональных трансформаций, которые в истории возвещают новую парадигму любой экономической организации. Правда, веберовский анализ корней капиталистического развития впоследствии был поставлен под вопрос историка-

ми, которые справедливо указывали на альтернативные исторические формы, поддерживавшие капитализм столь же эффективно, как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах. [Кастельс 2000, с. 194]

Наиболее эффективными для современных обществ оказались системы ценностей, связанные не только с протестантской, но и с буддистско-синтоистской и конфуцианской этиками, т. е. со специфическим отношением к труду как к обязанности, долгу и призванию человека. Добавим к сказанному, что работы социологов, социальных психологов, специалистов по менеджменту показывают, что и в обществах с иной культурной традицией возможно целенаправленное формирование соответствующих ценностно-мотивационных структур. [McClelland, Winter 1960; Shaiken, Herzenberg 1987; Pux 1996; Коваль 1993; Коваль (1) 1994; Коваль(2) 1994; Льюис 1999; Колесникова, Перекрестов 2000]

Японские теоретики утверждают, что основное противостояние в современной мировой экономике является результатом дуализма христианского и конфуцианского капитализма. Этот подход обычно отсутствует у западных ученых и аналитиков, которые, как мы видели, основное внимание сосредоточивают на различиях внутри атлантического культурного ареала. Представители аналитиков Азии считают, что причинами существования различных типов капитализма являются в конечном счете различия в культурно-религиозных традициях. Согласно их позиции, восточноазиатский капитализм и даже новый капитализм Китая находятся под влиянием конфуцианской традиции и ее полурелигиозных основ, в то время как модель западного капитализма определяется христианством. При этом учитывается светский характер бывших христианских обществ, но подчеркивается, что система основных убеждений и взглядов на жизнь, которые влияют на экономику западных стран, осталась христианской и религия продолжает играть основную роль в дифференциации экономических систем в современной глобальной экономике. [Автономов (ред.) 1999, с. 12—13; Социальное рыночное хозяйство 2001]

Наиболее полно изучен феномен «японского чуда». Япония была первой страной за пределами европейского культурного ареала, достигшей высочайших результатов в экономическом развитии. Ведущие аналитики

пришли к однозначному выводу, что немалую, если не определяющую, роль в ускоренном развитии послевоенной Японии сыграло квалифицированное руководство, учитывавшее в числе прочего и национальные особенности японского работника. Так, проводя экономические реформы (после Второй мировой войны), японские элиты не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину — архаистскую коллективистскую структуру, а, напротив, использовали ее как канал реализации целей государства. Ведь община могла ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество. [Китахара 1996; Сакаия 1992; Пронников, Ладанов 1983]

Конечно, модернизация общества и экономики в Японии была следствием долгого и кропотливого изучения западного (а по ряду направлений и российского) опыта. Но мировое значение японских преобразований в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности. Соединение культурной традиции с достижениями индустриального мира привело к тому, что Япония стала первой древней цивилизованной страной, осуществившей скачок в современность. При рассмотрении новых стратегий перестройки деловых организаций в процессе перехода капитализма от индустриализма к информационализму (1980—2000-е гг.) многие авторы отмечают первостепенное значение новых методов менеджмента, родившихся на японских фирмах в контексте японской национальной культуры.

Менее изучен феномен нового экономического гиганта — Китая. Даже скептики, со справедливым сомнением относящиеся к данным официальной китайской статистики, признают качественные изменения в экономике и социальной структуре этой огромной страны. Впервые в истории более половины населения занято не сельскохозяйственным трудом, доля городского населения поднялась до 30%, основная масса крестьянских хозяйств превратилась в арендаторские. Рыночные отношения вошли во всю совокупность общественных связей страны. По официальным данным, ВВП Китая в 2000 г. достиг 331% по отношению к 1991 г. Пересчеты критиков показывают, что на самом деле этот рост был на 20—30% меньше. [Гельбрас 2003, с.70, 75] Однако и с этими оговорками и поправками нельзя не признать потрясающими экономические успехи

Китая с момента прихода к руководству страны в 1979 г. Дэн Сяопина.

Аналитики обращают особое внимание на эффективные результаты деятельности китайской организации бизнеса, основанной на семейных фирмах и кроссекторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей. [Castells 1998, p. 206—309] При этом всем наблюдателям совершенно очевидно, что китайцы, как и японцы, совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции своей древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизация США и Европы. Это не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, так же как и японская.

Мы имеем дело с конкуренцией двух доминирующих в мире ценностных систем в их национальных и локальных вариантах, и неизвестно, какая из них предпочтительней. А что ценностные системы являются определяющими при построении проекта жизни любого общества, вполне убедительно доказал великий социолог XX в. Толкотт Парсонс, и нет смысла возвращаться к его концепции центральной ценностной системы как определяющей, одухотворяющей, если угодно, проект жизни любого общества. Доминирующая проблема в современном мире — это идентификация. Именно после того, как перестало существовать противопоставление двух социально-экономических и политических систем (капиталистической и стейтистской [этакратической]), культурно-цивилизационная, конфессиональная, этническая идентификация вышла на первый план. [Геллнер 1991; Castells 1997]

В достаточно близкой исторической перспективе предстоит столкновение вершинно-индивидуалистического атлантического проекта, возглавляемого США, и коллективистского, возглавляемого Китаем. Разумеется, совершенно необязательно, что это столкновение должно принять трагические формы.

[Среди всех элементов национальной культуры на деятельность человека в современной экономике, на формирование человеческого капитала в наибольшей степени влияют система ценностей, социальные нормы и трудовые традиции, сформировавшиеся в течение всей истории конкретного этносоциального организма. Русский народ, конечно же, не составляет исключения. Но за долгие годы советского режима среди многочисленных этнологических работ по народам СССР, в том числе и по народам

Российской Федерации, белым пятном была область исследований по русскому народу. Я здесь не комментирую причин такой странной ситуации, однако ко времени распада Советского Союза реальных данных, необходимых для коррекции экономической и социальной политики в контексте этнокультурной специфики доминирующего государствообразующего этноса России, не было.

Как будет показано ниже, ни англо-американская, ни европейские, ни восточноазиатские формы капитализма не имеют никакого отношения к советской и постсоветской жизненной практике. Наша практика, наш опыт, наши перспективы могут и должны быть осмыслены в адекватных им терминах, объяснены адекватной теорией, вне контекста оппозиции «капитализм — социализм». Даже терминология, применяемая в европоцентристском подходе (тоталитарное общество, авторитаризм, демократия, правовое государство, общественное мнение), не отражает существенных свойств обществ, обладающих другими (т. е. не европейскими, не атлантическими и не восточноазиатскими) институциональными структурами и культурой.

Все теоретические дискуссии, о которых шла речь выше, имеют самое прямое отношение к выбору оптимальной стратегии экономического и социального развития России. На протяжении 1990-х гг. доминировал либеральный проект, основанный на идее предельной свободы рыночных сил, совершенствовании самих институтов рынка, ограничении роли государства в распределении общественных ресурсов, дальнейшего сжатия государственных расходов до 30% от ВВП (с нынешних 36%). Наиболее радикальные представители этого направления предлагают довести этот показатель даже до 20% ВВП. Между тем для стран ОЭСР этот показатель в среднем составляет около 50%; для наиболее успешно развивающихся стран из числа бывших социалистических доля государственных расходов в ВВП колеблется между 40 и 45%. Либеральный проект действительно дает возможность в среднесрочной перспективе добиться наиболее быстрого прироста ВВП за счет дальнейшего смещения центра экономической активности в сторону топливно-сырьевых отраслей. Вопрос в том, чьи интересы будут при этом приоритетными. Ответ не требует особой аргументации. Страна при продолжении реализации такой стратегии окажется без шансов восстановить позиции в сфере фундаментальной науки, прикладной науки и высо-

ких технологий. Добавим к этому неустойчивость сырьевых рынков и стремление наиболее развитых стран не допустить опасного конкурента на рынки высокотехнологичной и интеллектуальной продукции. Очевидно, что ставка на выключение государства из сферы экономики, на всеобъемлющее дерегулирование исключает для России возвращение в ряды государств, определяющих траекторию развития человечества.

Проблема, таким образом, состоит в переходе к реализации модернизационного проекта. Такой переход предполагает гармоничное сочетание серьезной промышленной политики с продолжением рыночных реформ, перераспределением ресурсов из отраслей, дающих на сегодняшний день наибольшую текущую коммерческую отдачу, в пользу наукоемких отраслей, что в конечном счете приведет к устойчивым высоким темпам роста. [Некипелов 2003, с. 5—15] Модернизационный проект наиболее соответствует национальным традициям, исторически накопленным особенностям российской цивилизации, о чем и пойдет речь в следующем разделе.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА РОССИИ

В этом разделе мы рассматриваем факторы определившие складывание в длительном историческом процессе специфических черт российской социетальной системы. Авторы концепций и более частных суждений, как правило, оценивали свой подход в качестве необходимого и достаточного обоснования и объяснения цивилизационной индивидуальности русского социума и вытекающей отсюда своеобразности и истории и современного состояния России. Представляется, что каждая из значимых и научно фундаментальных концепций является обоснованием и раскрытием одного из факторов формирования современной российской цивилизации, современной российской социетальной системы. Обобщая концептуальные подходы, сложившиеся в литературе, мы выделили следующие факторы: цивилизационно-экономический, геоклиматический, этноэкологический, этноконфессиональный.

2.1.

Цивилизационно- экономический фактор

Осмыслить современные события, раскрыть сущность настоящего можно, если «... ничего не придумывать, но попытаться понять логику развития самой России», ее 12-вековой истории [Чубайс 1998, с. 3]

Отечественные авторы Ю. Пивоваров, А. Фурсов [*Пивоваров, Фурсов* 2001; *они же* 1999; И. Чубайс [*Чубайс* 2000], А. Сусоколов [*Сусоколов* 1994], В. Межуев [*Межуев* 2000; *он же* 2001] и многие другие отмечают решающую роль следующих факторов специфичности отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, национальной культуры и менталитета: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, — многовековой процесс собирания земель, т. е. экстенсивный рост на протяжении примерно шестисот лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие — огромного напряжения народных сил.

Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. Пивоварова и А. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на не соответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный...». [*Пивоваров, Фурсов* 1999, с. 188—189] По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип: «Власть — все, население — ничто»; Власть — единственно значимый социальный субъект. [*Пивоваров, Фурсов* 1999, с. 189—190] Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной. «... Ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси — оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта.

Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь — вече — боярство — церковь. Ни в одном случае князь не был единственной властью — Властью с большой буквы, и в целом ситуация была похожа на европейскую.

Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому ордынству — Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, — ту «массу насилия», которая обесценивала властный потенциал боярства и веча...

Христианский мир носит полисубъектный характер по определению. Субъектность предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды, корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще церковь — по поручению Власти». [Пивоваров, Фурсов (2) 1999, с. 182—183]

О традициях и природе современного политического режима в России как самовластия пишет и В.М. Межуев: «Политологи соревнуются между собой в поисках термина, способного выразить суть нынешнего режима. Власть в нынешней России при всем ее отличии от монархической и большевистской обладает чертами удивительного сходства с последними...

В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это — самовластие, семантически близкое к понятию «авторитаризм», но с более понятным для нас русским оттенком. Оно — лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории...

...В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ — безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность. Власть в России самоопределилась по отношению не к обществу, а к народу (власть — субъект, народ — объект), что и придало ей не столько политический, сколько патримониальный характер. Народ и общество в России — взаимоисключающие понятия». [Межуев 2000, с. 94, 95]

В то же время и с не меньшим основанием немногочисленные авторы обосновывают наличие в национальной традиции слабой, но устойчивой линии на европейские политические институты, в частности выборные начала, сочетавшиеся с российской государственностью. Здесь прослеживается ниточка от вечевых собраний и выборных глав городских общин в домонгольской Руси, со-

хранившихся вплоть до XVI в. в Новгородской республике и Пскове, а в городах Московской Руси — до конца XIV в.; в XVI веке сложились две системы выборных учреждений — земской и губной; венцом выборных институтов в допетровской России были Земские соборы XVI—XVII вв.; даже в императорской России существовали выборные преимущественно сословные органы управления, среди которых следует особо выделить общинное самоуправление у крестьянства. [Ерошкин 1983; Медушевский 1998; Черепнин 1978]

Как пишет А.П. Страхов, развитое сословное самоуправление не переросло «в реально действующие органы власти, ограничивающие свободу действий правительства, как это было на Западе.

...Именно реализация традиционной модели самовластного правления в сочетании с самодостаточной жизнью крестьянского мира, сложившейся в силу особенностей исторического и экономического развития и закрепившейся в политической культуре народа, не позволила развиваться действенным представительным органам власти». [Страхов 1999]

Во многих работах А. Янова, с опорой на реальные данные об определенных этапах постордын-ской истории Руси — России (времен, например, Ивана III), обосновывается идея о борьбе в русской политической истории двух традиций — европейской и патерналистской («назови ее хоть евразийской, монгольской или византийской»). Он пишет: «Упустите хоть на минуту из виду этот роковой дуализм русской политической традиции и вы просто не сможете объяснить внезапный и насильственный сдвиг цивилизационной парадигмы России от европейской, заданной ей в 1480-е Иваном III Великим, к патерналистской — после самодержавной революции Грозного царя в 1560-е (в результате которой страна, совсем как в 1917-м, неожиданно утратила не только свой традиционный политический курс, но и саму европейскую идентичность). Не сможете вы объяснить и то, что произошло полтора столетия спустя. А именно столь же катастрофический и насильственный обратный сдвиг к европейской парадигме при Петре. ...И все лишь затем, чтоб еще через два столетия настиг ее новый гигантский взмах исторического «маятника», и она, по сути, вернулась в 1917 г. к парадигме Грозного, опять утратив европейскую идентичность. А потом всего лишь три поколения спустя новый взмах «маятника» в 1991-м. Как

объясните вы эту странную динамику русской истории, не допустив, что работают в ней две противоположные традиции?» [Янов 2001, с. 18; см. также Янов 1999]

Существенным восполнением к изложенным позициям является институциональная теория хозяйственного развития России новосибирского экономиста и социолога О.Э. Бессоновой. Под хозяйственной системой она понимает систему отношений, определяемую институциональным ядром, в рамках которых общество производит средства к своему существованию. Институциональное ядро образуют институты, обеспечивающие всю полноту правил и ограничений, в которых протекает хозяйственная жизнь общества и в которых общество осуществляет свою жизнедеятельность. Институты, подчеркивает Бессонова, представляют своего рода генную структуру общества, в том числе и хозяйственной деятельности. Отсюда следует, что прошлое хозяйственного развития можно рассматривать как жизненный цикл хозяйственной системы. Центральным для ее концепции является предположение, что наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики.

Бессонова отвергает формационную марксистскую парадигму как не отражающую специфических особенностей социально-экономического развития России. Правда, она почему-то выносит за пределы марксистской парадигматики идущую от самого Маркса линию на рассмотрение других, не европейских типов социально-экономических систем и не сводящую историю человечества к пяти формациям (это упрощение относимо, скорее, к советской модификации марксизма). Гораздо выше Бессонова оценивает цивилизационную парадигму, которая, как она признает, в отличие от формационной позволяет значительно лучше осмыслить общественное и хозяйственное развитие России. Однако она недостаточна для выявления закономерностей хозяйственного и общественного развития России, поскольку слишком «философична», но все же дает правильные методологические ориентиры. Не будем останавливаться на критической оценке других подходов, во многом неадекватно воспринятых Бессоновой.

Собственно авторская теория строится, с одной стороны, на цивилизационной теории развития, а с другой, на теории государственнической (стейтистской,

азиатской) социально-экономической системы. В ней прослеживается влияние выдающегося институционалиста Карла Поланьи (в частности, его концепции отношений редистрибуции) и отечественных авторов по проблемам азиатского способа производства, Е.Н. Старикова и других. [Стариков 1990; Стариков 1996]

Предлагаемая Бессоновой институциональная теория хозяйственного развития России основывается на предположении, что экономика России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей своей истории с IX по XX в., а экономическая эволюция страны есть эволюция институтов раздаточной экономики.

Под раздаточной экономикой понимается такая экономическая система, которая обладает следующими признаками:

- собственность носит общественно-служебный характер, она распределяется между всеми и не принадлежит в полном объеме никому, доступ к ней осуществляется в форме службы;
- в основе экономической организации лежит служебный труд, который носит обязательный характер и означает выполнение предписанных обществом функций;
- обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей создается через институт раздач;
- выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через институт сдач, которым обеспечивается обратная передача материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов в распоряжение всего общества;
- сигналы обратной связи передаются посредством института административных жалоб;
- механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков служит система управления и финансовые институты.

Фундаментальный принцип раздаточной экономики состоит в законе (механизме) сдач-раздач, предполагающем, что любой раздаче сопутствует сдача, т. е. это две стороны одного экономического отношения; что каждый субъект стремится к максимизации своей доли как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами; что на уровне общества существует стремление к балансированию потоков сдач-раздач.

На протяжении всех циклов российской истории с IX в. по XX в. развивалась и функционировала раз-

даточная экономика. Однако в каждом цикле (конец IX в. — XIII в., конец XIV в. — середина XIX в., 1920 — 1980 гг.) существовала своя форма воплощения раздаточной экономики. В «створе» между этими основными периодами русской истории существовали переходные периоды, во время которых получали распространение элементы, сходные с европейскими институтами того же времени, возникала частная собственность, распространялись товарно-денежные отношения. В основные же периоды господствуют общественно-служебная собственность и сдаточно-раздаточные отношения. Поскольку «чистых» экономик не существует, на каждом этапе присутствовала определенная доля отношений из противоположной системы, т. е. в рыночных — раздаточные, в раздаточных — рыночные. В длительные переходные периоды происходит жесткая конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространенной рыночной. В чередовании основных раздаточных и переходных квазирыночных периодов и выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евроазиатской цивилизации.

По мнению Бессоновой, России и в обозримом будущем не уйти от раздаточной системы. В результате всех событий последних лет в стране формируется институциональная основа **«либерального раздатка»**, а именно такой системы экономических отношений, в которой при сохранении своей сущности институциональное ядро раздаточной экономики воплотится в либерально-экономические формы с договорной моделью управления, бюджетным регулированием, хозяйственной независимостью основных экономических объектов ограниченно встроенного института рыночной торговли и частного предпринимательства. [Бессонова (1) 1999, с. 245—278; Бессонова (2) 1999]

Как будет показано далее, в разделе 4, концептуальная модель Бессоновой наряду с родственными моделями, взаимоувязывающими государственническую социально-экономическую систему, доминировавшую на протяжении большей части российской истории, и современный этакратизм, содействует раскрытию латентной сущности российской социетальности.

Мне представляется для современного этапа полемики весьма убедительным следующий вывод одного из лучших отечественных институционалистов — Р.М. Нуреева: «Вопрос о том, насколько правомерно использовать для характеристики общественного строя средневеко-

вой России теорию азиатского способа производства, обсуждался на протяжении всего XX в., но научная дискуссия по этой проблеме далека от завершения. Можно вспомнить еще полемику между российскими марксистами, когда в 1906 г. Г.В. Плеханов определил допетровскую Россию как «московское издание экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий» (*Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XV. — М. — Л., 1926. С.31*). В советский период подобная интерпретация российской истории стала в самой России заведомо невозможной, но зато получила широкое распространение среди западных советологов. (Назовем хотя бы Р. Пайпса — см., например: *Пайнс Р. Собственность и свобода. — М.: Московская школа политических исследований, 2000*). Отечественные историки не без оснований считали такой подход политически ангажированным и легковесным. Лишь в последние годы среди историков нашей страны начинает складываться традиция подлинно научного изучения российского деспотизма. (Большой резонанс, в частности, получили исследования А.П. Юганова — см.: *Юганов А.П. Категории русской средневековой культуры. — М., 1998*). Автор статьи не претендует на то, чтобы дать окончательный ответ, был ли в России при «старом режиме» азиатский способ производства как таковой или феодализм с элементами восточного деспотизма. Он считает нужным подчеркнуть лишь тот несомненный факт, что в дореволюционной России существовала мощная азиатская традиция, органически связанная с институтом власти — собственности». [*Нуреев 2001, с. 8*]

Тем не менее невозможно отрицать тот основополагающий факт, что ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу Киевско-Новгородской Руси привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников.

Напомним столь определяющую для судьбы народа такую составляющую его исторического развития, как история отношений собственности. Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного дворянского меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал Указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Но

этот документ не внес полной определенности в статус земли и работавших на ней крестьян (до того находившихся в собственности государя). Тем не менее можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1765 г. Екатерина II своим Указом объявила владельцев поместий вне зависимости от наличия документальных подтверждений *de jure* собственниками земель. Наконец, в 1785 г. императрица подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой «благородное российское дворянство» получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, т. е. земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Само понятие «собственность», введенное Жалованной грамотой, вошло в обиход, к примеру, в Германии еще в первой половине XIII в. Грамота декларировала «вольность и свободу дворян», добровольный характер их службы государству.

В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия — купцов и мещан. И те и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью. [Пайнс 2000, с. 248—249, 251; Миронов 2000] Что же касается основной массы населения — крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. [Собственность на землю 2002] Вот что пишет Б.Н. Миронов: «Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян. Начиная с 1861 г., сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы — «черный передел, т. е. экспроприация всех частновладельческих земель — и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян — в пользу крестьянской общины». К этому автор добавляет (и выделяет свое суждение): «...крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была привнесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом». [Миронов 2000, т. I, с. 344]

В целом можно сделать вывод, что *в канун Октябрьского переворота для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией*. Реформы П.А. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины

в независимого фермера. Другими словами, Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала. Привнесенный же с Запада социализм был трансформирован в парадигматику традиционных крестьянских представлений о правильной жизни. Поэтому большевизм получил (в отличие от европейских стран) серьезную социальную базу в России.

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями являлась евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру. [*Мир России* 1995; *Русский узел евразийства* 1997] Представляется, что важным системным элементом анализа транзитивных процессов в современной России может стать теория евразийства (Н. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Гумилев и др.). Евразийцы полагали, что Россия — это Евразия, а не только Европа. Следствием данного географического фактора явился этнический состав населения страны, в который входят наряду со славянами тюркские и другие неевропейские народы. Этой реальности не соответствовала ориентация верхнего класса России исключительно на Европу. [*Русский узел евразийства* 1997; *Гумилев* 1993] Много лет назад Ю.М. Лотман высказал интересную мысль: евразийство формировалось «по западную сторону границы, отделявшей оседлую европейскую цивилизацию от ВЕЛИКОЙ СТЕПИ, и по восточную сторону от конфессиональной границы, разделявшей истинное и еретическое христианство. Русь одновременно осознавала себя и центром мира, и его периферией, одновременно ориентировалась на изоляцию и интеграцию». [*Лотман* 1972, с. 5—6] В современной литературе получила распространение точка зрения, что теория евразийства может содействовать решению вопроса относительно характера происходящих в российском обществе перемен: означают ли они движение в направлении вестернизации, преодоления этакратизма или формирование особой социальной реальности. [*Пастухов* 1992]

Что за тип социетальности доминировал на протяжении большей части российской истории, включая ее советскую эпоху, каковы основные черты этакратизма, который был подлинной сутью советской псевдосоциалистической системы, обсуждение этих проблем будет продолжено в разделе 4. Пока отметим следующее.

Отнесение России к обществам этатистского (этакратического) типа дает лишь первое приближение к объясняющей концепции специфики социетальной системы, особенностей человеческих ресурсов, экономической культуры, трудовой этики, производственного поведения, менеджмента. Обращение к работам социальных философов, историков, социологов дает возможность вычленить Россию и русских из общей массы стран и народов с этатистской исторической судьбой, перейти от слишком обобщенной типологии (Запад—Восток) к типологии локальных цивилизаций. В каждый момент времени существует некая совокупность локальных цивилизаций, которые обычно выстраиваются вокруг мировых религий. В этом контексте Россию можно уверенно отнести к православной цивилизации, в которой она столетиями занимала лидирующие позиции. [Хантингтон 2003; он же 1995, с. 5; Пастухов 1992, с. 59—75; Межуев 2001, с. 587—601].

Деятели культуры Запада Россия, как правило, воспринималась как страна иного, неевропейского порядка. Так, Г. Гегель даже не включал русских в свой перечень «христианских народов Европы». Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия — некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той ни другой части света. Освальд Шпенглер утверждал, что Россия — кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого». [Шпенглер 1993, с. 110] Интересно, что Россия тем же автором воспринималась как еще «не завершенная» культура. В построенной им типологии мировых цивилизаций О. Шпенглер относил Россию к «назревающей», становящейся культуре, которой предстоит еще только заявить о себе в полный голос, в той мере, в которой позволит это сделать огромный потенциал ее роста.

Однако Шпенглер, по справедливому суждению П.А. Сорокина, в своей философии истории и в оценке России повторял все основополагающие постулаты выдающегося русского ученого, историка и социолога Н.Я. Данилевского. [Sorokin 1951, р. 359; Пивоваров 1992. № 1, с. 167—168] Мысль о том, что среди факторов, обуславливающих мультилинейность исторического процесса и многообразие форм развития общества, особая роль принадлежит тому или иному типу цивилизации, подробно развита в знаменитом

труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 г.), в котором он изложил свою теорию культурно-исторических типов. По его мнению, «цивилизация есть понятие более обширное, чем наука, искусство, религия, политическое, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себя включает». [Данилевский 1991, с.129] Он считал, что именно анализ исторически сложившихся типов цивилизации позволяет многое понять и объяснить в прошлом, настоящем и будущем народов. Данилевский глубоко чувствовал своеобразие русского культурно-исторического типа. Он не признавал универсализма романо-германской культуры. Он не критиковал западноевропейскую культуру, но отрицал представление о ней как о едином и единственном типе культуры, он воспринимал себя стоящим на почве иной культуры, равноправной и равноценной европейской. [Данилевский 1991; Хачатурян 2003, с. 96—109]

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. Арнольда Тойнби, Россия «есть часть общемирового незападного большинства». Русские никогда не принадлежали к западному христианству. «Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории». [Тойнби 1995, с. 156] Тойнби считал, что «почти тысячу лет» русские «принадлежали не к нашей западной цивилизации, но к византийской — сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации». [Тойнби 1995, с. 106] Россию он относит к государствам — форпостам, «испытывающим в течение достаточно длительного времени непрерывное давление извне», и со стороны «кочевников Великой Степи», и со стороны западного мира. Именно Россия явилась первым за всю историю цивилизаций оседлым обществом, которое не просто выстояло в борьбе против евразийских кочевников и не только победило их, но и достигло «действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав, в конце концов, кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища — в оседлые деревни». [Тойнби 1991, с. 140]

Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, уже упоминавшийся С. Хантингтон писал: «Некоторые ученые выделяют отдельную

православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе». [Хантингтон 2003, с. 56]

В России доминирующую позицию занимает и занимает в кругах социальных исследователей концепция принадлежности страны к семье европейских народов. Обычно авторы подчеркивают, что Россия — страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов, при этом получила распространение идея принадлежности России к так называемой «второй» или «другой» Европе. Концепция «второй» Европы связана с выделением эшелонов капиталистического развития. Под «первой» Европой подразумевается регион классического капитализма, включающий Западную Европу и Северную Америку, где переход от средневековья к современности совершился под влиянием внутренних органических процессов. К странам «второй» Европы относят Португалию, юг Италии, Грецию, Россию, т. е. страны, позже и менее органично вступившие на путь модернизации. При этом делается вывод, что нет и не может быть сомнений в европейской идентичности этих стран «другой» Европы. С наибольшей глубиной и основательностью эта концепция была развита в превосходных публикациях В.Г. Федотовой, в частности в ее монографии «Модернизация «другой» Европы». [Федотова 1997; см. также Кара-Мурза 2002]

А каково восприятие современными россиянами своего места в мире, рассматривают ли они себя частью европейского мира? Следует заметить, что сами наши соотечественники после массовой атаки mass media в конце 1980-х — начале 1990-х гг. о принадлежности России к европейской, западной цивилизации, при колебаниях в оценках западного образа жизни, устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию «чужим образцам». Такую позицию при опросе, проведенном ВЦИОМ в 2000 г., заняли 63% респондентов. На вопрос «Ощущаете ли Вы себя европейцем?» в опросах 1995—1997 гг. ответили «Часто» — 9—12%; «Иногда» — 13—16%; «Редко» — 17—18%; «Никогда» — 52—57%. На вопрос «В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?» в опросе 2000 г.

признали этот вариант универсальным образцом всего лишь 4% респондентов, а сочли его совершенно или не вполне подходящим 67% наших сограждан. Для западнически ориентированного автора статьи, откуда я позаимствовал эти данные, они являются свидетельством реакции опрошенных на собственную несостоятельность, точнее, их большинства, в условиях прорыночных реформ. Думается, что здесь мы скорее имеем дело с адекватным и неситуативным восприятием действительности, более реалистичным, чем у идеологов проводившихся реформ. [Дубин 2003, с.137—153]

Геоклиматический фактор

Относительно разработанной макроконцепцией русской уникальности является геоклиматическая концепция, адресованная к «неустранимым» системным свойствам русской территории. В доиндустриальных обществах природная среда играла огромную роль в формировании типа хозяйства, всей системы жизнедеятельности людей, трудовых навыков, умений и т. д. Лучшие результаты опыта, практики закреплялись; формировались этнические традиции освоения территории, трудовой деятельности. Эти традиции не могли не оставить следа в национальном менталитете (в том случае, если данный вид трудовой деятельности, определенные традиции труда становились достоянием широких масс людей). Сложившиеся за многие поколения системы воспитания были ориентированы в первую очередь на формирование работника, обладающего необходимыми для хозяйственной практики данного общества трудовыми навыками и психологическими чертами. Исследования по отдельным народам нашей страны и других стран показывают, что традиционные системы воспитания даже и при изменении типа хозяйства продолжают влиять на формирование трудовых навыков и особенностей психики значительной части населения. Мы имеем дело с нередким случаем инерции этнической традиции. Ее можно использовать или стремиться изжить, но в любом случае необходимо учитывать.

Взаимосвязь особенностей климата, трудовой деятельности и национальных традиций была замечена еще В.О. Ключевским, который писал: «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем,

что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля. Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии». [*Ключевский* 1956. Том 1, с. 313—314]

Ставшие стереотипами поведения, словно бы впитанные с молоком матери, эти навыки «рваного», некропотливого, неритмичного труда сказываются на всех видах и родах трудовой деятельности. В свое время один из наших известнейших ученых — И.П. Павлов отмечал, что для русских малохарактерны такие качества, как кропотливость, сосредоточенность, последовательность в выполнении задачи. «У нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налет. Это, очевидно, мы и считаем признаком талантливости, кропотливость и усидчивость для нас плохо вяжется с представлением о даровитости.

Как только человек привязался к одному вопросу, у нас сейчас же говорят: «А! это скучный специалист». И посмотрите, как к этим специалистам прислушиваются на Западе, их ценят и уважают как знатоков своего дела. Не удивительно! Вся наша жизнь движется этими специалистами, а для нас это скучно... Мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта». [*Павлов* 1991]

Есть и другие показатели, но все они сводятся к одному: Россия представляет собой континентальную страну с трудноосваиваемыми территориями, суровым климатом, ограниченным доступом к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями, имеет огромную протяженность, которая, с одной стороны, предоставляет необъятные запасы ресурсов, но, с другой стороны, затрудняет их транспортировку. Однако ведь можно провести сравнения и с теми немногими высококоразвитыми странами, которые также расположены вне зоны основного расселения человечества: Финляндия, Ка-

нада, Норвегия. И тут сравнение будет не в пользу России. Более того, трудно найти в литературе какие-либо упоминания о притязаниях этих стран на скидки по поводу суровости климата. Впрочем, есть же свои «преlestи» в субтропическом и тем более в тропическом климате.

Несмотря на эти оговорки, следует признать, что в контексте с исторически складывавшимся менталитетом данная географическая среда, приводившая к непредсказуемости результатов труда, явилась существенным фактором, повлиявшим на формирование русского характера.

Этноэкологический фактор

Наряду с цивилизационно-экономическим и геоклиматическим факторами специфического развития России важную роль играет этноэкологический фактор, т. е. характер среды формирования и последующего развития этноса.

И первая проблема, которую хотелось бы отметить в этой связи, заключается в степени моноэтничности населения России. Если в Советском Союзе существовали народы разной исторической судьбы с относительно целостными экономиками, со сложившейся государственностью, с преимущественным преобладанием «титulyного» этноса — народа на своей территории, то возникшее новое российское государство, помимо прочего, отличается от бывшего СССР преимущественной моноэтничностью. Здесь ясно и определенно преобладают люди одной культуры и одной исторической судьбы — русские. Это теперь по национальной культуре и языку одно из самых однородных государств мира. Уважая права на культурную самобытность всех народов России, мы не можем не учитывать фактора доминирования моноэтничности в государственном строительстве и экономической политике. Русских — около 82% всех граждан (здесь и ниже приводятся данные переписи населения 1989 г., к сожалению, данными Всероссийской переписи 2002 г. мы не располагаем). В общей сложности в России проживали 27 млн нерусских, что составляло 18,5 % от общей численности населения; но из них 7,5 млн человек назвали русский язык родным.

На наш взгляд, этнокультурная однородность государства повышает его динамизм, его потенциал в

развитии экономики. И малые, и большие народы в качестве базы своего воспроизводства имеют этническую территорию, своеобразную этноэкологическую нишу, основной ресурс сохранения и развития национального языка и культуры. Фактически все быстро развивающиеся современные государства или мононациональны (как Япония), или имеют в своей основе этническое ядро крупного народа (таким этническим ядром можно считать W.A.S.P. [белые, англосаксы, протестанты] в США). «Отход» от модели мононационального государства обычно сопряжен с конфликтностью, дополнительными трудностями в развитии. Национальное государство существенно повышает жизнеспособность этноса. Мы, конечно же, имеем в виду не расистское единство «по крови», а общность языка и культуры. Мы учитываем то, что плотность информационных связей внутри объединенных общностью языка и культуры социумов выше, чем между разными этносами. Выдающийся русский гуманист Н. А. Бердяев в 1923 г. писал: «Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным... Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни». [Бердяев 1990, с. 103]

Однако моноэтничность представляет собой лишь одну из характеристик экологической ниши русского этноса, учет же всего их комплекса нашел отражение в работах современного отечественного автора А.А. Сусоколова, который сформулировал этноэкологическую концепцию развития России. [Сусоколов 1994] Ниже кратко изложим ее основные идеи.

Особенности политических, социальных и культурных изменений в русском этносе на протяжении XX в. он рассматривает как следствие перехода российской цивилизации от экстенсивного к интенсивному типу. Русский этнос, по всей видимости, единственный на евразийском материке, который на протяжении, по крайней мере, шести веков до середины XIX в. практически непрерывно расширял территорию обитания. Это позволяло ему вовлекать в сферу жизнедеятельности все новые земельные и другие природные ресурсы (леса, полезные ископаемые и т. д.). Непрерывно росли и людские ресурсы. Возможность экстенсивного развития этноса на основе неограниченности всех видов ресурсов позволяла постоянно снимать противоречия, вызревавшие внутри каж-

дой его ячейки, не изменяя принципиально его структуры. Так, устойчивость основной ячейки этноса — сельской русской общины — достигалась за счет оттока «лишних» людей за пределы основной территории расселения этноса.

Экстенсивный характер развития отличал русскую культуру как от культур Западной Европы, где такие возможности были исчерпаны к XII—XIV вв., так и от цивилизаций Юго-Восточной Азии, в частности Китая, Японии, Кореи. Культуры, ставшие сейчас для нас референтными, в течение многих столетий развивались как культуры преимущественно интенсивные.

Противоречия, возникающие в процессе экстенсивной урбанизации, разрешались за счет привлечения практически неограниченных людских и природных ресурсов. Таким образом, получался замкнутый круг, который оказался разорванным в результате первого кризиса экстенсивной модели развития, политическим воплощением которого стал Октябрьский переворот 1917 г. Основной причиной этого кризиса явилась все еще сохранявшаяся возможность экстенсивного развития на основе традиционных для русского этноса сельскохозяйственных технологий. В то же время выход из этого первого кризиса был реализован только за счет форсированного развития тех традиций, которые лежали в основе культуры этноса на момент кризиса. Эта стадия развития русского этноса продолжалась в течение жизни трех поколений и соответствовала периоду строительства «реального социализма»; она была исторически необходима потому, что делала очевидным несоответствие традиционных принципов экстенсивной культуры новой ситуации.

Русский этнос в 20—30-е гг. XX в. не был готов ни к развитию демократических институтов власти, соответствующих требованиям европейской модели, ни к «введению» рыночных отношений, так как принципы менталитета массы людей, выброшенных из села в город и образовавших там маргинальные слои, не могли служить базой развития этих институтов. Именно в процессе так называемого «строительства социализма» произошли значительные изменения системы ценностей, господствующих среди основной массы, сделавшие возможным новый шаг в переходе от экстенсивной к интенсивной модели развития.

Условием перехода к интенсивной модели развития является исчерпание трех источников, обеспечивавших в течение столетий возможность привлечения неогра-

ниченного количества ресурсов для разрешения внутренних конфликтов — высокого естественного прироста, вновь осваиваемых земель и сверхдешевого сырья (руда, энергоносители и т. д.). Столкнувшись с необходимостью коренной перестройки, этнос на первом этапе перехода способен придерживаться только тех традиций, которые заложены в нем на момент начала кризиса. Поэтому первой его реакцией является форсирование, доведение до крайнего предела прежних принципов экстенсивного развития. Эта стадия развития соответствует периоду «строительства социализма», который завершается вторым кризисом экстенсивного развития.

В конце XX в. русский этнос вступил в принципиально новую стадию своего развития — окончательный переход от экстенсивной к интенсивной модели развития. Главным направлением начавшихся структурных изменений являются дифференциация русского этноса, кристаллизация устойчивых групп (территориальных, социальных, этнокультурных), формирование настоящей урбанистской культуры и качественно новых городских локальных субкультур.

На новом этапе противоречия между принципами экстенсивной и интенсивной культуры проявляются как на межгрупповом уровне, например между группами, воспринявшими принципы интенсивных культур, и группами, сохраняющими приверженность экстенсивным нормам, так и на внутригрупповом уровне, что приводит к возрастанию психологической напряженности в среде этноса. В целом восприятие основных принципов интенсивной модели русским этносом неизбежно, однако его культура изначально формировалась как экстенсивная, и неизвестно, не приведет ли необходимость перестройки к утрате ее лучших качеств или даже целостности.

Этноконфессиональный фактор *

Говоря об этноконфессиональном факторе развития русского социума, следует отметить, что он является следствием взаимодействия (переплетения) в отечественной истории трех традиций: язычества, византийско-

* Данный параграф написан В.В. Карачаровским совместно с О.И. Шкартаном.

го православия и русского сектантства. В том же хронологическом порядке они и возникли, сформировав три пласта русской национальной ментальности. Каждая из этих традиций занимает специфическое место в формировании духовного склада русского народа. Так, язычество исторически задавало некие «начальные условия», на которые легло и с которыми «срослось» византийское православие. Секты показали, что в России могут быть созданы хозяйственные типы, близкие западным, но в то же время секты создали лишь маргинальные слои в России. Однако именно православие внесло решающий и наиболее масштабный вклад в формирование российской культуры, именно оно создало «модальный» для русского этноса тип личности.

В течение веков имела место некая специфическая форма сосуществования двух этик — языческой и православной, элементы каждой из которых проявлялись в различные периоды и в различных сферах жизни. Как справедливо отмечает Дж. Биллингтон: «Исконный языческий натурализм, по-видимому, периодически оказывался в оппозиции к христианству, которое слишком поздно пришло из солнечных южных стран. В Великой Руси имело место не столько двоеверие, сколько постоянное проникновение первобытного анимизма в развивающуюся христианскую культуру». [Биллингтон 2001, с. 48]

Рассмотрим теперь основные характеристики православной доктрины, чтобы оценить потенциал ее влияния на развитие национальной экономической культуры. С экономической точки зрения православная доктрина чаще всего критикуется за «слабость» и «непродуктивность» трудовой этики. Начнем с того, что считается основным достоинством «конкурента» православия, — протестантизма. Протестантская этика подразумевает равенство людей на старте, равенство гражданское и тем самым не исключает последующей имущественной, экономической дифференциации, стимулирует на постоянное испытание верующим своей избранности посредством труда и успеха как его следствия. В этом смысле протестантизм органично соответствует рыночным отношениям. Ведь даже конфуцианская трудовая этика, содержащая традицию методичного самоиспытания, стоит ближе к протестантизму, чем православие, которое предполагает «равенство на финише», т. е. находится в полном противоречии с духом капитализма. [Мясникова 2000, с. 40—41; Гловели 1993]

Исследователи отмечают, что в фольклорном религиозном сознании трудовые модели, которые должны были присутствовать в житиях святых, почти не закрепились, так как не были ни «престижны», ни «перспективны» с точки зрения православной концепции спасения души... И действительно, православная доктрина рисует совершенно особый путь к богоизбранности: если «человек усердно молится и вдруг — результат, это означает, что он божий избранник... При отсутствии идеи труда как процесса в образах святых они, тем не менее, характеризуются идеей результата. Точнее — идеей одномоментного достижения результата посредством чуда». [Жижко 2000, с. 204]

Истоки православного безразличия к хозяйственной жизни разные авторы находят еще в византийской православной традиции. Так, например, Е.В. Жижко отмечает, что византийское «православие представляет труд как наказание, расплату, следствие греха... считается, что богатство — грех, а бедность — добродетель...». [Жижко 2000, с. 203]

Анализируя византийскую православную традицию, важное замечание делает Т.Б. Коваль: «...иноческий “град”, сосредоточенный на молитвенном подвиге и созерцании, хотя и имел большое влияние на общество, сам отличался безразличием к духовным судьбам мира. Социальная и хозяйственно-экономическая жизнь в миру оставалась целиком и полностью во власти языческих стихий. Повседневный труд, профессиональная деятельность, взаимоотношения людей в процессе производства и потребления не соотношались с их верой, не просвещались высшим смыслом служения Богу и ближнему». [Коваль(2) 1994, с. 82; см. также Зарубина 2001, с. 100—101; Фальцман 2000, с. 47]

Мы видим, что одна из основных черт православной этики состоит в том, что область ее действия не распространяется на бытовые стороны жизни. Поэтому вполне понятно, что экономическая культура всегда находилась не на самом высоком уровне в православной России, и даже неудивительно, если вспомнить об изначальной языческой природе России, что при снятии некоторых государственных ограничений (как произошло, например, при современном российском «капитализме») экономика просто становится областью «вне морали».

Но даже если ограничения той или иной природы предотвращали проявление «языческих сти-

хий» в хозяйственной практике, то и в данном случае православие не могло, как правило, создать продуктивное в веберовском смысле поле нравственных императивов. Об этом можно судить, вновь обратившись к примеру Византии: «...византийцы не стремились к совершенствованию орудий труда ни в сельском хозяйстве, ни в городском ремесле. Гарантией успеха считался не инструментарий, а мастерство самого ремесленника. Он владеет руками и более ничем.

Православное богословие по-своему поддерживало этот тезис, считая, что ремесленные орудия бесполезны, если отсутствует искусный мастер, способный преобразовать сырье в шедевр. Мастер и его навыки, таким образом, становились превыше всего. В результате архаичность орудий производства была характерна как в сельском хозяйстве, так и в ремесленных мастерских». [Коваль (2) 1994, с. 77]

Таким образом, православие явно или неявно формировало своеобразную гедонистическую мотивацию трудовой деятельности. Труд оказывался ценным только в связи с тем, что сам его процесс доставлял удовольствие мастеру. Другая возможная составляющая трудовой мотивации (труд как источник прибыли) православной этикой была в значительной степени блокирована. И действительно, «...к прибыли, полученной от ремесла и торговли, в православном византийском обществе отношение было отрицательным» [Коваль (2) 1994, с. 77].

Здесь необходимо упомянуть и о другой стороне воздействия православной этики на отношение русских к способу приобретения и сохранения богатства. Именно православная этика формировала в предпринимательской среде такие качества, как высочайшее доверие к партнеру, верность слову даже в ущерб собственной выгоде, использование беспроцентного кредита, корректное отношение к конкурентам и т. д. [Афанасьев 1993; Платонов 1992 и др.]

Наконец, еще одним характерным элементом православной трудовой этики была широкая распространенность крестных ходов и просительных молений о хорошей погоде, богатом урожае, в память о неурожае, градобитии, в связи с началом и окончанием сева и т. д. [Русские 1999, с. 191] Можно утверждать, что православный ритуал во многом замещал у русского крестьянина экономическую рациональность.

При этом существует точка зрения, что сама православная церковь никогда не относилась негативно к предпринимательству. [Зарубина Н.Н. 2002] В специальных исследованиях достаточно четко показано, что православие не содержит в себе, в отличие от протестантизма, вероучительных стимулов для предпринимательской деятельности. Но вместе с тем оно и не содержит каких бы то ни было установок на то, чтобы эту деятельность перекрыть. В православии духовный путь с мирской активностью не совпадает, но он ее и не перекрывает. Можно сказать, что православие является по отношению к предпринимательской деятельности институтом нейтральным.

Третьей значимой традицией в рамках этноконфессионального фактора, сформировавшего современную экономическую культуру русских, является старообрядчество и сектантство. Многие авторы небезосновательно отмечают, что Раскол расчистил путь для продвижения капитализма в России. Старообрядцы стали примером высокой созидательной энергии и культурной инициативы. Принудительное отделение от государства в XVII в. позже часто давало староверам серьезные духовные преимущества перед теми, кто машинально следовал за строго регламентированным империей господствующим Православием. В противоположность обычно невежественному православному для раскольника, как правило, грамотного, церковная книжность была умственной гимнастикой, школой принятия решений на основе личных суждений, необходимой для успеха в торгово-промышленной сфере. [Жунин 1998, с. 91—112]

С экономической точки зрения также интересен пример сект духовных христиан — как духоборов, так и молокан. Как и для раскольников, для них были характерными иная, чем в православии, этика труда и иной духовный тип «экономического человека». Они были ориентированы на «рациональное» ведение хозяйства, т. е. объективно — на развитие буржуазных отношений. Духовные христиане создали оригинальное вероучение и на основе него — свой хозяйственный этос, который позволял им так организовать свою работу и быт, что их уровень жизни был всегда намного выше, чем у их православных соседей. [Коваль 1994, с. 273; Коваль 1993, с. 20—62]

В качестве одной из возможных причин экономического успеха как старообрядцев, так и «ду-

ховных христиан» могла быть изгнанность, исключенность этих групп из русской общности. [Зарубина 2002]

Общий вывод, который следует из уже сказанного, состоит в признании решающего и наиболее масштабного вклада именно православия в формирование российской культуры вообще и экономической культуры в частности. Именно оно создало православный духовный тип «экономического человека», свой особый тип хозяйственно-го деятеля, тип экономического поведения, свою хозяйственную этику.

Уже цитированный Дж. Биллингтон, рассуждая о сегодняшней России, в своей последней книге «Лики России» справедливо отмечает: «В обстановке нового кризиса политической легитимности и нового смутного времени русские вновь обратились к неисчерпаемым богатствам своего культурного прошлого; они вскрыли три забытых пласта, каждый из которых как бы наслаивался один на другой, сохраняя их целостность. Верхний, самый заметный пласт составляла массовая культура конца XIX века с ее богатым литературным и музыкальным наследием, культура политически ангажированной интеллигенции; под ней лежал пласт имперской культуры XVIII века с ее изумительной архитектурой — культуры, сформировавшейся вокруг Санкт-Петербурга и придворной аристократии. А в фундаменте покоился пласт православной культуры восточных славян, центром которой была скорее Москва, чем древний Киев, и которая явилась плодом творчества монахов — первой на Руси и наиболее долговечной культурной элиты (подчеркнуто мною. — О.Ш.)». [Биллингтон 2001б, с. 25—26] О значении и месте православия и русской церкви в развитии российской цивилизации написано немало работ. Среди них особое место занимают превосходные произведения выдающегося историка России В.О. Ключевского, недавно переизданные и объединенные в сборник «Православие в России». [Ключевский 2000]

Естественно, что перечисленными и в определенной мере раскрытыми нами факторами не исчерпывается вся гамма исторических предпосылок формирования советской и постсоветской модели социетальной системы России. Однако ими во многом заканчивается «список» получивших хотя бы в первом приближении эмпирическое обоснование значимых факторов.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВ СОВЕТСКОГО ТИПА

3.1.

Либеральная критика советской системы как социализма в действии

Подавляющее большинство людей на Западе считало, что российское государство — действительно пролетарское, а общество — эгалитарное. Рабочие (примем во внимание кризисное на протяжении большей части лет между двумя мировыми войнами состояние западных стран, массовую безработицу) в значительной части воспринимали советский феномен с восторгом. Не меньшие позитивные эмоции выражали многие выдающиеся интеллектуалы, особенно после своих поверхностных ознакомительных поездок в Страну Советов (Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и многие другие). На европейских «властителей мысли общества» огромное влияние оказали наряду с многолетним экономическим кризисом на Западе в 1920-е — 1930-е гг. явления деградации духовной культуры и приход к власти в Италии, Германии, Португалии и Испании фашизма с кровавыми репрессиями, антигуманизмом и утверждением тоталитарного рабства. На этом фоне бурно развивающийся Советский Союз с официально провозглашаемыми ценностями

всеобщности знаний и культуры им представлялся оазисом социального и нравственного благополучия. Отрезвление наступило (и не у всех) значительно позже, после Второй мировой войны.

Напротив, определенная часть западных интеллектуалов негативно оценивала происходящее в России и тип становящегося общества (Бертран Рассел, Андре Жид и другие). Вот суждения выдающегося английского философа, лауреата Нобелевской премии по литературе Бертрана Рассела, одним из первых посетившего большевистскую Россию в 1920 г. и тогда же по свежим впечатлениям написавшего книгу «Практика и теория большевизма»:

возникла система, неприятно напоминающая прежнее царское правительство, — система, являющаяся азиатской по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного тайнства и покорности террору. Она борется за цивилизованность, за образование, здравоохранение и западные идеи прогресса; она состоит в основном из честных и напряженно работающих людей, презирающих тех, кем они управляют... они живут под страхом народных восстаний и вынуждены применять жестокие репрессии, чтобы сохранить свою власть». [Рассел 1991, с. 96—97] Рассел, пожалуй, первым обнаружил странное сходство даже раннего, незрелого советского режима с царизмом, объединив эти, казалось бы, антиподы по генерализирующему признаку — азиатской государственности. Позднее это органическое свойство социально-экономической системы советского типа, не имеющее ничего общего ни с капитализмом, ни с социализмом, более глубоко будет раскрыто другими авторами, но тем придется иметь дело со зрелым организмом, свойства которого и проявят себя со всей очевидностью. Б. Рассел сумел подметить особенности организации огосударствленной экономики, положение основных социальных групп населения, отсутствие прав и свобод личности, фиктивность власти Советов и всевластие бюрократии. Он со всей ясностью раскрыл социальную особенность новых хозяев страны — верхушки коммунистической партии: «Практически они одни обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство из них, далеко не впадая в роскошь, питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. ...И тысячами способов коммунисты могут достичь более

благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии. [*Там же*, с.18] Никогда впоследствии Рассел не отказывался от своего анализа советской системы, в случае победы которой «не будет создано никакого социализма, а воцарятся лишь хаос и разрушение». [*Там же*, с.11]

Одним из первых, если не самым первым, кто попытался понять, как реально организуется производство и потребление при социализме, был Б.Д. Бруцкус. Он пережил Октябрьский переворот в России, однако в ноябре 1922 г. был вынужден по приказу ГПУ эмигрировать в Германию. Основной причиной высылки из страны были его статьи в журнале «Экономист» (1921—1922 гг.), критикующие социализм как экономическую систему. Эти-то статьи и послужили первотолчком всей последующей либеральной критике советского социализма. Как он писал, свою задачу он видел в научной критике «эксперимента, произведенного над живым телом многомиллионного народа». [Бруцкус 1990, с. 177] Он подчеркивал, что русская революция «заставила, наконец, нас, экономистов, серьезно задуматься над социализмом как положительной системой». [*Там же*, с. 174]

Бруцкус, как и его современники, капиталистическими считал все страны с преобладанием частной собственности на средства производства вне зависимости от степени развития государственной системы социальной защиты населения. Социализм он определял как строй с общественной собственностью на средства производства, а марксистский социализм — как государственный, национальный. В нем хозяйство ведется по единому государственному плану, рынок и рыночные цены как регуляторы распределения производительных сил отвергаются. Подобно рыночным ценам другие категории капиталистического хозяйства (заработная плата, прибыль, рента) тоже теряют при социализме свое значение, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме — в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного про-

летариата. [Там же, с.179] Марксисты, по убеждению Бруцкуса, пришли к руководству Россией, не имея никаких научных представлений, как по-социалистически управлять хозяйственной жизнью огромной страны.

К чему приводит такое управление экономикой? Всякая хозяйственная деятельность должна быть подчинена принципу соответствия между затратами и результатами. В капиталистическом хозяйстве соответствие между затратами и результатами производства устанавливается через рынок. Все элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента, равно как и все продукты производства, оцениваются обществом на рынке. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства и получает отставку. Благодаря этому предприниматель постоянно находится в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участникам производства.

В социалистическом обществе руководители предприятий материально не выигрывают от их успешной работы и не проигрывают от их неуспешной работы. Таким образом, риск каждого производства перекладывается на все общество в целом. Поэтому ничто не может быть для социалистического общества опаснее, чем атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях неизбежна окончательная дезорганизация хозяйства.

Подобно тому как капиталистическое хозяйство имеет денежную единицу для измерения всех ценностей, вращающихся в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицей ценностного учета. По Марксу, в социалистическом обществе таким мерилom ценности должен быть труд. Бруцкус же показывает, что соизмерить труд разной интенсивности и квалификации в масштабах экономики страны практически невозможно. Но предполагает он, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства так или иначе осуществлен. Даст ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка?

Учет трудовых затрат в предприятии составит нечто вроде дебета капиталистического счета. Что же составит его кредит? Если следовать Марксу, то ценность продуктов производства определяется общественно необхо-

димым временем для их производства. Спрашивается: как нам найти это общественно необходимое время производства продукта? Здесь мы опять-таки от Маркса не получим определенных указаний. Нам придется признать общественно необходимой стоимость производства, полученную средним арифметическим из стоимости производства отдельных предприятий отрасли, или, что еще лучше, взять среднюю стоимость в соотношении с учетом размера производства. В этом случае предприятия разделятся на две группы. Одна из них покажет превышение кредита над дебетом, другая группа покажет превышение дебета над кредитом. Однако трудовой учет теряет какое бы то ни было значение, когда отдельные предприятия поставлены в различные естественные условия или если в различных соотношениях используют капитал. Ведь даже при социалистическом строе нельзя игнорировать тот факт, что производство всегда представляет собою взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы.

Откуда же социалистическое хозяйство получит директивы для организации производства? Каким образом его руководители измерят степень напряженности общественных потребностей? Трудовой учет в лучшем случае мог бы только указать сравнительную выгодность производства продуктов в том или ином предприятии, но он совершенно бессилён дать какие-либо абсолютные указания о том, выгодно ли вообще данное предприятие или нет. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других. Где же в социалистическом хозяйстве найти мерилло выгодности производства?

Система регулирования производства, предлагаемая научным социализмом, не имеет ничего общего с капиталистической. В социалистическом обществе нет рынка. Все распределительные функции централизованы в специальных органах, действующих согласно Госплану. Все предприятия социалистического государства работают для «общего котла» и снабжаются из «общего котла». Продукты передвигаются в социалистическом государстве вне порядка купли-продажи — без эквивалентов, словно в натуральном крестьянском хозяйстве. Но крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. А можно ли путем соответствующей интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства?! Именно в таких случаях количе-

ственные различия переходят в качественные. Даже при наличии мощной теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах измерить и взвесить потребности своих граждан, а значит, оно не может дать надлежащих директив производству.

Но самая слабая сторона социалистического хозяйства заключается в сосредоточении в руках бюрократии всех распределительных функций. В социалистическом хозяйстве нет прямой связи между производительностью предприятия и его снабжением. Даже если бы государство приказало служащим Госплана руководствоваться соответствием этих двух актов, то они не в состоянии были бы это сделать, так как в безрыночном хозяйстве отсутствует ценностный учет. В то же время открывается большой простор для различных политических влияний на экономическую жизнь, поскольку в социалистическом государстве политическая власть окончательно слита с экономической. Поэтому в социалистическом государстве, находящемся даже в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые не являются экономически целесообразными, а вызываются иными соображениями власти.

Вывод Б.Д. Бруцкуса таков: «Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна. Стремясь преодолеть «анархию капиталистического производства», социализм может повергнуть народное хозяйство в «суперанархию», по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии». [Бруцкус 1990, с. 194]

Чтобы понять, в какой обстановке пришлось развивать либеральную критику советской системы, последователям Бруцкуса, следует принять во внимание настроения в кругах влиятельнейших экономистов, преобладавшие с середины XIX в. Дж. М. Кейнс привел в своей статье, опубликованной в 1926 г., следующее высказывание одного из своих авторитетных коллег: «Как писал профессор Кэннан: «Едва ли хоть один признанный английский экономист пойдет в лобовую атаку на социализм как таковой». При этом он добавляет, что «почти каждый экономист, признанный или нет, всегда готов выискивать промахи у социалистов». [Кейнс 1998, с. 268]

Тем не менее целая плеяда блестящих экономистов, социологов и политологов проделала огромную работу по осмыслению трагического опыта государств, которые идеологами установившихся режимов именовались социалистическими. Среди аналитиков и критиков этих режимов, выступавших с либеральных позиций, особого упоминания заслуживают Фридрих Хайек, Людвиг фон Мизес, Ханна Арендт.

Остановимся на взглядах Ф. Хайека.

Фридрих А. Хайек (1899—1992) — австро-американский экономист, в 1974 г. удостоен совместно с Г.Мюрделем Нобелевской премии в области экономики. В целом ряде своих статей и книг, следуя своей приверженности к либеральным ценностям, он приводит аргументы в пользу несостоятельности плановой экономики и обосновывает превосходство рыночной системы.

Основу рыночной системы составляет принцип либерализма. Суть его заключается в том, что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению. Свобода предпринимательства сопровождается потребностью в создании и выполнении четких и общеобязательных правил. Процесс совершенствования институциональной структуры свободного общества, основанного на либеральных принципах, шел очень медленно, также постепенно росло благосостояние населения, которое обеспечивала свобода. Это существенно ослабляло позиции либерализма. Ему приходилось все время бороться с проектами, угрожавшему самому этому движению. Медлительность либеральной политики плюс стремительно растущие запросы общества привели к тому, что в конце XIX в. доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать. Все больше людей считали, что существующую систему нужно разрушить и заменить ее совершенно новым механизмом. Анонимный, безличный механизм рынка было предложено заменить коллективным и «сознательным» руководством, направляющим движение всех социальных сил к заранее заданным целям, что, по сути, и являет собой переход к планированию.

Централизованное планирование — это метод организации экономики при социализме. Хайек справедливо отмечает, что под словом «социализм» часто понимают два различных по сути понятия: с одной стороны, это слово используют для обозначения идеалов социальной

справедливости, социальной защищенности, но, с другой, подразумевают под ним совокупность особых методов достижения этих целей. Среди этих методов — отмена частной собственности на средства производства и создание системы плановой экономики, где вместо предпринимателя, работающего для получения прибыли, создаются централизованные планирующие органы. Вопросы, в которых расходятся либералы и социалисты, касаются не самих целей, а методов их достижения.

При этом не следует считать, что либералы против вмешательства государства в рыночную экономику. Без сомнения, есть ситуации, когда вмешательство государства, способствующее развитию конкуренции, необходимо (специальное законодательство для охраны и развития конкуренции, обеспечения безопасности работы и т. д.), но за исключением случаев, если оно не является косвенным контролем цен или количества товаров.

Хайек опровергает и поныне популярный аргумент о неизбежности планирования в связи с техническими нововведениями, делающими конкуренцию невозможной все в новых и новых отраслях и требующими управления производством на уровне правительства. Результаты исследований подтвердили, что оптимальные показатели эффективности достигаются, пока основная часть выпускаемой продукции не находится под контролем монополии, в том числе государственной. Он решительно отвергает тезис о том, что преимущества крупномасштабного производства обуславливают исчезновение конкуренции.

Неверна и посылка, что рыночный механизм не способен справиться с проблемами, порожденными сложной индустриальной цивилизацией. Отсюда — неизбежность применения механизмов централизованного планирования. Однако конкурентное взаимодействие эффективно и целесообразно не столько в простых случаях взаимодействия нескольких индивидов, когда стремления, цели и мотивы каждого очевидны, сколько в сложных случаях, когда невозможно учесть все влияющие факторы. Децентрализация приводит к возникновению проблемы координации. Именно таким механизмом является в условиях конкуренции механизм цен. Наблюдая за движением цен, предприниматель получает возможность согласования своей деятельности с действиями других таких же предпринимателей.

Один из основных недостатков плановой системы состоит в следующем. Выстраивая деятельность по единому плану, мы приходим к необходимости ранжировать все наши потребности и свести их в систему ценностей, настолько полную, что она давала бы возможность для осуществления единого выбора. Это предполагает существование единого этического кодекса, включающего все возможные ценности. Очевидно, что единого этического кодекса не может быть создано. Совсем по-другому обстоит дело в обществе, живущем по рыночным законам. Индивидуальная шкала ценностей каждого индивида является только небольшой частью всех потребностей, существующих в обществе. Признание за индивидом права действовать согласно его индивидуальным склонностям, не подвергаясь ничьему насильственному влиянию, — есть существо индивидуалистической позиции. Такая позиция не исключает существования «общественных целей», но они определяются не независимо от целей самого индивида, а на основе совпадения целей различных индивидов. Таким образом, можно утверждать, что использование системы планирования неизбежно ведет к диктатуре, так как учет желаний и устремлений отдельных индивидов приводит к разбалансировке планов и разрушению системы в ее основе.

В области соблюдения правопорядка, как и во многих других областях, ситуации в двух сравниваемых системах существенно различаются. Либеральная рыночная система основывается на том, что индивид может действовать по своему усмотрению в рамках, жестко определенных законом, т. е. он четко представляет себе, какие действия запрещены законом и какие санкции последуют за их совершение. В плановой системе дело обстоит абсолютно иначе. Проблема в том, что государство должно заботиться о постоянно меняющихся нуждах населения, выбирая из них самые насущные. Изменчивость ситуации приводит к невозможности выработки жесткой системы правил на долгий период. Решения по каким-либо причинам принимаются в интересах определенных групп, что порождает появление привилегий и приводит к неравенству. В конечном итоге в планируемом обществе нет правозаконности. Но это не означает, что в нем нет законов. Действия аппарата насилия ничем не ограничены, и закон может санкционировать любой произвол.

Поскольку экономическая жизнь находится под контролем государства, то для совершения любого действия человек должен получить дозволение властей, что, по сути, и является полным контролем над жизнью индивида. При этом суть контроля над поведением индивидов не в контроле потребления, а в контроле производства. В конкурентной экономике индивид, недовольный товаром или услугой, предлагаемой одним продавцом, волен пойти к другому. В плановой же экономике мы сталкиваемся с ситуацией всеобъемлющей монополии, ограничивающей выбор потребителя теми товарами, которые по каким-либо причинам решено было производить. Контроль над производством приводит к ограничению еще одной либеральной свободы — свободы выбора занятия. Планирование ставит под контроль приток рабочей силы в те или иные отрасли, либо условия оплаты труда, или и то и другое. В условиях рыночной экономики человек, желающий заниматься определенной работой, но не подходящий для нее по каким-то критериям, имеет возможность, начав с низких позиций, доказать свою пригодность и способность к желаемой работе. В то время как при плановой экономике отбор на определенные должности осуществляется по строго определенным формальным критериям и, не обладая требуемыми характеристиками, получить желаемую работу невозможно. [Хайек (1) 1992; Хайек (2) 1992; Хайек 2000]

Однако и у критиков новой социально-экономической системы доминировало представление, что в России у власти находятся люди, вышедшие из низов и защищающие интересы низов в ущерб средним слоям, как интеллигенции (именовавшейся буржуазной и признаваемой упадочнической и недееспособной), так и предпринимателям. Общество же, развивающееся в СССР, признавалось социализмом в действии. Это подтверждали и модные авторы тех лет (1920—1940-е гг.) в романах, ставших классическими тоталитарными дистопиями (например, Олдос Хаксли со своим «О дивный новый мир», и автор романа «Мы» Евгений Замятин, и Джордж Оруэлл со знаменитыми «1984-м» и «Фермой животных»); и такие серьезные исследователи, как прозванный рыцарем свободного предпринимательства Людвиг фон Мизес, лауреат Нобелевской премии Фридрих А. Хайек, либеральный философ Ханна Арендт и другие. И отрицательное восприятие прихода к власти Хама с мозолистыми руками, приведшего в мир со-

циализм как систему, было типичным для западной элиты. Но кто же пришел к власти на самом деле? На этот вопрос попытались дать ответ «паршивые овцы социалистического стада», критики системы изнутри, отчаявшиеся увидеть реализацию своих социалистических идеалов на земле «реального социализма».

Государственный капитализм и новый господствующий класс

Концепция, получившая широкое распространение еще в 1960-е гг., состоит в признании обществ советского типа классовыми, где господствующему классу номенклатуры противостоит класс государственно зависимых работников, лишенных собственности (в том числе и на свою рабочую силу); это общество может быть интерпретировано как тотальный государственный капитализм.

Эта концепция имеет длительную историю. Еще задолго до возникновения советской системы М.А. Бакунин в сочинениях 1870—1873 гг. пришел к выводу, что государственная собственность при диктатуре пролетариата станет экономической базой господства класса «красной бюрократии».

В 1930-х гг. идея о возникновении нового класса появилась почти одновременно в работах русского философа Н.А. Бердяева и одного из создателей советской системы Л.Д. Троцкого. В книге Н. Бердяева, впервые опубликованной в 1937 г., прямо и недвусмысленно сказано: «... новая советская бюрократия более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы». Классовое угнетение приобрело новые формы, непохожие на капиталистические. [Бердяев (1) 1990, с. 105]

В то же время Л.Д. Троцкий в книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет» писал: «Средства производства принадлежат государству. Но государство принадлежит бюрократии». Сам Троцкий не был автором теории нового класса. Более того, он отмечал, что «у бюрократии нет ни акций, ни облигаций». Она вербует «... в порядке административной

иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности». Поэтому он отвергал представление о советской бюрократии как классе «государственных капиталистов». В то же время он отмечал, что она есть нечто большее, чем обычная бюрократия. Это единственный в полном смысле привилегированный и командующий слой в советском обществе. [Троцкий 1991, с. 206; Ро-говин 1990, с. 33, 36]

В 30-е гг. нашего века именно в среде сторонников Л.Д. Троцкого получили развитие первые систематические концепции, описывающие Советский Союз как общество, подчиненное бюрократическому классу, господствующему классу нового типа, управляющему и экономикой, и обществом. Их создателями были: Бруно Рицци, автор вышедшей в канун Второй мировой войны книги «Бюрократизация мира», и Д. Бернхэм с его знаменитой книгой «Революция управляющих».

Рицци утверждал, что русская революция заменила одну систему экономической эксплуатации и политического угнетения другой. Троцкий, преследуемый призраком реставрации капитализма в СССР, просмотрел «бюрократический коллективизм», утвердившийся здесь как новая форма классового господства. В отличие от Троцкого Рицци доказывал, что бюрократия и владеет средствами производства, и извлекает прибыль, только делает это не индивидуально, как прежние классы, а коллективно, косвенным образом, посредством государства, собирающего в казну общенациональную прибавочную стоимость и распределяющего ее среди своих чиновников. Эта новая ситуация — не переходная фаза, а устойчивое состояние общества, его новый этап развития. Бюрократическому коллективизму суждено вытеснить капитализм, так как он более эффективен. Рицци считал, что эта новая социальная система победила не только в СССР, но и в нацистской Германии, фашистской Италии, и в рузвельтовских США, т. е. всюду, где доминируют идеи государственного контроля и планирования. [Изложено по: Дойчер 1989, с.213]

Бернхэм же писал о том, что в течение последних десятилетий управление производством фактически ускользает из рук капиталистов, которые теряют свой статус правящего класса. Возникновение акционерного капитала символизирует переход власти к менеджерам, ибо кто контролирует, тот и собственник. Революция менедже-

ров началась с России, где на смену капиталистическому обществу пришло общество управляющих. Лозунги здесь, увы, не совпали с результатами. Капиталисты были ликвидированы как класс, массы обузданы, рабочий контроль свернут; те, кто осуществлял переворот, были уничтожены. Россия стала первым государством менеджеров. В ней сформировалась система классовой эксплуатации на основе государственной экономики. Приход в Германии к власти нацистов был, по мнению Бернхэма, также революцией менеджеров. [Burnham J. 1941]

После Второй мировой войны наиболее впечатляющий вклад в это направление анализа обществ советского типа внес Милован Джилас. Его книга «The New Class. An Analysis of the Communist System» (L., 1957) и поныне является одной из наиболее читаемых и авторитетных работ по проблемам социального неравенства в обществах советского типа. [Русское издание см.: Джилас 1992] Джилас имел ряд преимуществ перед Бернхэмом. Во-первых, перед его глазами был опыт не только СССР, но и восточноевропейских стран, и опыт большей продолжительности, чем к моменту написания книги Бернхэмом. Во-вторых, он наблюдал и изучал систему изнутри, поскольку был до того одним из основателей и руководителей социалистической Югославии.

Он считал (в отличие от Бернхэма), что границы распространения нового класса совпадают с границами распространения самой коммунистической системы, и проводил четкую грань между менеджерами капиталистических и социалистических стран. По его мнению, бюрократы в некоммунистическом государстве являются чиновниками в современной экономике. Коммунистические же бюрократы не имеют над собой ни собственников, ни политического контроля. Они представляют собой новый класс, где ведущие позиции занимают работники партийного аппарата.

Джилас писал о том, что коммунистические революции действительно явились результатом обострения социальных противоречий в странах с низким уровнем развития капитализма. Их результат в какой-то мере аналогичен тому, к которому пришел Запад, поскольку отношения, созданные после их победы, являются государственно-капиталистическими. Он аргументирует это следующим образом. Так как собственность — это право на

прибыль и контроль, а все это находится в руках у коммунистической бюрократии, то революция, совершенная во имя ликвидации классовой эксплуатации, завершилась полным господством единственного нового класса. Специфической характеристикой нового класса является его коллективная собственность, что встречалось ранее в восточных деспотиях. Коммунисты не изобрели коллективную собственность как таковую, но придали ей всепроникающий характер.

Всесторонний анализ нового класса применительно к СССР осуществил идейный последователь Джиласа — М.С. Восленский. Исходный тезис М.С. Восленского таков: еще до революции была создана организация профессиональных революционеров, ориентированная на захват власти. После своей победы в октябре 1917 г. они разделились на два типа управленцев: ленинскую гвардию и сталинскую номенклатуру. В середине 1930-х годов номенклатура ликвидировала старую ленинскую гвардию. Такой же поэтапный процесс имел место во всех странах коммунистической системы.

Цель системы — власть и господство над другими. Этому и посвящают себя ее руководители — партийные олигархи. Система построена на нищете и пассивности масс, они зависят от власти, которая сама по себе является привилегией. Здесь господствует каста-номенклатура, которая представляет собой часть правящей партии. Восленский предпринял попытку исчислить размер господствующего класса. Всего, по его подсчетам, к началу 1980-х гг. номенклатура включала около 750 тыс. человек, а вместе с семьями — 3 млн. Примерно 100 тыс. — политические, партийные руководители; затем идет номенклатура из органов безопасности, армии, сфер производства, образования, науки и т. д. [Восленский 1991]

Весьма своеобразную критику и определенное развитие идеи нового класса получили в трудах блестящего венгерского социолога Ивана Селеньи. Он анализировал эту проблему сквозь призму процессов изменения социальных позиций интеллигенции на основе главных классовых критериев — власти и собственности. Широкую известность получила его книга, написанная совместно с Дьердем Конрадом «Путь интеллигенции к классовой власти». [Konrad, Zeleni 1979; см. также Конрад, Селеньи 1991; Селеньи 1995] Эту книгу сами авторы рассматривали как

дружескую полемику с Милованом Джиласом. В книге были выделены три периода развития социализма. Первый — сталинизм. Лучшим теоретиком социальной системы этого периода был, по мнению авторов, М. Джилас. Для этого периода были характерны иерархическая структура общества, монопольная власть бюрократической элиты, сословные методы управления. Закончился он в середине (или к концу) 1950-х гг. Начавшийся тогда же второй период социализма характеризуется стремлением бюрократической элиты привлечь на свою сторону интеллигенцию, в основном техническую, и разделить с ней власть. Книга была посвящена анализу этого второго периода. В ней Конрад и Селеньи утверждали, что на этом, втором этапе пошел процесс разложения государства сословного типа, стала уменьшаться монопольность господства бюрократии и началось образование нового правящего класса, который, по-видимому, будет включать в себя всю интеллигенцию. Формирование этого класса займет целую историческую эпоху. Социализм, при котором власть будет принадлежать интеллигенции, станет качественно новой эпохой. Это и будет третьим периодом социализма.

В более поздних публикациях (1988 г.) Конрад и Селеньи писали о том, что для возникновения нового класса нужны действующие силы, агенты, способные и стремящиеся занять новые классовые позиции; нужны также новые социально-экономические позиции, которые они могли бы занять; наконец, эти новые действующие силы должны выработать новый тип сознания. По их предположениям, по всем трем аспектам в ходе посткоммунистического развития интеллигенция Центральной и Восточной Европы имела шанс сформироваться как класс.

А в статье, датируемой 1991 г., эти же авторы с энтузиазмом писали: «В настоящее время интеллигенции действительно принадлежит наиболее существенная роль в трансформации обществ государственного социализма... Произошел распад фундамента, на котором зиждилось господство бюрократии, и с уходом с политической арены прежней элиты единственным жизнеспособным претендентом на роль новой элиты стала интеллигенция». [Конрад, Селеньи, 1991, с. 26] Жизнь не подтвердила этого предвидения венгерских социологов.

Долгие годы по цензурным соображениям российские социологи лишь намеками и крайне редко

отмечали свою приверженность концепции нового класса. И лишь в конце 1980-х гг. вышли публикации С. Андреева и других авторов, открыто признающих себя сторонниками этой позиции. С. Андреев писал, что управленческий аппарат обладает всеми признаками общественного класса, создает для себя возможность присвоения не принадлежащего ему чужого труда, используя свое положение в системе общественного производства. Существование этого нового класса возможно лишь в условиях экстенсивного развития экономики, поскольку интенсивный путь требует принципиально иных общественных и производственных отношений. [Андреев 1989]

Критика официальной формулы «два класса + интеллигенция» советскими социологами

В течение 20 послеоктябрьских лет вслед за К. Марксом и В.И. Лениным идеологи советского режима утверждали, что в СССР создается социалистическое, т. е. бесклассовое, общество. Этот подход сохранялся в Коммунистической партии вплоть до 1934 г. (XVII съезд партии). Пропагандисты того времени соревновались в доказательствах возрастающей быстроты процессов эгалитаризации и ликвидации всех и всяческих классов. И вдруг в докладе И.В. Сталина «О проекте Конституции СССР» было заявлено, что с наступившей победой социализма в стране сформировались новые общественные классы — «совершенно новый, освобожденный от эксплуатации рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» и колхозное крестьянство. Лица умственного труда были причислены к особой социальной прослойке — интеллигенции, вышедшей из народа и связанной с ним тесными узами. В СССР остались три дружественные социальные силы, «границы между которыми стираются, а старая классовая исключительность — исчезает». [Сталин 1952, с. 549, 550—551]

При этом подчеркивалось сохранение рабочим классом более высокого статуса, чем у колхозного крестьянства и интеллигенции в силу его особой «исторической миссии». Он был связан с «высшей» формой ответственности и играл «ведущую» роль в процессе перехода к

коммунизму. Сохранение дифференциации в доходах не связывалось с иерархиями и привилегиями отдельных классов и слоев, а объяснялось различиями вклада конкретных работников в производство, а также в социальном опыте и ответственности. Привилегии и различия в доходах не соотносились с властью, позволяющей присваивать труд других социальных групп.

С этого времени вплоть до конца 1980-х гг., партийно-государственная концепция социальной структуры страны строилась на основе трехчленной формулы И.В. Сталина: рабочий класс — колхозное крестьянство — народная интеллигенция. Было очевидно, что в этой формуле не соблюдено элементарное правило классификации — взаимное исключение элементов. Оно было выдержано по отношению к обоим «классам» и нарушено по отношению к интеллигенции. В первом случае критерием служили различия в формах собственности (государственная и колхозно-кооперативная), во втором — различия в характере труда (умственный и физический). Но это, как и противоречие данной формулы с классическим марксизмом, в соответствии с которым социализм есть общество без классов, не смущало идеологов партии, а точнее, идеократов из рядов номенклатуры.

Формула «два класса + прослойка» была создана, чтобы замаскировать реальную стратификацию с невиданными различиями верхов и низов. Так, за словом «интеллигенция» скрывались и сельский учитель, кормивший себя с огорода, и крупный номенклатурный бонза. Эту-то пирамиду и прикрывала «трехчленка».

Модель «2+1» сознательно игнорировала властное измерение. В этом был заведомый отказ от научного подхода к изучению советского общества, отказ от следования традиции К. Маркса, для которого власть была ключевой категорией, через которую преломлялись классовые отношения.

Первые попытки поставить под сомнение эту сталинскую формулу, как не отражающую реальность социальных отношений, были предприняты советскими социологами в 1960-е гг. Они были связаны с дискуссиями о границах рабочего класса и месте интеллигенции в социальной структуре. Сущность проблемы еще в 1920-е гг. отчетливо сформулировал А. Грамши, выдающийся итальянский философ и политический деятель: «Являет-

ся ли интеллигенция автономной и независимой социальной группой или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?» [Грамини 1960, с. 95]

В 1960-е гг. у интеллектуалов и на Западе, и на Востоке были чрезвычайно сильны технократические иллюзии. Выходили многочисленные книги о проблемах научно-технической революции, вера в возможности научной реорганизации общества, в ликвидацию неонаученного физического труда была огромной. И действительно, доля традиционных отрядов рабочего класса во всех индустриальных странах резко падала. Столь же быстро росла доля занятых в сфере услуг, служащих и работников умственного труда. В связи с этим на Западе конкурентно развивались две концепции. Одна — о резком расширении и постепенном доминировании среднего класса в обществах зрелого индустриализма и постиндустриализма (информационная экономика). Другая (предложенная марксистами с Запада) — о смещении границ рабочего класса и вхождении в его состав в качестве автономных слоев служащих и значительной части техников и инженеров.

Эта дискуссия в СССР была опрокинута на плоскость иной социальной действительности. Расширенная трактовка границ рабочего класса была взаимоувязана с фактическим отказом от «трехчленки». Оппоненты «трехчленки» доказывали, что конторские, торговые и инженерно-технические работники могут рассматриваться как часть рабочего класса. [Шкаратан 1970] Аналогичным образом трактовалась социальная позиция технической интеллигенции, работающей в колхозах. Она рассматривалась как социальный слой внутри колхозного крестьянства. [Арутюнян 1971]

Вокруг этих, казалось бы, не несущих особой идеологической каверзы идей развернулась многолетняя шумиха в печати, продлившаяся вплоть до конца 1880-х гг. Почему так остро среагировали идеологи партии на расширительную трактовку границ «основных классов»? Да потому, что было задето «святое». «Трехчленка» давала полную возможность продолжать пропагандировать идею о ведущей роли рабочего класса, о ведомых им крестьянстве и интеллигенции. Получалось, что, например, инженеры, руководители производственных подразделений, социально-статусно ниже менее грамотных, менее знающих подчиненных. Но в этом моменте скрывалась ключевая линия

номенклатуры, состоявшая в опоре на менее образованные, менее развитые слои населения.

Постановка вопроса о новых границах рабочего класса сопровождалась суждениями об определяющем значении научно-образованной части общества в его развитии. Следовал вывод о перспективах участия интеллигенции во властных структурах.

Более того, поскольку «профессиональные организаторы» (по терминологии социологов тех лет, на самом деле — властвующая элита) никак не вписывались в границы основных классов, то их стали выделять в особый социальный слой. Так, высшие слои советского общества, отсутствовавшие в эмпирических стратификационных исследованиях, появляются в теоретических конструктах советских авторов. В этот слой включали лиц, для которых функции управления стали профессией. Они обособляются от остальных групп населения своей главной отличительной особенностью — правом принятия решений, обязательных для других и правом воплощать эти решения с применением силы, если это оказывается необходимым. Здесь перед нами элементы концепции власти как стратифицирующего фактора, которые, пусть и намеком, появились в советских публикациях. Правда, власть при этом трактовалась как нечто непременно используемое в общественных интересах. Она никогда не выступала — по крайней мере, в макросоциальном контексте — как отношение между правителями и подданными.

Но тем не менее в 1960-е гг. небольшой группой советских социологов был сделан решающий шаг по отказу от модели «2+1», в которой сознательно игнорировалось властное измерение.

О неклассовом характере обществ советского типа

Отказ от формулы «2+1» привел ряд советских социологов к логически непротиворечивому выводу о необходимости конструирования стратификационной неклассовой (в марксовом или веберовском понимании этой категории) модели советского общества. Такой подход, альтернативный по отношению к концепции государственного капитализма и нового класса, был подкреплен трудами коллег

из восточноевропейских стран. Эта альтернативная, менее распространенная концепция рассматривала социальные членения в обществах советского типа как иерархические слои, с размытыми границами, обширными зонами трансгрессии между слоями; общество определялось как сословно-слоевое. Становление этого подхода шло преимущественно в академических структурах, и он длительное время оставался вне поля широких политических обсуждений.

Авторы второй концепции усомнились в доказанности тезиса, что номенклатура — это класс, поскольку она, хотя и использует собственность в своих интересах, но правами распоряжения средствами производства не обладает. Властвующие группы в СССР и других социалистических странах обладают монопольным положением в системе власти, «собственностью на государство». Возникает проблема применимости традиционного для европейской социальной мысли классового подхода к системам неравенства в обществах советского типа.

Одним из первых неклассовый характер обществ советского типа признал выдающийся польский социолог Ст. Оссовский. Анализируя ситуацию в странах Восточной Европы, он пришел к выводу, что поскольку здесь изменения социальной структуры в большей степени осуществляются по воле политической власти, постольку мы далеки от трактовки социального класса в том смысле, как его понимали Маркс (т. е. как групп, различающихся по их отношению к средствам производства) или Вебер (т. е. как групп, различающихся по их отношению к рынку). В ситуациях, где политическая власть может открыто и эффективно изменить классовую структуру; где наиболее важные для социального статуса привилегии, включая повышенную долю в национальном доходе, даруются этой властью; где значительная часть или даже большинство населения включено в стратификацию по типу бюрократической иерархии, — там категория класса становится большим или меньшим анахронизмом, а классовые конфликты уступают место другим формам социального антагонизма. [Ossowski 1957]

Следует заметить, что этот подход устойчиво сохранялся в польской социологии в 1960—1980-е гг. Здесь можно упомянуть работы Стефана Новака, Влодзимержа Весоловского, Зигмунта Баумана и многих других. Стефан Новак в 1964 г. недвусмысленно писал: «Эволюция социального положения в послевоенной Польше независи-

мо определяется профессией, экономическим положением и образованием; в то время как эти факторы, которые, в свою очередь, являются взаимозависимыми, — могут либо дополнять, либо уничтожать влияние друг друга». [Nowak 1964, р. 43] Стефан Новак предложил выделить в населении Польши следующие социальные слои: неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие, работники не-физического труда, творческая интеллигенция и лица свободных профессий. Точно такой же была позиция социолога Влодзимержа Весоловского, который в своих исследованиях польского общества основывался на социально-профессиональной стратификации, беря в качестве дифференцирующих переменных профессию, образование, доход. [Wesolowski 1968]

Более того, авторитетный польский социолог Е. Вятр высказал идею, что именно для СССР, где нет (в отличие от Польши) мелких капиталистов в городе и частнособственнического крестьянства в деревне, правильно наметить слоевую структуру, без классов, что СССР можно считать неэгалитарным бесклассовым обществом. [Wiatr 1965]

Примерно такую же позицию занял в 1960-е гг. видный чешский социолог П. Махонин. Он выдвинул на первый план дифференциацию по характеру труда. Были предложены следующие компоненты социального статуса:

- 1) сложность работы (наличие творческих элементов в труде, степень самостоятельности труда, требуемая квалификация);
- 2) образование;
- 3) участие в управлении (объем власти), основанное на:
 - а) социально-профессиональной позиции по месту работы,
 - б) политической деятельности в свободное время;
- 4) уровень жизни;
- 5) образ жизни в свободное время.

Авторы провели блестящий представительный опрос по территории всей страны. И уже в труднейших условиях оккупации Чехословакии советскими войсками сумели издать итоговую книгу. [Machonin 1969] Это была фундаментальная монография, последний отблеск «социализма с человеческим лицом», мечты интеллигентов-шестидесятников о возможности решить социальные проблемы на основе «государственного социализма».

Последующие двадцать лет на долю авторов достался неквалифицированный физический труд, который они проектировали (совместно со столь же прекраснодушными теоретиками из других стран «реального социализма») преодолеть (ликвидировать) в недалеком будущем.

Точка зрения на советское общество как слоевое получила развитие в СССР с начала 1960-х гг. Конечно, вынужденные к тому идеологической цензурой, некоторые отечественные исследователи обычно добавляли обязательные слова о сохраняющихся еще «двух дружественных классах и народной интеллигенции», но опытный советский читатель тут же обнаруживал комментарий о том, что данные классовые различия несущественны, а определяющими в общественных отношениях являются слои (социально-профессиональные). Из таблиц и схем, всей системы фактических данных следовало, что этим авторам совершенно чужда не только официальная псевдоклассовая «концепция», но и теория нового класса.

В СССР в это время теоретическая мысль одних из социологов повторила вариант, наиболее продвинутый в трудах П. Махонина, но часть авторов попыталась найти иное объяснение столь очевидному неравенству в своей стране. Они задались вопросом: имеется ли при социализме полное равенство в реальном процессе присвоения собственности. Это была совершенно еретическая по тем временам мысль, и пришла она в голову еще в конце 1950-х гг. экономисту Я.А. Кронроду. Он писал о том, что в стране при формальном равенстве отношений собственности существует реальное неравенство по их использованию. Это неравенство проявляется в фазах производства, распределения, обмена и потребления. [Кронрод 1966, с. 300—313] Естественно, что автор при этом не подвергал сомнению социалистическую природу советского общества.

Теоретическое построение Кронрода давало другим «еретикам» в краткие периоды идеологических оттепелей возможность обосновать и эмпирически подтвердить неравенство между людьми. [Шкаратан 1970; Арутюнян 1971] Причем эта экономическая концепция «работала» на подтверждение слоевого строения советского общества, поскольку сама категория меры присвоения не могла быть выражена в оппозиции «собственник — несобственник», а в континууме, отражавшем эту меру как во властной и профессионально-должностной позиции, так и

в уровне присвоения благ и услуг. Точка зрения на советское общество как слоевое получила развитие в СССР со второй половины 1960-х гг.

В публикациях Ю.В. Арутюняна, О.И. Шкаратана, Л.А. Гордона, Т.И. Заславской открыто формулировалась концепция советского общества как иерархической структуры социальных слоев, которые могут быть ранжированы в соответствии с их более высоким или более низким статусом. Это был, по существу, открытый разрыв с официальным взглядом, согласно которому общество структурировалось только горизонтально, а неравенство в распределении рассматривалось лишь как отражение индивидуальной эффективности, индивидуальных заслуг.

В работах автора этих строк прямо отмечалось, что в советском обществе элементами социальной структуры являются «группы людей, неравных в экономических и социальных отношениях». Их неравенство вызвано «не только наследием капитализма, но и воспроизводится в условиях социализма». [Шкаратан 1970, с. 51, 153]

Т.И. Заславская следующим образом выразила свою позицию: «Общественное положение, занимаемое различными слоями и классами в социалистическом обществе, может быть в принципе представлено в форме определенной иерархии, в которой некоторые позиции считаются выше, чем другие. Основой для вертикальной иерархии социальных позиций является сложность труда... и ответственность в осуществляемом труде, увеличение которых сопровождается повышением требуемого образования, возрастающим материальным вознаграждением и соответствующими изменениями в образе жизни». [Заславская 1970, с. 103]

Хотя схема «2+1» явно не отвергалась, авторы, вводя от восьми до десяти социально-профессиональных групп (социальных слоев), стремились описать различия между ними по их экономическому положению, культурному уровню, ценностным ориентациям и образу жизни. Появление этих «восьми-» и «десятичленок» объяснялось необходимостью социального планирования, регулирования таких процессов, как миграция, городское и сельское развитие, подготовка кадров, досуг и рекреация и т. д., для чего недостаточно было старой модели всего лишь из трех элементов.

На самом же деле исходная позиция упомянутой группы социологов в те годы заключалась в том, что в социальной структуре нашего общества, наряду с

различиями, связанными с формами социалистической собственности, приобретают определяющее значение социально-профессиональные различия, коренящиеся в особенностях общественно-экономического разделения труда.

Выделяемые на этой основе социальные слои выражают целостную, детализированную и многофакторную типологию системообразующих элементов социальной структуры советского общества. Ю.В. Арутюнян тогда же пришел к выводу, что социально-профессиональная группа — это «первичный элемент социальной структуры». [Арутюнян 1971, с. 99] Я же признал подобные группы «решающими структурообразующими элементами» городского населения. [Шкаратан (2) 1970, с.23] Оба социолога считали возможным классифицировать (и классифицировали) структурные элементы общества без классов (рабочих, колхозников), а также без интеллигенции как некоего целостного образования.

Эти же авторы подчеркивали, что социальные слои в условиях снижающейся важности различий в формах собственности и возрастающего значения характера труда (или, по иной концепции, — меры присвоения собственности) все в меньшей степени выступают как внутриклассовые группы и все в большей мере — как непосредственно внутриобщественные группы — слои.

Исследования стратификации тех лет строились на применении таких критериев, как уровень образования и квалификации, содержание труда и различие в доходах, используемых традиционно и западными социологами. Социальные слои, выделяемые в исследованиях, были ранжированы от неквалифицированных рабочих (или колхозников) до руководителей предприятий (колхозов) и руководителей региональных органов управления. В этих классификациях вообще отсутствовали классы и интеллигенция. Последняя была представлена слоями работников управленческого труда (в ряде случаев с выделением руководителей высшего и среднего звена); работников высококвалифицированного научно-технического труда; работников квалифицированного умственного труда.

Надо заметить, что теоретические конструкции социологов 1960—1970-х гг. заслуживают научной критики. Верхние слои общества, подлинные хозяева страны, никогда не фигурировали в этих изысканиях. То же можно сказать о многих миллионах сограждан, оказавшихся в самом низу социальной пирамиды (заклученные, бомжи, так назы-

ваемые бичи и т. д.). Даже в лучших исследованиях фактически игнорировался властный стратификационный срез, хотя он имплицитно присутствовал в виде групп, выделенных по характеру труда (индикаторы — должность и политическая деятельность; численность и «качество» подчиненных). Однако реально в число опрошенных попадали персоны рангом не выше директоров заводов и председателей колхозов, второстепенных лиц из региональной администрации.

К тому же, верно отражая внешние проявления социального неравенства, даже наиболее значительные изыскания не могли дать объяснения причинам и механизмам социальной дифференциации. Дело в том, что советский тип общества не воспринимался как некая данность — с особой структурой, относящейся, быть может, к другому типу цивилизации, к другому типу экономической организации, чем западные.

Следует иметь в виду, что почти все социологи того времени совсем не были противниками социализма. Они стремились к его оздоровлению, смене сталинской модели на модель «социализма с человеческим лицом». С этим во многом связана и манера, с помощью которой в литературу вводились новая терминология и концептуальный аппарат.

Уже в канун коллапса «реального социализма» болгарский социолог Николай Тилкиджиев взял на себя труд систематизировать взгляды сторонников слоевой структуры обществ советского типа. Он обратил особое внимание на необходимость отличать слоевую структуру от социально-профессиональной. Тем самым он раскрыл существенный дефект исследований в СССР, Польше, Чехословакии. Н. Тилкиджиев отметил особое значение разведения социального неравенства и собственно профессиональных различий как явлений разной природы. Социально-профессиональная принадлежность — основополагающая в формировании слоев. Она включает особенности характера труда, квалификационно-образовательные и профессионально-отраслевые качества работников. Но необходимо принимать во внимание также влияние: социального происхождения, социальных связей (супружеских, дружеских и т. д.); жилищных и поселенческих условий; институционального фактора (здесь особенно выделены Н. Тилкиджиевым властные ресурсы институтов и степень включенности в их деятельность представителей социально-профессиональных групп). [Тилкиджиев 1987, с. 11—42]

Как заключительный аккорд работ советских социологов рассматриваемого направления можно расценить монографию Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной «Социология экономической жизни» [Заславская, Рывкина 1991], которая означала, по существу, выход на новое концептуальное пространство. Авторы стремились дать анализ «социальной структуры общества в ее связи с экономической жизнью общества». [Там же, с. 230], определить социальные группы, являющиеся наиболее важными субъектами экономики, занимающие в ней ключевые позиции.

В книге особенно значим анализ механизма эксплуатации высшими низших. Авторы взорвали табу, существовавшее на обсуждение отношений эксплуатации в советском обществе. Они раскрывают отношения эксплуатации как:

- 1) изъятие всего прибавочного и части необходимого продукта через неравномерно низкие цены на производственную продукцию и необоснованно высокие налоги;
- 2) глубокое расхождение меры труда и меры потребления различных групп работников общественного производства;
- 3) необоснованная неравномерность территориального и ведомственного распределения элементов социально-бытовой инфраструктуры;
- 4) присвоение дифференцированной ренты I жителями южных районов;
- 5) преступные способы извлечения нетрудовых доходов за счет граждан или государства («теневая экономика», мафиозные группы). Список этот, конечно же, неполный, но первый в литературе, издававшейся в самой России.

Раскрытие сущности обществ советского типа как носителей латентных отношений специфических форм эксплуатации было продолжено Т.И. Заславской в ряде публикаций начала 1990-х гг. Она отнесла к главным структурным элементам советского общества: а) социально-замкнутый и личностно интегрированный правящий класс «номенклатуры»; б) сравнительно небольшой средний класс, включающий «директорский корпус» и наиболее квалифицированных и/или приближенных к номенклатуре интеллигентов; в) слабо стратифицированный низший класс, объединяющий наемных работников (рабочих, колхозников, представителей интеллигенции средней и низшей квалификации); г) «социальное дно», состоящее из десоциализирован-

ных, потенциально криминогенных групп, утративших связи с обществом. Главными особенностями этой стратификации являлись, по ее мнению, весьма высокая концентрация власти и собственности в руках правящего класса; резкая поляризация положения высших и низших слоев общества на фоне общего низкого уровня жизни; неразвитость (если не отсутствие) среднего слоя, а также доминирование должностного критерия стратификации над квалификационным.

Структура советского общества формировалась по принципу «кто был ничем, тот станет всем». Оставшиеся семьи научной и культурной элиты, дворян, духовенства, купечества, промышленников, крепких крестьян, концентрировавшие главный энергетический и творческий потенциал общества, были последовательно «выкорчеваны» и истреблены. В итоге в стране сформировалось «общество низшего класса» с пониженной долей талантливых, образованных, здоровых, сильных, предприимчивых и энергичных граждан. К тому же общественная система «социализма» содействовала укреплению худших черт традиционной российской общинности: уравнительности, иждивенчества, социальной пассивности, безответственности, слабой мотивированности к труду и предпринимательству, неразвитости потребностей. [Заславская 1993, с. 3—4]

Совершенно неожиданный подход к анализу природы обществ советского типа с присущей им стратификацией был предложен В.М. Воронковым в статье «Эволюция правящей элиты в период перехода к демократии». [Воронков 1993, с. 162—182] Он справедливо отмечал, что факты реальной трансформации номенклатуры в период перехода к демократии требуют внести серьезные коррективы в сложившиеся представления об отсутствии в тоталитарном обществе внутренних резервов для качественных преобразований. М. Джилас, М. Восленский, А. Авторханов и другие утверждали, что в советском обществе нет социальных групп (включая контрэлиту), способных стать могильщиками системы. Сама же номенклатура, согласно их позиции, достаточно однородна и ориентирована на сохранение существующих порядков. В.М. Воронков показывает, напротив, неоднородность советской элиты, раскрывает ее иерархическую структуру («...самые низшие ее ступени значительно ближе к народу, чем к своим же верхним ступеням»). На границах номенклатуры образуется «специфический маргинальный социальный слой, который может быть назван номенклатурным плебейством. Это не-

состоявшаяся (или не вполне состоявшаяся) номенклатура, ее «низы», ее «маргиналы». Именно это «плебейство» — политически наиболее активная часть общества, свободная и от корпоративной замкнутости номенклатуры, и от традиционной покорности начальству, присущей большинству населения. Это и есть социальный движитель, организатор народного протеста, потенциальный актив возникающих при появившихся условиях («перестройка») общественных движений и политических партий. Конечно, предположение о существовании и роли номенклатурного плебейства требует тщательной эмпирической проверки, но эта интересная гипотеза вполне заслуживает серьезных усилий по ее подтверждению (или опровержению).

На Западе эти публикации польских, чешских и российских авторов переводились, цитировались (см., например, сборники переводов: [Yanowitch M. and W.A. Fisher (eds) 1973; Yanowitch M. (ed.) 1986]), но не были интегрированы в «фонд» основных научных идей, где неоспоримо господствовала теория «нового класса», вполне вписывавшаяся в европоцентристский взгляд на социальное неравенство.

Социальная система, обращенная в прошлое

Сословное корпоративное общество

Подход к характеру социальных отношений в СССР как к сословному корпоративному обществу, получил развитие прежде всего в работах германских социологов, из которых следует выделить цикл публикаций Вольфганга Теккенберга. [Teckenberg 1977; Teckenberg 1981–1982; Teckenberg 1989]

В основу своего подхода В.Теккенберг берет веберовскую концепцию, интерпретируемую в американской социологической традиции как концепцию статусных групп. По его мнению, на самом деле это концепция сословий. Она строится на следующих основаниях: образ жизни, формальный уровень образования и, наконец, престиж наследуемого положения или профессии. По Теккенбергу, это позволяет глубоко понять природу социального неравенства в СССР, которое основывается на государ-

ственно контролируемом неравенстве в распределении и жизненных шансах. В результате люди получают разные возможности использования ресурсов; правда, эти различия не столь значительны, как при рыночных отношениях в капиталистических обществах из-за бюрократического и профессионального контроля за доступом к ресурсам.

Для обозначения существующего в СССР типа общества В. Теккенберг выбирает термин «феодальное». В советском обществе социальное неравенство проявляется преимущественно в жизненном положении и престиже, а не как свойственно для западных обществ — в различном уровне доходов. Этому типу социальной системы лучше всего подошло бы понятие «корпоративный». При смене режима в неизменной целостности пребывают хозяйственные единицы и профессиональные союзы, армия. Они сохраняют значительную автономию при обновлении политического руководства.

На базе неравенства в доступе и распределении материальных благ и различного жизненного положения социальные группы в советском обществе организованы в квазисословные образования. Их деятельность относительно независима от «феодальной» элиты, для которой характерно слияние господства над государственной собственностью и политической властью. Определенные представления относительно жизненного стандарта и культурного уровня приводят к «замыканию» социальных групп, иерархия которых строится не только на основе дохода. Эти профессиональные образования сходны со средневековыми «цеховыми» группами, определяющими культурные аспекты потребления и поведения.

Непосредственно связанные с профессией факторы дистрибутивного неравенства (доход, образование) не являются достаточными, по мнению В. Теккенберга, для дифференцированного объяснения структурных особенностей в образе жизни различных групп населения.

На ступени более низкого профессионального статуса сословные элементы выступают, скорее, в форме сильно сегментированных отраслей, что частично связано со структурными особенностями советской промышленности. Сословные группировки образуются не только по принадлежности к определенным отраслям, но и по принадлежности к крупным промышленным предприятиям, которые предоставляют своим работникам определенный набор социальных привилегий (таких, как возможность пользоваться домами отдыха, санаториями, особыми мага-

зинами и т.д.). Такого рода сословные образования могли появиться благодаря более тесной связи людей с предприятием, чем это принято на Западе.

Внутри сословий и политических организаций обладатели ролей пытаются укрепить свою власть посредством объединения и монополизации информации в определенной сфере и усилить контроль над распространением ролей, что свойственно не только высшим сословиям – слоям, но и слою промышленных рабочих. Внутри сословий развивается немонетарная система взаимных обязательств (протекция, семейные кланы).

Управление перераспределением и потреблением сильно напоминает сословные общества в определении М. Вебера: «Каждое сословное общество обычно организовано по жизненным правилам, создает из них экономически иррациональные условия потребления и таким образом посредством монополистического присвоения и посредством исключения свободного распоряжения собственной трудовой деятельностью препятствует свободному образованию рынка». [Взято из: *Teckenberg* 1977, S. 21]

Идеи В. Теккенберга получили поддержку известного немецкого социолога Эрвина К. Шойха, который в предисловии к его книге (1977) писал: «СССР действительно во многом демонстрирует черты ленной системы, дополняемой все новыми изъявлениями преданности после смены политического руководства. Но к СССР лучше подошло бы понятие «корпоративного» общества... В лице СССР возник новый вариант индустриального общества, по отношению к которому нельзя выдвинуть претензию, что оно находится в переходной стадии; это самостоятельный тип общественной системы». [ibid.S.16]

Сходные позиции (с учетом специфических черт исторического пути Венгрии) занял Мартин Сабо. Он отмечал, что «теперь лишь немногие продолжают утверждать, что в странах Центральной и Восточной Европы существовал социализм, т. е. тот исторический строй, который в первоначальном значении этого слова и в духе целей левых движений был призван разрешить противоречия капиталистических отношений и создать общество с более высоким уровнем культуры и цивилизации».

По его мнению, определяющим фактором венгерской истории XX в. была двойственность структуры, т. е. наличие как феодальных, так и буржуазных отно-

шений. В этом смысле не стал исключением и ход событий после 1945 г. За кратким периодом буржуазно-демократических преобразований в 1945—1947 гг. последовал консервативно-реакционный поворот, положивший начало процессу рефеодализации, названному социалистическим развитием. В ходе его воспроизводилась прежняя двойственная структура. В качестве важнейшего элемента рефеодализации здесь выступал формализованный властный механизм, т. е. существовавший как господствующее сословие властный аппарат и управляемые им «социалистические подструктуры». Однако реальный социализм не просто воспроизводил прежнюю двойственную структуру. Он последовательно и открыто подавлял буржуазные элементы, что усилило докапиталистические, сословно-феодальные компоненты и придало им новую историческую форму.

Мартин Сабо заключает: «Разумеется, я не утверждаю, что социализм был феодализмом. Но несомненно, что специфика функционирования этой системы состояла в том, что в ней превалировали сословно-феодальные черты, а в другой связи — азиатско-византийские, т. е. черты предшествовавших современным культур. Таким образом, социализм в его различных вариантах ответил на вызов XX столетия возрождением прошлого». [Сабо 1991, с. 51—52]

Общество политического доминирования

Эта концепция получила обоснование и развитие в трудах югославских социологов, бывших под строжайшим запретом для чтения; более того, даже критика их работ издавалась с грифом, запрещающим свободное ознакомление с нею. Упомянем некоторые типичные суждения этих авторов. Б. Хорват в книге «Политическая экономия социализма» (1982 г.) попытался раскрыть природу советского этатистского (по его определению) общества. В этом обществе администраторы обладают той же властью, что и собственники при капитализме. Все внимание здесь обращено на усиление позиций власти. Идет процесс сверхразвития государственного аппарата. Вся политическая и экономическая власть сосредоточена в руках правящей политической организации. [Horvat 1982]

Светозар Стоянович предложил следующее объяснение сущности советской социетальной системы и ее классового устройства: «Поскольку капитализм не-

сомненно конституирует общественную ценность с экономической доминантой, то парадигмой, ему соответствующей, является общественно-экономическая формация. С другой стороны, коммунистический этатизм принадлежит к семейству общественно-политических формаций. Досталинистский, сталинистский и постсталинистский этатизм представляет собой общественную целостность с политическим доминированием (как диахроническим, так и синхроническим). Здесь политическое доминирование приобретает форму структурного контроля одного класса (этатистского) над государством и, при помощи этого, над средствами производства. Однако эта парадигма общественно-политической формации есть уже, несомненно, вывернутая наизнанку марксистская парадигма, или, скорее, парадигма пост-марксистская». [Стоянович 1990, с. 148]

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОСОБЫЙ ТИП ЦИВИЛИЗАЦИИ

Теоретические конструкты социологов, рассмотренные выше, верно отражая многие стороны советской реальности, представляется, не раскрывали сущностные черты этой социальной системы. Дело в том, что советский тип общества не воспринимался как некая данность — с особой структурой, относящейся, быть может, к другому типу цивилизации (евразийской), к другому типу экономической организации, чем западная.

Сложившиеся теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и индивидуализме. Но они не вполне адекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими социально-экономическими отношениями. На разных исторических этапах и тем более в наше время существовали и существуют одновременно разнообразные социально-экономические формы, развивавшиеся в контексте различных культур. Таким образом, на мой взгляд, речь должна идти о раскрытии системообразующих элементов цивилизации особого «советского» типа.

4.1 Странности раннего советского «социализма»

Здесь не обойтись без, хотя бы кратких, исторических ремарок, ибо недавнее прошлое довольно прочно забыто нашими современниками. Речь идет не о достаточно известных фактах политической истории, не о кровавых драмах гражданской войны и государственном терроре 1920-х — 1950-х гг., а о социальных отношениях первого двадцатилетия советского режима, когда закодирована была на долгие десятилетия неэффективная институциональная модель советской социально-экономической системы. В годы, именовавшиеся периодом строительства социализма, постоянными были официальные и закрепленные в массовом сознании суждения о складывании в стране общества справедливости и равенства в самом недалеком будущем.

Как же выглядела «первая в мире страна социализма» в те годы? Либеральные критики советской системы, чьи суждения приведены выше, достаточно полно рассмотрели экономические институты, сложившиеся со времени существования Страны Советов. Был прежде всего ликвидирован институт частной собственности. Был, правда, короткий период, когда в условиях разрухи и всеобщего голода после Гражданской войны частная собственность и сопутствующие ей рыночные отношения были на короткий срок разрешены. Быстрое возрождение на этой основе экономики было немедленно использовано в целях реорганизации страны на мобилизационную, чисто государственническую линию развития. Реальные цели состояли в создании мощной тяжелой промышленности как основы производства вооружений и создания боеспособной армии, готовой нести «знамя мировой революции» за пределы своего государства. Так называемая индустриализация, а на деле милитаризация страны сопровождалась уничтожением жизнеспособных групп крестьянства, новым массовым голодом, унесшим миллионы человеческих жизней, массовыми репрессиями и созданием позорно «прославившей» нашу страну системы концлагерей ГУЛАГ.

Частная собственность была уничтожена, что называется, под корень, рыночные отношения сведены были к остаточному минимуму в виде так называемых колхозных рынков и городских рынков торговли поддержанными вещами («барахолки»). Централизованно планирова-

лось все, вплоть до производства расчесок и спортивных трусов. Все цены при этом устанавливались централизованно. Результат не замедлил сказаться. Не было ни одного продукта питания или предмета первой необходимости, который был бы в достатке. Все добывалось в очередях, «по блату», в закрытых распределителях, а большую часть лет выдавалось по карточкам или талонам. Экономика дефицита сказывалась даже на тяжелой промышленности. И там проблема «достать» (ибо купить было нельзя, все распределялось так называемым Госснабом) определяла успех или неуспех в производстве.

Конституционное устройство РСФСР — СССР, действовавшее с 1918 г. до принятия так называемой сталинской конституции победившего социализма 1936 г., отрицало принцип «один человек — один голос». Были лишены права избирать и быть избранными лица, прибегавшие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, служители церкви и т. д. Дискриминационность избирательного права проявлялась в различии между правилами проведения выборов в городе и на селе, по которым закреплялось неравенство уже между «трудящимися», т. е. рабочими и крестьянами. Этот принцип, сформулированный В.И. Лениным и записанный в Программе Коммунистической партии 1919 г., давал «промышленному пролетариату» преимущества «сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне». [Ленин, с. 171—173]

Выстраивалась своеобразная формальная иерархия сословного типа, в которой иллюзорно воплощалась «диктатура пролетариата». Высший слой образовывали члены не столь уж многочисленной тогда правящей «пролетарской» Коммунистической партии. Затем шли «чистые пролетарии», т. е. люди, занятые физическим трудом в промышленности и имевшие либо пролетарское происхождение, либо длительный производственный стаж (не менее 10 лет). Это было своего рода столбовое дворянство в официальной идеологии. Ниже размещались группы городских непромышленных рабочих; следующими по близости к власти были полупролетарии города и деревенская беднота; затем шли слои мелкобуржуазного деревенского населения (середняки); городские служащие; наконец, неблагоденствующие, но нужные правящим силам «буржуазные спецы» (инженеры, врачи, учителя, профессура и т. д.). Все это были

группы населения не в равной мере, но обладавшие определенными правами, в том числе и избирательным правом. Вне этого дифференцированного круга находилась огромная масса людей, принадлежавших к городским мелкобуржуазным, буржуазным и бывшим чиновничье-дворянским группам, вышвырнутым за пределы правового поля, имевшегося пролетарским государством.

В 1936 г. официальная советская пропаганда провозгласила победу в стране социализма. Все жители были объявлены гражданами, равными перед законом, с равными правами, в том числе и избирательными; был провозглашен демократический принцип «один человек — один голос». Другое дело — своеобразие самих выборов, когда стал выдвигаться один кандидат на одно депутатское место от «блока коммунистов и беспартийных». Исчезли хотя бы на формальном уровне «лишенцы», было объявлено о прекращении деления на «своих» и «чужих» по происхождению и социально-классовой принадлежности. Попутно замечу, что на ближайшие после принятия Конституции годы пришлись самые массовые и кровавые репрессии режима. (Моя позиция по этому вопросу выражена в статье: [Шкаратан 1993, с. 3—19].)

Конечно, можно рассуждать о том, что русскому народу и вслед за ним другим народам огромной евразийской империи эта аномальная система социально-экономических и политических отношений была насильственно навязана. Но не слишком ли долго она просуществовала, да и ныне уничтожена ли или мимикрировала под будто бы капиталистическую, с частной собственностью и демократией, систему? Нет ли в этой системе определенного соответствия всему исторически складывавшемуся строю жизни народа? Попробуем ответить, учитывая, что во 2-м разделе уже содержится часть необходимых суждений по только что поставленным вопросам.

4.2 Сущность советской социетальной системы

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. были предприняты попытки осмыслить природу уходящей (как тогда казалось) социетальной системы и особенности присущей ей социальной стратификации во взаимосвязи формационного, цивилизационного и институционального

подходов в контексте исторического опыта России. Здесь мы сосредоточимся на анализе социетальной системы советского социума как этакратического. В следующем (5-м) разделе дано описание социальной иерархии обществ этого типа.

Начнем с работ Е.Н. Старикова, вызвавших большой интерес читающей публики в начале 1990-х гг. В цикле статей этого автора был рассмотрен вопрос о двух основных типах возможного для России (в послеоктябрьский период) развития: 1) западноевропейской модели, характеризующейся наличием не зависящих от государства субъектов собственности, развитым гражданским обществом и классовой структурой; 2) модели со «своеобразными «азиатскими» чертами», характеризующейся слиянием властно-политических отношений с отношениями собственности, превращением государства в верховного собственника средств производства, социальной структурой неклассового типа, «ибо классообразующие признаки как бы узурпируются, задаются всеильным государственным образованием». [*Стариков* 1990, с. 28]

По его мнению, в 1929 г. произошло отторжение западноевропейского пути развития. Е. Стариков считал, что это предопределилось отходом от социализма, «при котором субъекты собственности находятся в рамках гражданского общества, а не всепроникающего государственного аппарата». [*Стариков* 1990, с. 30] Мы же полагаем, что слом собственнического демократического варианта развития России произошел в связи с Октябрьским переворотом и огосударствлением собственности в промышленности и других базовых отраслях экономики.

Е. Стариков обосновывает социальную дифференциацию в советской системе различием позиций по отношению к распределительной системе: «Редистрибуция (перераспределение) служит структурообразующим основанием социальной дифференциации, рассекая все общество на две большие функциональные части: а) рядовые производители, создающие прибавочный продукт, и б) «распорядители, изымающие и включающие его в редистрибутивную сеть, выполняющую диспетчерские функции». [*Стариков* 1990, с. 31] Интересны суждения этого автора о механизмах структурирования советского общества. В нем не действуют экономические классообразующие механизмы. «Их место занимают внеэкономические, административно-волевые механизмы, формирующие из аморфной магмы искусственные сословия и функциональные распределен-

тельно-корпоративные структуры (ведомственные, региональные и т.п.) Рыхлая магла атомизированных индивидов сортируется по искусственным ячейкам». [Стариков 1990, с. 36] Через несколько лет в своей итоговой монографии «Общество — казарма от фараонов до наших дней» Стариков систематически, но с тех же позиций рассмотрел советское общество как воплощение основных черт экономики, социальной и политической организации азиатских обществ начиная с древнейших восточных государств. [Стариков 1996]

В публикациях автора этих строк (см., в частности: [Ионин, Шкаратан 1989, с. 426—447; Шкаратан 1990; Радаев, Шкаратан 1991; Radaev, Shkaratan 1992; Shkaratan 1992] и другие работы О.И. Шкаратана и В.В. Радаева) отправным моментом являлась оценка общественного устройства, сложившегося в СССР к началу 1930-х годов и сохранявшегося до 1990-х, как этакратического. Это была новая социальная система, не являвшаяся ни капиталистической, ни социалистической, которая возникла в СССР, а позднее была распространена на другие страны. Ей присущи специфические и устойчиво воспроизводящиеся черты, которые знаменуют функционирование и развитие самостоятельной социально-экономической и политической системы, которую можно именовать этакратической (дословно — власть государства — от франц. и греч.). Этакратизм — это не цепь деформаций и отклонений от некоей образцовой модели капитализма или социализма, а самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества со своими собственными законами функционирования и развития.

Этакратизм можно рассматривать и как самостоятельную социально-экономическую систему в цивилизационной дихотомии «Запад — Восток», и как одну из форм модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала. Первооснову этакратического общества составляют следующие характеристики:

- обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть — собственность»;
- преобладание государственной собственности, процесс снятия частной собственности и постоянного углубления огосударствления, не тождественного процессу обобществления, исчезновение практически всякой (кроме теневой) экономической деятельности, не подвластной государственному регламентирующему воздействию;

- государственная собственность на рабочую силу, государственный наем как преобладающий источник средств существования для большинства населения, превращенного в государственно зависимых работников;
- государственно-монополистический способ производства;
- реализация государством собственности через переуступку ее ведомствам, точнее, бюрократическому аппарату — реальному распорядителю государственными ресурсами, использующему их в своих корпоративных целях и групповых интересах;
- корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений соответственно иерархическому ранжированию, объему и характеру привилегий членов социума;
- подчинение хозяйственных ведомств и их руководителей общеноменклатурным (общезакратическим) интересам через партию как разработчика стратегии социально-экономического развития и координатора — контролера действий ведомств-монополистов в общегосударственном и региональном масштабах;
- доминирование централизованного распределения;
- целевая функция экономической деятельности в этакратической социетальной системе — воспроизведение и усиление власти правящего слоя, экономическая эффективность не является определяющим критерием оценки экономической деятельности;
- наличие теневой экономики как необходимого элемента этакратической системы;
- зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);
- милитаризация экономики;
- сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотношенных с ними привилегиях; определяющие позиции правящих групп, образующих этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью;
- система социальных гарантий для низших слоев населения, обеспечивающая стабильность социума;
- социальная мобильность как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей;
- отсутствие гражданского общества, правового государства и, соответственно, наличие системы подданства, партократии;

- имперский полиэтнический тип национально-государственного устройства, фиксация этнической принадлежности как статуса (при определении ее «по крови», а не по культуре или самосознанию).

Что касается советской политической системы как аспекта, стороны этакратической системы, то ее характеризуют следующие черты:

- 1) опорный каркас — номенклатурная иерархия;
- 2) отсутствие верховенства законов и произвол власти, управление на основе секретных инструкций;
- 3) подавление свободомыслия, контроль над поведением каждого и всепроницающая система сыска;
- 4) в сочетании возможных рычагов управления людьми — страха и личной заинтересованности — предпочтение отдается страху;
- 5) конструирование иллюзорной системы народовластия.

Особую прочность и устойчивость социальному порядку придавала «двойная спираль» управления государством — партий. На поверхности управленческой системы выступали действующие во всем мире министерства, ведомства, органы местного управления. На них можно было жаловаться, критиковать их работу, пытаться решать с ними индивидуальные или групповые проблемы. Но все эти управленческие инстанции не принимали ключевых решений.

Подлинные хозяева страны и вершители судеб людей сидели в других кабинетах, малодоступных основной массе подданных огромной империи. Ядром системы власти вплоть до августа 1991 г., была Коммунистическая партия. Каждое министерство, ведомство имело своего куратора в аппарате Центрального комитета партии, и по негласному статусу этот куратор был по рангу выше «своего» министра. Эта двойственность, переплетенность скрытых и открытых каналов и рычагов управления делала исключительно гибкой и в то же время исключительно жесткой всю систему управления.

В конце 1980-х гг. КПСС насчитывала около 20 млн человек. Из того, что сказано выше, может создаться впечатление, что все эти двадцать миллионов управляли страной с населением почти в 300 млн человек. Это совершенно не так. Партия была социально неоднородна, как и все общество. В ней были и простой рабочий — сталевар, и секретарь регионального комитета, для которого партийная работа была профессиональной деятельностью. Эту ситуацию хорошо подметил и описал в своем романе «1984» Дж. Ору-

элл, разделив партию на «внутреннюю» и «внешнюю». При этом делении рабочий-сталевар относится к «внешней партии», а секретарь регионального комитета — к «внутренней». Представители «внутренней партии» осуществляли властные полномочия, основная часть членов партии выполняла роль массы, одобряющей деятельность вождей.

Эту же роль выполняли более двух миллионов депутатов, входивших в Советы всех уровней. Советы «работали» всего несколько дней в году на так называемых сессиях, где они практически штемпелевали решения, подготовленные аппаратом, т. е. номенклатурными работниками, входившими в состав «внутренней партии». Для простого человека пребывание в Совете как бы фиксировало его благонадежность, для чиновника же членство в Совете означало закрепление его статуса. Главный принцип подбора членов Советов при отсутствии реальных выборов (один кандидат на одно депутатское место) — представительство номенклатуры, которая решает, и одобряющей рабоче-крестьянской массы (единогласное голосование во всех случаях).

Такая организация системы власти позволяла правящему слою, опираясь на широкое представительство в партии и Советах рядовых подданных, гасить и предупреждать разнообразные конфликты, торпедируя их превращение в политические. В ущемленном положении оказывались средние слои (интеллигенция), творческий потенциал которой был почти не востребован властью.

Что касается законотворческого процесса, то он вершился в кабинетах ЦК партии при участии профессионалов. Здесь же готовились подзаконные акты, которые во многих случаях оставались секретными, что создавало правовую зависимость каждого человека от всевластия номенклатуры.

В советской системе всегда отсутствовала независимая судебная власть. Судьи «избирались», как и депутаты, при отсутствии альтернатив. Любопытно одно наблюдение. Советскому режиму была присуща высокая степень антифеминизма. Достаточно напомнить, что за все время существования советской системы в составе политбюро ЦК КПСС было всего лишь две женщины. А судьями избирались (назначались), как правило, женщины. Заведомо это была номенклатура низшего уровня. Это подтверждается и невысоким уровнем заработной платы, и непригодными для работы помещениями судов. Во всей

системе власти гораздо более весомую роль играла прокуратура. Системе были необходимы палачи, а не правдолюбцы, ищущие справедливость.

Остановимся на социальной политике как выражении отношений правящего слоя и основной массы населения. Советская социальная политика в реальности была политикой защиты интересов номенклатуры, хотя внешне эта политика представлялась как политика защиты интересов трудящихся. Под маской «поддержки материнства, детства, пенсионеров» и т. д., советское государство долгие годы проводило очень жесткую политику, направленную на формирование системы мер по максимальному благоприятствованию представителям номенклатуры. Например, использовались ограничительные меры, препятствующие развитию интеллигенции и в то же время стимулирующие формирование интеллектуальной элиты, тесно связанной с номенклатурой, включенной в состав номенклатуры и т. д.

Однако, прикрываясь успешным мифотворчеством, советская социальная политика выглядела и воспринималась как политика защиты интересов различных социальных групп, составлявших советское общество, и прежде всего групп городских рабочих. Поэтому, говоря о советской социальной политике, следует различать ее доминирующую составляющую, направленную на защиту интересов номенклатуры (при учете интересов других социальных групп); и «мифотворческую» составляющую, включавшую такие аспекты, как декларация (провозглашение) ведущей роли рабочего класса и приоритетного соблюдения его интересов, равенство шансов всех членов общества при их социальном старте, равенство этнонациональных групп и т. д.

Что же касается такого аспекта, как степень осознанности номенклатурой реального содержания проводимой социальной политики, то она с течением времени возрастала, как возрастала и самоидентификация представителей господствующего слоя, в отличие от других слоев, которые во многом верили в реальность именно «мифологической» социальной политики. В номенклатуре проявлялась циническая осознанность реальной направленности существующей социальной политики, поскольку скрытые от общества привилегии для тех, кто ими пользовался, были очевидны и открыты. Как известно, официальная социальная

политика в бывшем Советском Союзе трактовалась как система организационных мер, направленных на конкретные преобразования в социальной сфере (например, увеличение количества врачей или учителей, рост масштабов жилищного строительства и т. д.). При этом система социальной защиты включала три основных компонента.

1. Право на труд, которое декларировалось как одно из важнейших достижений советской государственности. Каждому члену общества, по крайней мере формально, было гарантировано рабочее место в соответствии с полученным образованием и квалификацией. Большинство населения было убеждено в естественности и постоянстве полной занятости, безработица представлялась признаком западного образа жизни. На деле это право было подкреплено постоянным дефицитом рабочей силы преимущественно на тяжелых и неквалифицированных работах.

2. Систему гарантированных и предоставляемых государством бесплатно таких услуг, как образование, здравоохранение, физическая культура и спорт, а также пенсионное обеспечение. Значительная часть этих социальных благ и услуг (жилье, образование, здравоохранение, отдых) распределялась бесплатно или льготно через предприятия. Реальный доступ ко многим особо дефицитным товарам и услугам (например, приобретение автомобиля, ряда товаров длительного пользования, получение садового участка, обеспечение продовольственными заказами) также зависел от места работы.

3. Систему административно регулируемых цен, гарантировавшую доступность товаров и услуг «первой необходимости» (продукты питания, жилье, общественный транспорт и т. д.) лицам с низкими доходами.

Можно сказать, что наблюдалось сходство социальной политики советского режима и политики Welfare State на Западе. И на Западе, и в СССР провозглашались приоритеты социальной защищенности граждан. Однако это было чисто внешнее сходство. Как писал В.А. Найшуль, «не соответствует действительности и миф о нашем «соборовском» типе развития — отсутствии или недостатке социальных защитных механизмов. По продолжительности жизни, характеризующей, в числе прочего, и заботу о пожилых людях, мы находимся в мире за пределом 30 лучших мест; по детской смертности, демонстрирующей отсутствие заботы о детях, — за пределом 50... в действительности

наша система общественных фондов потребления не является социальным гарантом нуждающихся». [Найшуль 1989, с. 485] Но дело даже не только и не столько в масштабах поддержки нуждающихся в помощи, а в более глубоких явлениях.

На Западе нуждающийся в общественной поддержке выступал как обладающий реальными правами и свободами гражданин, который может добиваться предоставления положенных по закону благ через институты гражданского общества. В СССР же обездоленный человек не был ни гражданином (за отсутствием гражданского общества), ни свободным агентом трудовых отношений; в общественно-политической сфере это был подданный государства, а в экономике — государственно зависимый работник, который не имел права на самозащиту и свободу, который даже не помышлял о борьбе за свои права, принимая от государства любую подачку как благо, не задумываясь, действительно ли это благо и насколько оно необходимо. В СССР на протяжении длительного времени любой человек был «работником единой государственной фабрики», что принципиально отличает условия формирования и конечную модель государственной социальной политики в СССР и на Западе. Государство в России поэтому выступает как носитель господства по отношению к подданным, а вовсе не как государство Welfare. И социальная политика в России — это не социальная политика Welfare State. Сравнивать Welfare State и социальную политику в бывшем СССР все равно, что сравнивать английскую капиталистическую мануфактуру XVIII в. и петровско-екатерининскую крепостническую мануфактуру.

Западные аналитики и исследователи, наблюдая со стороны нашу советскую действительность, довольно основательно изучили и проводившуюся социальную политику [Lane, George & Manning и др.]. Уже после обрушения Советского Союза вышла из печати в определенной мере итоговая статья Г. Стендинга, чьи суждения приводятся ниже [Standing, p. 225—255]. Анализируя вопрос о приложимости термина Welfare policy, Стендинг напоминает, что классическое государство благосостояния имеет семь потенциальных функций: 1) облегчение бремени бедности; 2) предотвращение обнищания населения; 3) обеспечение социальной защиты граждан; 4) перераспределение доходов; 5) препятствование росту «социальной солидарности»; 6) обеспечение

равенства возможностей для трудовой мобильности; 7) создание условий для экономического роста, структурной реорганизации экономики и гибкости рынка труда.

Согласно Стендингу, прежняя советская система достаточно хорошо справлялась с выполнением ряда перечисленных функций. В особенности это касается первых четырех при практическом забвении последних двух. По его мнению, система, которая пала в 1980-х гг., опиралась на экстенсивное обеспечение безопасности низкого уровня доходов, сдерживание неравенства и отсутствие возможностей трудовой мобильности. В то же время пик послевоенного государства благосостояния в Западной Европе основывался на безопасности доходов, ограничении неравенства и наличии адекватных возможностей мобильности и занятости. Обе системы провозглашали обеспечение полной занятости, хотя по-разному понимали смысл этого термина.

Проводившаяся в СССР социальная политика носила явно выраженный патерналистский характер, органичный для страны с отсутствием гражданских отношений и, соответственно — граждан, для страны, состоявшей из «начальства» и подданных. Возьмем как пример политику занятости. В условиях зрелого индустриального общества, и тем более постиндустриального, важнейшим условием высокой динамики экономического развития является гибкость рынка труда и мобильность рабочей силы (межотраслевая, профессиональная, территориальная). Между тем ценностно-нормативные стереотипы в сфере труда десятилетиями были ориентированы на стабильность, неизменность, гарантированность. Текучесть кадров и трудовая мобильность рассматривались как негативные явления, нарушающие стройный ход планового производства. Вся система моральных и материальных поощрений, а также распределения социальных благ в СССР традиционно была ориентирована на закрепление профессионального и квалификационного статусов работника в сфере производства, на их стабильность на рабочих местах, в профессиях, по месту жительства.

Концепция этатризма как объясняющая природу обществ советского типа постепенно находит поддержку со стороны крупных аналитиков современного мира. Так, М. Кастельс пишет: «В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме. ...При этатизме контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к

экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их *аппаратчиками* или, по-китайски, *линг-дао*). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания». [Кастельс 2000, с. 38]

Характерно, что странам Центральной и Восточной Европы этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной экономики, демократических институтов. Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, — Китае и Вьетнаме, в Монголии и на Кубе, что подтверждает неслучайность его возникновения.

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и «азиатским». Первый идет от античного полиса — это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество — государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории в общем-то и пространственно, и во времени преобладал этот тип цивилизации. Именно в тех странах, где исторически доминировала эта вторая, не европейская линия развития, в середине XX в. установился этакратизм.

И. Б. Рассел (он, по-видимому, был первым) и М. Джилас и многие другие обращали внимание на сходство сущностных черт так называемого советского со-

циализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатским способом производства», а современные нам исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственным способом производства». Отсылаю в этой связи к работам наших отечественных авторов. [Васильев 1982; Васильев 1994, с. 13—48; Нуреев 1989, Нуреев, Рунов 2002; Павленко 1989] Сходство действительно обескураживающее.

В течение тысячелетий (ибо данный тип социетальной системы, меняя феноменологические черты, самостоятельно, без внешнего воздействия не способен к структурному переустройству принадлежащих ему социальных организмов) в основе таких обществ лежали следующие системообразующие элементы:

- государство как стоящая над всем населением всевластная божественная сила;
- властно-правовая иерархия;
- социальный статус, определяемый властью и престижем, а не имущественными различиями;
- зависимость индивидуального богатства от близости к власти; власть, открывающая путь к распределению ресурсов и присвоению собственности через исполнение управленческих функций;
- господство коллективной собственности сельской земледельческой общины и государства, олицетворяемого верховным правителем;
- земля по существу — как бы ничейная собственность, принадлежащая одновременно и верховному правителю, и местным правителям, и общине в целом, и отдельным общинникам;
- централизованное изъятие прибавочного продукта в виде ренты — налога, реализующего одновременно функцию государственной власти (налог) и функцию собственности на землю (рента);
- доминирование специфического типа социально-экономических отношений «власть — собственность». [Васильев 1982; Васильев 1994, с. 13—48]

Центральной характеристикой государственного способа производства, или в другой терминологии — восточного деспотизма, точно так же как и советского этакратизма, являлись отношения «власть — собственность». Этот феномен был открыт и проанализирован нашим блистательным востоковедом Л.С. Васильевым. Он отмечает, что

речь идет о социально-экономическом строе, при котором типичная восточная община определяет макроструктуру государства. Основа восточной структуры — полное поглощение личности коллективом. Отдельный человек не становится собственником, он может быть лишь владельцем. Суть взаимоотношений между властью и собственностью всюду на Востоке (и добавим — в СССР) сводилась к тому, что все государственное — первично, а частное — вторично, к тому же опосредовано тем же государством. «Частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником. Тем самым был внесен едва ли не решающий вклад в основную проблему традиционного Востока — в проблему взаимоотношений государства и общества». [Васильев 1994, с. 486] Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными является государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства. Детальный анализ отношений «власть — собственность» содержится в цикле публикаций Р.М. Нуреева, которому принадлежит подробный институциональный анализ этого феномена. По его мнению: «Власть — собственность возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии». [Нуреев, Рунов 2002, с. 12]

«Политические революции» Солона, ставленника греческого демоса, ликвидировавшие долговое рабство и установившие политические права по имущественному цензу, открыли дорогу для утверждения частной собственности в качестве экономической основы общества. Это исключительное историческое значение реформы Солона не случайно было подробно проанализировано Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако подобный переворот, проложивший путь отношениям античного (рабовладельческого) способа производства и пришедшим ему на смену феодальному строю и капитализму, не носил универсального характера. Во многих обществах развитие происходило совершенно иным путем. В прошлом человечества доминировали социумы, основанные на государственной собственности, о которых шла речь выше. Они, конечно же, не носили на себе никаких черт обществ социалистического типа.

По-видимому, именно опасения вполне определенных исторических аналогий с советским «социалистическим» обществом привели к тому, что в 1920 — 1930 гг. дискуссии по проблемам «азиатского» способа производства кончились исчезновением дискуссионтов, а позднее, в конце 1960-х гг., нелепыми антинаучными обвинениями в адрес сторонников существования этой особой формации и административно-волевым прекращением дискуссии. Вновь торжествовала концепция «пятичленки», т. е. пяти, сменяющих друг друга способов производства, каждый из которых превосходил предыдущий на линии общественного прогресса.

Историю дискуссий по поводу неоспоримого родства советской социетальной системы (этатизма) и азиатских деспотий (с печальной судьбой их участников в годы советской власти) и результаты собственного сравнительного анализа двух феноменов — «восточной деспотии» и тоталитарных обществ XX в. — подробно изложил А.В. Пименов в цикле статей под характерным названием «Дряхлый Восток и светлое будущее». Они были опубликованы журналом «Мир России» в 1999 г. Он справедливо замечает: «Близость обществ «реального социализма» к деспотиям Древнего Востока — давно уже не новость, а, скорее, общее место... Природа же этого сходства по-прежнему не ясна». [Пименов 1999, с. 59]

Ладно бы типичные страны Востока, но почему в этом ряду, да еще и на первых ролях оказалась Россия? Ответ на этот вопрос в какой-то мере дан в разделе об исторических факторах развития России.

Вернемся в этой связи к рассмотренной в разделе 2 институциональной теории развития России О.Э. Бессоновой. Советская эпоха (1920—1980 гг.) отнесена Бессоновой к временам доминирования институтов раздаточной экономики. Это означает, что в отличие от рыночной экономики, где распределение осуществляется через механизмы «купли-продажи», в советской экономике распределение реализуется через механизмы «сдач-раздач». Собственность, как и на прежних этапах функционирования в России раздаточной экономики, носит общественно-служебный характер, она распределяется между всеми и не принадлежит в полном объеме никому, и доступ к ней осуществляется в форме службы; в основе экономической организации лежит служебный труд, который носит обязательный характер и означает выполнение предписанных обществом функций; ма-

териальные условия для выполнения служебных обязанностей создаются институтом раздачи; формирование богатства происходит через институт сдачи, которым обеспечивается обратная передача материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов в распоряжение всего общества и т. д.

Несложно заметить, что по системообразующим характеристикам концептуальная модель Бессоновой, наряду с родственными моделями, взаимоувязывающими государственническую социально-экономическую систему, доминировавшую на протяжении большей части российской истории, современный этакратизм и государственный (азиатский) способ производства, содействует раскрытию латентной сущности российской социетальности.

При всей осторожности в формулировании конечных выводов и Р.М. Нуреев в цитированном выше рассуждении не мог не отметить, что в дореволюционной России то ли существовал азиатский способ производства как таковой, то ли феодализм с элементами восточного деспотизма. В любом случае имел место развитой институт власти — собственности. [Нуреев 2001, с. 8]

Более определенен в своих суждениях политолог В.Б. Пастухов. В своих публикациях начиная с 1992 г. он утверждает, что российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации. Для России же это была исторически логическая фаза ее развития. Распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации. [Пастухов 1994, с. 7]

Исторически сложившиеся тенденции развития страны объясняют, почему именно в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне, победил режим, сломивший буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, приведший к торжеству этакратической (неоазиатской) линии развития. Эта же двойственность сложившихся тенденций развития страны помогает понять, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для «строительства социализма», а на деле ради торжества этатистской линии развития. Однако это не удалось выполнить в полной мере потому, что Россия по своему психолого-историческому положению гораздо ближе к Западу, чем, скажем, Китай или Индия.

Длительный период существования этакратического общества во многом определил пути развития

форм жизнедеятельности в советской и современной России. С одной стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению этакратическим обществом новейших форм и достижений цивилизации (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов социального обслуживания и др.). В то же время разрыв социально значимых горизонтальных связей, неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, деприватизация практически всех сторон жизнедеятельности привели к воспроизводству среднетипических, «усредненных» индивидов. Десятилетия развития страны после событий 1917—1920 гг. были, с одной стороны, торжеством воспроизводства «азиатских» исторических напластований, но, с другой стороны, под влиянием новых технологий производства и всей жизнедеятельности, лившихся потоком с Запада и рождавшихся на отечественной почве, это был мучительный процесс расширения и укрепления базы европейской культуры, базы становления готовности к рынку и гражданскому обществу. Представляется, что данная концепция вполне согласуется с теми реальными фактами развития России и других государств (кроме стран Балтии) на территории бывшего СССР в советский и постсоветский периоды.

4.3 Властная иерархия и управляемые социальные перемещения

Из концепции этакратического характера обществ советского типа вытекает признание доминирования в них властно-собственнических отношений. Данная концепция предполагает, что в советском обществе определяющими являлись не дихотомические классовые отношения, а слоевые отношения по поводу места в системе «власть — собственность». Это означает, что отношения по поводу собственности не выражаются в оппозиции «собственник — несобственник», а в континууме, отражающем меру присвоения собственности в зависимости от места во властной иерархии, которая образует стержень всей стратификационной иерархии. В целом социальный статус и при-

вилегии определялись не имущественными различиями, а местом во властной структуре. Именно власть и связанные с нею привилегии открывали человеку и его наследникам более благоприятные пути к знанию и материальной обеспеченности. В то время как образование и квалификация, предприимчивость и личное богатство, социальное происхождение могли служить лишь средствами для достижения позиции во властной иерархии.

Правящие слои образовали этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью, в то время как большинство работников отчуждалось от хозяйственно-политической власти. Этакратия не являлась совокупностью замкнутых слоев. И попасть в нее, в принципе, могли представители буквально всех социальных групп. Не переменные условия — политическая лояльность и личная преданность руководству. В Советском Союзе этакратия может быть достаточно четко эмпирически отслежена через анализ номенклатурной системы. Номенклатура — принцип организационно-иерархического построения, опорный каркас этакратии. [Восленский 1991]

Она создается в апреле 1923 г. и возглавляется по указанию И. Сталина в организационно-распределительном отделе ЦК РКП(б) В. Молотовым и Л. Кагановичем. Тщательно отработанный Сталиным механизм номенклатуры — это составление подбираемой и контролируемой им особой «элитой в элите» списков тех государственных должностей, по которым на высшие из них в партийном и государственном аппаратах назначались лично преданные люди. По списку № 1 они назначались только политбюро и секретариатом ЦК, по списку № 2 — организационно-распределительным отделом ЦК. С 1925 г. вводится список № 3; на эти должности руководители отбирались уже теми, кто прошел в государственный и партийный аппараты, но согласовывались с организационно-распределительным отделом. Списки перерабатывались ежегодно, в них вносились поправки соответственно тем изменениям, которые претерпевали структуры общества и аппаратов. [Шкаратан, Фигатнер 1992, с. 71–72]

Высшая номенклатура создает список № 3 и юридический перечень № 1 в КЗОТе РСФСР — перечень не только управленцев крупных предприятий и учреждений, но и всей пирамиды управленческих должностей, вплоть до «директоров без подчиненных». По этому перечню все они были лишены судебной защиты своих трудовых

прав. Так была создана низшая «внеписочная» номенклатура, превратившая в крепостных системы огромную армию хозяйственников. Они попали в полную зависимость от высшей номенклатуры, которая через них проникала, прорастала на всю глубину общества, добираясь своей деспотической властью до самых малых его функциональных ячеек. Перечнем № 2 была надета узда на всю научно-техническую и художественную интеллигенцию, также лишенную права на судебную защиту. [Шкаратан, Фигатнер 1992, с. 72]

Сущностной особенностью номенклатуры СССР являлась ее засекреченность. Обществу оставались неведомы ни характер полномочий чиновников, ни их привилегии, ни даже сам факт существования списков. В этом состоит главное, неформальное отличие номенклатуры от Табели о рангах времен царизма. Не случайно, что с 1932 г. номенклатурные перечни должностей и списки людей, входивших в номенклатуру, стали государственной тайной.

Особенностью номенклатуры СССР являлась натуральная оплата ее службы. Огромная масса привилегий и льгот, раскрытая широкой печатью в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и систематизированная М. Восленским [Восленский 1991], позволяет уверенно констатировать, что реально (в натуральной форме) совокупность богатств, черпавшихся номенклатурой из государственного постоянного и денежного капитала, возводила ее представителей по списку № 1 в ранг советских миллионеров.

Номенклатура являлась совокупным собственником национальных богатств. Следует принять во внимание закрепленные нормативными актами привилегии номенклатуры, в том числе их право пользования и распоряжения государственным имуществом. Эти правомочия номенклатуры как совокупного собственника были тем не менее дифференцированы в структуре должностей и зафиксированы секретными нормативными актами. Заметим попутно, что в СССР было засекречено 70 % правовых норм. [Шкаратан, Фигатнер 1992, с. 73] Кроме того, следует иметь в виду значение норм обычного права в этатрактических обществах. В СССР номенклатура владела, распоряжалась, пользовалась и присваивала национальное богатство реально, хотя это было во многих аспектах не оформлено правовыми нормами.

Номенклатура в СССР с момента создания выступала как организационно-иерархическое форми-

рование. Правящий слой — этакратия включала высшие слои номенклатуры: руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений, руководителей и инструкторский аппарат партии, профессиональных союзов и других общественных организаций, руководителей государственных и колхозных предприятий, генералов и старших офицеров армии, службы безопасности и охраны общественного порядка.

Это были властвующие слои общества, которые образовывали этакратию. Последняя по существу являлась не только политическим, но и хозяйственно-правлящим слоем, осуществлявшим практический контроль над всей государственной собственностью. В то же время все остальные члены общества были отчуждены от экономической и политической власти.

Динамика движения по ступеням высшей номенклатуры наглядно выявляет два основных уровня верховной власти над обществом, к которым стремятся по ходу жизненной карьеры обследуемые: 1-й высший — 35—45 членов политбюро и секретарей ЦК; 2-й высший — около 50 членов Совета Министров СССР. Основными каналами карьерной мобильности для высшей номенклатуры являлись партийная, министерски-хозяйственная, комсомольская и военная сферы. В высшем слое номенклатуры чаще всего были представлены люди, в карьере которых переплетались профессиональная (министерская) и партийная линии. Своего совершенства этакратия (или номенклатура) достигла к 1960-м гг.

Теперь остановимся на статистических данных относительно высшего слоя советской этакратии. Периодом становления высшей номенклатуры 1960—1980 гг. являлись 1933—1935 гг. (вступление в партию и др.). Занятие первой номенклатурной должности в этой группе приходится на 1939—1940 гг. Другими словами, период формирования членов высшей правящей элиты времен Брежнева — Андропова как государственных деятелей совпадает со временем массовых репрессий.

Социальная селекция, присущая советскому режиму, всегда носила жестко заданный характер; она была направлена против подлинной интеллигенции, поскольку эта система могла строиться только на социальных силах маргинализированных групп населения. Характерно, что в составах политбюро 1965—1984 гг. выходцы из деревни

составляли около 65% ; из рабочих — около 17%; из интеллигенции — 18%. А в это время работники умственного труда составляли 30% всех занятых в стране. (Подсчитано по: [Состав руководящих органов..., с. 69—136])

Рассмотрим данные о членах Центрального комитета партии на 1986 г., т. е. тогда, когда перестройка была в самом начале и режим достиг предела своей завершенности. Среди 281 члена ЦК КПСС, избранного на XXVII съезде партии, функционеров, управленцев разного рода было 91,5%. Партийные лидеры составляли 36,6% всех членов ЦК (в том числе члены политбюро и секретари ЦК — 8,9%). Секретари же первичных партийных организаций вообще не были представлены в Центральном комитете партии. Члены центрального правительства составляли 34,9%, лидеры советских и общественных организаций — 9,6% , генералитет высшего ранга — 8,2%. Однако в состав ЦК не входил ни один офицер или генерал низкого ранга. Только 9,3% членов ЦК представляли работников производства, среди которых 7,7% были менеджерами государственных предприятий. Таким образом, совершенно очевидно, что, несмотря на имитацию демократизма, который выражался в представительстве преданной властям элите рабочих и крестьян в составе Верховных Советов, областных комитетов партии, там, где была сосредоточена подлинная власть, даже для внешних проявлений демократизма представители трудящихся не были привлечены. Кстати говоря, характерно, что в состав партийной элиты не входили и менеджеры крупных предприятий.

Интересно посмотреть, каким образом сочеталось членство в ЦК КПСС с остальными престижными символами власти — депутатством в советском парламенте и наличием высших государственных наград, званий Героя Советского Союза или Героя Социалистического Труда. Корреляция в целом достаточно высока, поскольку 78,6% членов ЦК состава 1986 г. в то же время были членами Верховного Совета, а 35,2% имели звание Героев Труда или Советского Союза. Наивысший уровень корреляции между членством в ЦК и пребыванием в Верховном Совете прослеживался у военной элиты — 100%; у представителей советских и общественных организаций — 92,6%; у членов партийных комитетов — 86,4%, в том числе у членов политбюро и секретариата ЦК — 96%, у членов правительства — 79,4%, а у работников

производства — 12%. Для контраста необходимо заметить, что 75% рабочих — членов ЦК и парламента были Героями Социалистического Труда, что говорит об их принадлежности к рабочей аристократии. Среди членов правительства 30,4% соединяли членство в ЦК, депутатство в Верховном Совете СССР и имели звание Героя, у представителей советской власти и общественных организаций — 44,4%. Высший же генералитет, будучи на 100% включенным в депутатский корпус страны, на 69,6% состоял из Героев Труда или Советского Союза. [Шкаратан, Фигатнер 1992, с. 75—76] Суммируя, можно сделать вывод, что среди тех, кто сочетал все символы высокого престижного положения в обществе, на первом месте оказались руководители Вооруженных Сил.

Распад номенклатуры СССР произошел в два этапа. 15 октября 1989 г. в центральной партийной газете «Правда» было объявлено о прекращении существования «учетно-контрольной» номенклатуры (гигантской массы ее вне партийного и государственного аппаратов), а с 23 августа 1991 г. и эта низшая, и высшая госпартократии были лишены организационного списочно-номенклатурного принципа своей власти.

Не входившие в состав этакратии (номенклатуры) жители страны совсем не образовывали однородной, социально не иерархизированной массы. Как показали исследования ряда советских социологов, в составе населения СССР (в том числе и России) могут быть выделены следующие основные социальные слои, различающиеся по месту во властной иерархии, характеру труда и доступу к благам и услугам в распределительной системе этакратического общества:

1. Управляющие и чиновники высшего звена (номенклатура по спискам № 1 и № 2).
2. Управляющие и чиновники среднего звена.
3. Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями и др.).
4. Профессионалы с высшим образованием.
5. Профессионалы со средним специальным образованием.
6. Служащие.
7. Высококвалифицированные городские рабочие.
8. Квалифицированные городские рабочие.
9. Полу- и неквалифицированные городские рабочие.
10. Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие.
11. Неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие.

Особого внимания заслуживают проблемы мобильности в бывшем СССР. С одной стороны, официальная пропаганда утверждала, что в стране достигнуто или почти достигнуто полное равенство шансов на продвижение и занятие всеми видами труда для выходцев из любой социальной или национальной группы. Правда, при этом находились под табу все сведения, скажем, об учащих-ся привилегированных спецшкол или, например, о социальном происхождении студентов Института международных отношений. К тому же демагогически утверждалось, что самая почетная позиция в обществе — быть рабочим. О противоречии между последним утверждением и идеей равенства шансов на продвижение умалчивалось.

С другой стороны, многие западные исследователи писали о сходстве систем стратификации и характера мобильности на Западе и в странах с тоталитарным режимом. Они не учитывали, что в странах с качественно различным социально-экономическим устройством за одними и теми же индикаторами социальной мобильности скрыты принципиально разные социальные явления и процессы. Поэтому нельзя не высказать решительного несогласия с суждениями, в частности, американского социолога С.М. Липсета, который утверждал, что «... модели неравенства в Советском Союзе... могут быть легко сравнимы с данными из американских и других западных социологических работ». [Lipset 1973, p. 384] Подлинная картина социальной мобильности в СССР и других бывших социалистических странах еще не до конца раскрыта. Однако, благодаря усилиям ряда ученых, многое уже очевидно. Наиболее профессиональные российские исследования собраны в двух сборниках, изданных в США. [Social Stratification and Mobility 1973; The Social Structure 1986]

В СССР период существования этатра-тической системы совпал с процессами интенсивного промышленного развития и урбанизации. Эти процессы, по определению польского социолога Януша Зюлковского, носили патологический характер, но тем не менее фактом остается, что если в 1922 г. доля городского населения составляла в СССР лишь 16%, да и большая часть этих горожан вела по преимуществу полукрестьянский образ жизни, то к моменту распада Союза, т. е. к 1991 г., городская часть жителей страны достигла 66% к общей численности населения, а в собственно России — 74%. К этому же времени из

примерно 130 млн работающих свыше 42 млн были заняты преимущественно умственным трудом. Если добавить к сказанному многомиллионные репрессии и гигантские жертвы времен Второй мировой войны, то очевидны и такие последствия всего случившегося, как грандиозные масштабы социальной мобильности. Отзвук их, постепенно угасавший в 1960-е — 1980-е гг., все же сказывался на всем протяжении существования советского режима.

В качестве примера приведем сведения из представительного опроса, проведенного под руководством автора в самый канун потрясений второй половины 1980-х гг. и охватившего 3,5 тыс. экономически активных жителей г. Казани (см. табл. 1).

Данные таблицы показывают стабилизацию стратификационной иерархии, умеренный масштаб социальной мобильности, возрастание преемственности в социальном статусе.

В этом ракурсе возможны сопоставления обществ, отличающихся и социальным устройством, и типом культуры. Такое сравнение было проведено нами на основе сравнения структурных моделей межпоколенной динамики социального положения отцов и сыновей. Был использован метод «путевого» (path) анализа, который чаще всего применяется в мировой литературе как средство построения структурных моделей. Сопоставлялись данные исследований по СССР, Чехословакии, США, Японии и Австрии. Оказалось, что показатели корреляции между социальными характеристиками отца и сына-респондента близки для СССР и США. Так, связь между образованием отца и сына в СССР — 0,49, в США — 0,45. Социально — профессиональный статус отца и сына (в начале трудовой карьеры): в СССР — 0,24; в США — 0,42 и т. д.). Для молодого поколения в СССР, США и других странах характерна тесная связь между собственным образованием и социально-профессиональным статусом (СССР — 0,57; США — 0,60). [*Шкаратан, Рукавишников* 1974, с. 44—48]

Однако и эти и другие эмпирические данные скрывают за собой различия социальных механизмов продвижения. В открытых обществах это по преимуществу — стихийный процесс, а в тоталитарных — мобильность, особенно на высших ступенях социальной лестницы, — управляемый, идеологически обусловленный процесс. В бывшем СССР действовали многочисленные закрытые инструкции,

Т а б л и ц а 1

Социальная структура трех поколений горожан (в %)
(Казань, 1983 г.)

Социальные слои	Отец на начало трудовой деятельности респондента	Респондент на начало своей трудовой деятельности	Респондент в возрасте 30 лет	Респондент на момент опроса	Старший сын/дочь респондента на момент опроса
1. Крестьяне, колхозники, с/х рабочие	19,0	6,9	0,9	0,3	0,8
2. Городские неквалиф. и малоквалиф. рабочие	16,6	10,3	5,1	5,5	8,3
3. Городские квалиф. рабочие	36,0	58,8	56,1	54,8	50,2
4. Городские высококвалиф. рабочие	1,1	2,9	2,9	3,4	1,7
5. Служащие	4,1	1,9	2,2	2,1	4,5
6. Работники со средним специальным образованием	9,0	7,7	10,8	9,9	8,9
7. Профессионалы с высшим образованием	10,2	9,8	15,3	15,8	21,7
8. Высококвалиф. профессионалы (с учеными степенями и др.)	1,5	1,2	4,9	5,8	2,8
9. Управляющие и чиновники высшего и среднего звена	2,5	0,5	1,8	2,2	1,1
Итого	100	100	100	100	100

кто и какое социальное положение мог занимать. При этом брались в расчет и социальное происхождение, и национальность, и, особенно, демонстрируемая приверженность политическому режиму, не говоря уже о готовности принять систему норм и ценностей политико-партийной элиты.

Реально социальная селекция была направлена против средних слоев, особенно интеллигенции, поскольку советская система могла строиться только на социальных силах маргинализированных групп населения. Характерно, что в составах политбюро ЦК КПСС (т. е. истинных владык страны) 1965—1984 гг., т. е. в эпоху интенсивного развития электронных, ядерных, космических, биоинженерных и иных супертехнологий, выходцы из семей бедного крестьянства и неквалифицированных рабочих преобладали решительным образом — 70,5%; в семьях неквалифицированных служащих родились 13,1%, лишь 8,5% имели родителями квалифицированных рабочих и 8% — работников квалифицированного умственного труда. Во всем и всегда сказывалась своеобразная смычка советской элиты и низов, состоящих из квазирабочих и таких же квазикрестьян, людей, ушедших из одной (традиционной) культуры и не дошедших до подлинно городской. Отсюда и особые черты, не всегда прослеживаемые по данным социальной статистики и социологических опросов: с одной стороны, возрастающая межпоколенческая преемственность, особенно в верхних слоях, а с другой — эти страные на первый взгляд зигзаги в индивидуальной карьерной мобильности отдельных выходцев из низших страт. [*Шкаратан, Фигатнер* 1992, с. 75]

Некоторые западные исследователи справедливо отмечали предпочтение, отдаваемое родителями-интеллигентами «академической» карьере своих детей, по сравнению с переходом в контролируемую властями «номенклатуру». Более того, при этом подмечено, что привилегии, связанные с управленческими позициями, были не столь велики, чтобы мотивировать на этого рода работу, если принять во внимание моральные потери. [*Matthews* 1978] Поэтому естественен и вывод, что занятия управленческим трудом не столь уж привлекательны и желанны, как это может представиться на первый поверхностный взгляд. [*Kohn* 1983]

СОЦИТАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Каковы новые черты социальной действительности, те социальные варианты которые определяют характер складывающейся социальной системы? Начнем рассмотрение этой непростой проблемы с анализа подспудных процессов предыдущего периода, трансформировавших изнутри советскую (этакратическую) систему.

5.1.

Административный рынок и номенклатурная приватизация

С начала 1990-х гг стало общеупотребительным высказывание. «Номенклатура обменяла власть на собственность». Это выражение неверно хотя бы потому, что, став частными собственниками, представители господствующего слоя не перестали быть и властвующей элитой. Но, кроме того, номенклатура (или, в другой терминологии, — этакратия) в условиях расцвета системы при Сталине, обладая властью, тем самым владела и собственностью, ибо владела государством, которому, в свою очередь, принадлежала почти вся собственность в стране. Правда, эта собственность была не индивидуально-частной, а совокупно-частной. Индивидуальная собственность действительно была загнана в глубокое подполье, почти полностью уничтожена. В этом,

кстати говоря, и было одно из качественных отличий современного этакратизма от традиционного государственного («азиатского») способа производства. Е.Т. Гайдар справедливо вспоминает одно чрезвычайно точное наблюдение Л.Д. Троцкого: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущественный класс». Другими словами, потребность в частной собственности связана с таким безусловным инстинктом, как родительский. [Гайдар 1995, с.114]

Как только репрессивный режим перестал давить на этакратию, как только господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т. д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, торговые работники, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств — вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 1950-х гг.

Однако ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок, весьма своеобразная система экономических отношений, которую справедливо называют «экономикой согласований», сложный бюрократический рынок, построенный на обмене — торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на этом рынке происходит обмен не только материальными ценностями, но и властью, исключениями из правил, престижем, т. е. всем, что имеет какую-либо ценность. Особенно ценился на этом своеобразном рынке социальный статус, который давал неизмеримо больше, чем любые деньги. Директор завода или института понимал, что получить потребные ресурсы будет неизмеримо легче, если он (она) станет депутатом Верховного Совета, Героем Социалистического Труда или лауреатом Ленинской премии. [Найшуль 1991]

Директора предприятий из «винтиков» государственной машины, беспрекословно выполнявших приказы начальства, превратились в активных субъектов торга. Но «торговали» они не столько между собой, что было бы залогом нормального рынка, а с вышестоящими начальниками. Этот торг шел по всей вертикали — от рядового рабочего до членов политбюро за принятие наиболее выгодных условий. Так, согласие директора предприятия на увеличение плана можно было обменивать, например, на улучшение его служебного положения или на средства для строительства заводского жилого дома. Поскольку в Центр пробиваться становилось все труднее, то стали усиливаться горизонтальные связи. Их основные субъекты — директора и чиновники начали осознавать себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновников, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы чувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев.

Таким образом, в 1953—1985 гг. при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности развивались своеобразные латентные процессы зарождения «квазичастной» собственности, шел процесс преприватизации собственности и складывания протокласса крупных собственников.

В 1985—1991 гг. подспудные процессы предыдущего периода вышли наружу. Началась открытая номенклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Рыжкова — Горбачева, вся выгода от которых досталась «своим» — хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Благодаря централизации госсобственности и раздаче ее в «полное хозяйственное ведение» соответствующих должностных лиц (1987—1990 гг.) принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полугосударственные формы и таким способом еще более надежно закрепила ее

за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России, которые только укрепили свои позиции.

К тому же приватизация собственности и финансов причудливо сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти. Не в силах в течение 1990-х гг. легально конкурировать с частным бизнесом по уровню заработной платы, государство воссоздало систему привилегий для высшего и среднего управленческого звена. Так, владения Управления делами президента значительно превысили собственность Управления делами ЦК КПСС, а степень контроля за использованием дач, автомашин, учреждений медицины, охраны и т. п. значительно снизилась.

Это объясняет бескровность «антикоммунистической революции». Поскольку этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников, некому было организовывать гражданскую войну за реставрацию старых порядков. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом.

Номенклатурная приватизация не была единственным источником складывания слоев собственников. Был еще один канал преемственности в системах социального расслоения между «коммунистическим» прошлым и постсоветским настоящим. Нельзя забывать о гигантских масштабах теневой экономики в бывшем СССР, в которой к концу 1980-х гг. было задействовано (по разным расчетам) 20—30 млн человек как полностью (вероятно, до 3-х млн), так и по большей части — от случая к случаю. Слои предпринимателей, действовавшие в этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. Все быстро выраставшие начиная с 1987 г. новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т. д.) создавались почти исключительно для торгово-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики. [Кочетов 1993, с. 66—73]

Эти две прослойки собственников — легально-административная и теневая — вступили в проти-

воборство за овладение собственностью и каналами получения доходов. Борьба разворачивалась за распоряжение средствами производства и за контроль над сферами распределения и обращения. Занимая выгодные исходные позиции в сфере обращения и частично — в сфере распределения, теневая прослойка стала постепенно наращивать позиции в сфере распоряжения средствами производства. Легально-административная прослойка была вынуждена делать уступки, корректируя законодательно-правовую основу бизнеса, в то же время сохраняя свои преимущества в административно-государственной сфере. В итоге борьбы обе прослойки к середине 1990-х гг. практически слились. Но, следует добавить, слились на основе сохранения власти и собственности прежде всего у номенклатуры. [*Гольденберг 1995*]

С точки зрения теории административного рынка Россия в период, предшествовавший реформе, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. И эта система стала постепенно разрушаться. Ведь чем сложнее становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи, эффект давали только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения вынудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или ее демонтажу.

Сама природа того общества, из которого вышла перестройка и последующие реформы, такова, что социальные слои образовывали некоторые размытые множества, у которых не было даже в интенции осознания своих групповых интересов, специфической системы ценностей, единства образа жизни. Исключение составляла властвующая элита, которая обладала всей системой групповых признаков, включая самоидентификацию. Поэтому именно элита (этакратия, номенклатура), а совсем не интеллигенция (как пишут некоторые авторы) оказалась локомотивом социальных изменений.

К этому следует добавить реальное распределение собственности в дореформенный период. Другими словами, сложившееся к концу 1980-х гг. соотношение сил сделало неизбежным захват номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Это был единственный путь мирного решения вопроса о собственности.

В 1988—1991 гг. состоялась раздача собственности в номенклатурные руки, сохранившие и властные полномочия. В итоге сложился беспримесный номенклатурный псевдокапитализм в чрезвычайно выгодном варианте — лжегосударственной форме деятельности частного капитала. Это была келейная паразитическая приватизация без смены юридических форм собственности. Процесс выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г. со специального решения ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Координационный комитет этого движения возглавил второй человек в партии, член политбюро и секретариата ЦК, Е.К. Лигачев. Началось создание разнообразных коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли высшие чиновники. Эти организации практически не платили налоги, они имели право перекачки безналичных денег в наличные, они покупали валюту в Госбанке по смехотворному официальному курсу (0,56 р. за 1 долл.) и тут же перепродавали по коммерческому курсу (от 20 до 150 р. за долл.). Им были доступны все государственные фонды, запасы сырья и готовой продукции, которые они тут же продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. Эти же люди создавали благотворительные фонды, неподконтрольные налоговой инспекции и позднее в своем большинстве таинственно исчезнувшие. И, наконец, все эти «свои» люди были полностью ограждены от правоохранительных органов. Примером успешного включения «зачинателей» этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам, коммерцию может служить финансовая империя «Менатеп», длительное время пользовавшаяся особой благосклонностью уже новых властей.

Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. По идее, можно было ожидать, что фиговый листок

лжегосударственности станет спадать с номенклатурной собственности, что директора, министерские и другие чиновники продолжают пользоваться доходами по своему усмотрению, но государство уже не будет платить по их долгам, и они как собственники станут нормально выплачивать рабочим заработную плату. Другими словами, должен был бы начаться переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности.

Однако процесс пошел преимущественно по другому вектору. Лишь на несколько градусов удалось повернуть стрелку от номенклатурной к демократически-рыночной приватизации. До сих пор не существует системы достаточно развитой частной собственности, отделенной от государства. Цель номенклатуры и соединившихся с нею квазибанкиров была и остается неизменной на протяжении всего постсоветского периода — законсервировать отношения «ничейной собственности», чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной. Эта незавершенность, неопределенность отношений собственности сказывается решающим образом и на социальной стратификации.

Другой источник формирования крупных капиталов, а соответственно и крупной буржуазии, — льготные кредиты, скрытые экспортные субсидии и дотирование импорта. Эти способы обогащения «новых русских» возникли в 1988 г. и приняли небывалые масштабы начиная с 1992 г. По мнению Андерса Ослунда, экономического советника правительства при Е. Гайдаре, «в выигрыше оказались банкиры, имевшие большие связи в верхах» и сосредоточившие субсидируемые кредиты промышленным и аграрным предприятиям. А на разнице в ценах на внутреннем и мировом рынках (нефть, металл, сырье) благодаря экспортным квотам и лицензиям сколотили огромные состояния, как выразился тот же превосходно информированный Ослунд, «люди с большими связями — должностные лица компаний-производителей, торговцы сырьем, коррумпированные чиновники». Также воздействовали на складывание феерически возникавших состояний и субсидии на импортные поставки в 1992 г. продовольствия. Импортёры платили всего лишь один процент действовавшего обменного курса при покупке валюты у правительства. Продукты продавались в России по обычным рыночным ценам,

а субсидия пошла в карман импортерам. И Ослунд считает, что именно такими путями «в прошедшие несколько лет в России появились по-настоящему богатые люди. В их числе банкиры, представители нефтегазовой промышленности, торговцы и ряд высших чиновников. Некоторые из этих людей сумели сделать более одного миллиарда долларов». Основная часть их вышла из рядов прежней советской номенклатуры. [Ослунд 1996]

Однако и в пределах предопределенного варианта развития были возможности увеличить долю ненорменклатурной приватизации. Такой авторитетный и реформистски ориентированный автор, как академик Н. Шмелев, считает, что в этом отношении самой тяжелой ошибкой была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен на свободу без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. На момент реформ у населения и предприятий на счетах имелось около одного триллиона рублей. Все основные фонды страны оценивались тогда в сумме двух триллионов рублей. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп государственных предприятий в 300—400 млрд р. Иными словами, если бы не конфискация, «15—20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992—1993 гг. выкуплено, т. е. приватизировано нормальным путем, не задаром, а за деньги...». Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности — раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам.

«Но это только часть вопроса. Другая же состоит в том, что, сосредоточившись на приватизации наших промышленных монстров, реформаторы в то же время проводят политику не поощрения, не поддержки, а, наоборот, удушения истинного частного предпринимательства, мелких и средних частных предприятий. Вытолкнув частную инициативу преимущественно в «Лужники» и отчасти в банки, реформаторы упорно и, по всему видно, преднамеренно не пускают ее в главную сферу экономики — в производство.

...Власть отказывается понимать, что будущее России — это не только и даже не столько Уралмаш-завод, сколько миллионы мелких и средних частных пред-

приятый, давно уже ставших во всем мире главной движущей силой научно-технического прогресса, конкуренции, развития рынка и главным работодателем для всех, кто идет на рынок труда». [Шмелев 1996, с. 65—67]

Становление нового постсоветского этапа этакратизма

Совершенно очевидно, что тот путь, на который с неизбежностью встала Россия, означал отсутствие равенства условий жизненного старта для граждан вне зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах и т. д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно немедленном складывании демократического капитализма и конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством не довелось сбыться. Этот проигрыш был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения.

Итак, в противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации и формирования новой властвующей элиты в свою пользу. Автор согласен с мнением Ю. Буртина о природе сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы как номенклатурного капитализма, точнее — этакратизма в новой фазе его развития. Я высказывал эту точку зрения в течение ряда лет, но Буртин исключительно глубоко обосновал суть складывающейся в России социально-экономической системы: «В сущности, это вовсе не капитализм, а особая, коммерсализированная перелицовка «реального социализма»...

Капитализм — царство частной собственности... Что касается «номенклатурного капитализма», то... в нем господствует принципиально иной вид собственности. Ее называют «приватизированной», что по смыслу слова является синонимом «частной», однако она представляет собой вполне оригинальное явление и по ряду существенных признаков совершенно ей противоположна». Ю. Буртин при этом отмечает, что частная собственность

«носит производительный, созидающий характер. Частным здесь является не только присвоение собственности, но и ее производство... нормой является преобладание производства над присвоением... У нас же все иначе. Частный принцип действует здесь в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Предметом частного номенклатурного присвоения сплошь и рядом оказывается стоимость, в создании которой соответствующие лица не принимали никакого или почти никакого участия: производительные силы, накопленные трудом и лишениями многих поколений, богатства российских недр, бюджетные средства».

Отсюда следует, что если частная собственность сопряжена с ответственностью, эффективностью ее производительного использования, то российские владельцы «частной собственности за общественный счет» освобождены от ответственности и риска, их богатство не зависит от их хозяйственной деятельности.

«Капиталистическая частная собственность универсальна... она является достоянием всех — будь то хотя бы собственность на свою рабочую силу, на свои интеллектуальные способности, на свое жилище и т. д. «Приватизированная» собственность — достояние немногих. Как и ее предшественница, корпоративная собственность советского правящего слоя, она представляет собой сословную привилегию и очень дорожит этим своим анахронистическим феодальным статусом. ...Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы».

Дело, конечно, не только в собственности. В стране по-прежнему нет ни свободного рынка, ни демократии. Принципиально различны по сравнению с капитализмом типы личности, этика, все основные цивилизационные черты. [Буртин 1997, с. 174, 175, 164; см. также Буртин 1998]

Для того чтобы добиться такого «успеха», правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Б.Н. Ельцин: «В сентябре — октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции». [Российская газета. 20 августа 1992 г.]

Есть, конечно же, и другие оценки и определения современного российского социума. Возьмем, к примеру, получившую обширные отклики на Западе, но не замеченную нашими аналитиками книгу шведского ученого Стефана Хедлунда под весьма определенным названием «Русская «рыночная» экономика: скверный случай грабительского капитализма» (1999 г.) Автор подчеркивает, что корни современных российских бед следует искать в «древней Московии». Относительно ельцинского режима он замечает, что в ситуации, когда наступил коллапс советской системы, новый режим занялся не созиданием, а разрушением и искоренением всех остатков прошлого. В условиях разрушения государственности клептократы столь успешно разграбили остатки советской экономики, сосредоточили столь значительные богатства, что даже после коллапса августа 1998 г. они оставались победителями, правда, находящимися перед дилеммой оказаться заключенными. [Hedlund 1999, p. 338]

По мнению профессора Кембриджского университета Дэвида Лэйна, в России проводилась неолиберальная политика «в масштабе, беспрецедентном даже для англо-американского капитализма». Результат: «...можно определить Россию как «хаотическое» социальное образование. Это образование может быть определено как социальная и экономическая система, которой не хватает институциональной координации и которая способствует социальной фрагментации: целям, праву, правящим институтам и экономической жизни недостает согласованности. Ее отличительными чертами являются неопределенность в отношении будущего, разобщенность элиты, отсутствие системы господствующего и промежуточного класса — посредника, смесь из различных каналов обмена, криминализации и коррупции; предприниматели, стремящиеся только к извлечению прибыли; неадекватное выражение политических интересов; экономика в состоянии упадка, характеризующаяся инфляцией, безработицей и бедностью. хаотическая социальная формация — это какая-то аномалия. Стабильность такой системы сомнительна.

...Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен (подчеркнуто мною. — О. Ш.). Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют ре-

зультаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность». [Лэйн 2000, с.15—16] Очевидно из приведенных слов, что Лэйн, по сути дела, близок к моей позиции.

К этому можно добавить суждение М.Кастельса, который оценил пореформенное российское десятилетие как «бесконечный переход от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму». [Кастельс, Киселева 2000, с.46]

Академик Н.А. Симония разрабатывает концепцию бюрократического капитализма, чье становление в России, по его мнению, приходится на 1992—1998 гг. Он пишет: «И в стране, и за ее пределами идет ожесточенный спор между сторонниками «западной» и «азиатской» ориентации. Раздаются, правда, и голоса, ратующие за «особый» российский путь развития (я бы сказал точнее — за особый синтез отдельных элементов западных и азиатских моделей развития с российской «почвой»), но активных сторонников подобного подхода немного, и голоса их обычно тонут в шумном хоре адептов крайних позиций». Сформировавшийся феномен российского бюрократического капитала своими предшественниками имеет страны «с богатыми историческими традициями бюрократического управления» (гоминьдановский Китай, Индонезия, Южная Корея и т. д.). В этом перечне у Симонии мы не находим стран европейского цивилизационного ареала. По мнению автора, толчком к «массовому, практически безграничному формированию бюрократического капитализма послужила гайдаровская либерализация...

Важной особенностью становления этой формы капитализма в России явилось то, что отсутствие консолидированной и сильной государственной власти имело своим следствием, во-первых, полную свободу рук для бюрократии, ее фактическую неподконтрольность верховной власти и, во-вторых, фрагментарность бюрократического капитала». [Симония 2000, с. 42, 45]

С особой прозрачностью сохраненность этакратических отношений сказалась на функционировании института собственности, где в новой оболочке проявили себя ключевые для данного типа общества отношения «власть — собственность».

Принципиально важным направлением государственной политики в стране, переходящей от этакратической к частнособственнической системе, должно было

бы стать регулируемое формирование класса собственников — предпринимателей. Именно они должны послужить опорным каркасом эффективной постиндустриальной экономики. Но на протяжении всех лет реформирования экономики в России малое и среднее предпринимательство вынуждено было преодолевать бесконечные притеснения и бюрократические препоны, как факт — малое и среднее предпринимательство у нас пока занимает более или менее нормальную нишу только в торговле и производстве некоторых продовольственных товаров. А ведь такое предпринимательство составляет неотъемлемую часть здоровой экономики процветающего общества. В развитых рыночных экономиках мелкое и среднее производство обеспечивает 60—80% общей занятости. У нас в России — порядка 11—12%.

Неоправданно низкие темпы развития среднего и малого предпринимательства препятствуют достижению и главных социальных целей, традиционно обеспечиваемых системой эффективно функционирующих предприятий этого типа: создание новых рабочих мест, в том числе для молодежи и незащищенных слоев общества, обеспечение снижения социальной напряженности и экономического неравенства.

Если обратиться к законодательным и нормативным актам, то может сложиться впечатление, что в стране созданы необходимые предпосылки для реализации эффективной государственной политики поддержки предпринимательства, условия для ускоренного его развития и превращения в стратегический фактор социально-экономического развития. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности. В Российской Федерации регламентация отношений в сфере предпринимательской деятельности осуществляется гражданским законодательством. Так в Гражданском кодексе РФ (ст. 2) прямо указывается, что «гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием». Причем можно даже посчитать, что в системе российского гражданского права формируется определенная совокупность взаимодействующих гражданско-правовых норм, регламентирующая относительно самостоятельную систему общественных отношений, которые могут составлять особый

и относительно самостоятельный гражданско-правовой институт — предпринимательское право. Наше гражданское право формально обеспечивает основные права и свободы предпринимателей. К ним относятся принципы: дозвоительной направленности гражданско-правового регулирования, равенства правового режима для всех субъектов гражданского права, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, неприкосновенности собственности, свободы договора, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств по территории Российской Федерации.

Вместе с тем анализ имеющихся статистических и аналитических данных о состоянии и динамике развития предпринимательства показывает, что в Российской Федерации лишь формально созданы (и то в незавершенном и противоречивом виде) правовые предпосылки эффективной предпринимательской деятельности. Что касается предпринимателей, то, по данным прессы и материалам интервью, проведенным в 2003 г. нашим сотрудником Г. Туматовой, условия внешней среды бизнеса ими самими оцениваются как дестимулирующие. Это относится и к реальной правоприменительной практике, и к самому действующему законодательству, включая новые законы, принятые за последние три года.

Судя по отзывам самих бизнесменов, новые законы не устраняют существующие противоречия в законодательстве, которое регулирует различные стороны предпринимательской деятельности. Более того, новые законы ослабили социальную защищенность бизнесменов, поскольку они не взаимоувязаны с продолжающей действовать ранее созданной законодательной базой. Общеизвестным в мировой практике является положение, что норма, принятая более поздним законом, в случае обнаружения каких-либо правовых коллизий имеет приоритет над нормой, принятой более «ранним» законом. Однако действующее законодательство не содержит обозначения такой приоритетности. Реальная арбитражная практика также не подтверждает опыта применения подобной приоритетности. Существенным негативным фактором является непрозрачность системы налогообложения, что позволяет государству весьма вольно обращаться с бизнесом.

По мнению большинства предпринимателей, гораздо эффективнее при проведении хозяй-

ственных споров обращаться куда угодно, но только не в государственные судебные инстанции. Так, обращаться в Арбитражный суд бесполезно. Во-первых, невозможно предсказать исход дела из-за противоречивости законодательства; во-вторых, чрезмерно велики сроки судебного разбирательства; в-третьих, отсутствует надежда на исполнение решения. Кроме того, и это самое тревожное, 42% истцов в ходе разбирательств лично столкнулись с силовыми методами, а 3% стали прямыми жертвами силовых вымогательств. По мнению предпринимателей, без силового вмешательства решение хозяйственных споров практически невозможно. Причем нелегальные силовые формирования далеко отходят на второй план. Выигрывает тот, кто имеет отношения с незаконно действующими государственными структурами — судом, милицией, прокуратурой. Положение особенно напряженно в провинции. [Новая газета 2003, с. 2] В результате обычной стала практика силового захвата предприятий у их законных владельцев. Только в Москве ежегодно происходит до 300 захватов предприятий. [Известия 2003]

Об этой проблеме, как в фокусе отражающей характер функционирования института частной собственности в постсоветской России, стране в институциональном смысле, скорее, позднеэтакратической, чем незрело буржуазной, писал президент Фонда «Индем» Г.А. Сатаров. Приведу значительную выдержку из его статьи «Кто исправит наших акул»: «Конечно, «недружественное поглощение» существует везде, где есть нормальный свободный рынок. Но там он служит обычно одним из инструментов санации рынка, смены неэффективного менеджмента на эффективный... И все происходит в рамках закона.

У нас не так.

Во-первых, наш захват осуществляется целиком на основе коррупционных схем.

Во-вторых, объектом атаки у нас становятся успешные предприятия.

...Значит, в стране опасно становиться доходным, открываться, привлекать инвестиции...

В-третьих, захваченная собственность, как правило, приводится в полную экономическую негодность: активы выводятся, менеджмент разрушается, собственность распродается, люди теряют работу, а бюджеты разных уровней лишаются налоговых поступлений».

По компетентному мнению Г.А. Сатарова, серьезны последствия и в политической сфере. Здесь возможны две линии поведения бизнеса. Первый — обращение к альтернативным методам защиты, т. е. практически обращение к практике 1990-х гг. по взращиванию теневого государства. Второй — менять государство, менять власть. «Во что это может вылиться — непредсказуемо». [Сатаров 2003]

Особенно остро стоит вопрос о действии в России института несостоятельности. Основное его назначение — обеспечение предсказуемого распределения рисков для инвесторов. Хотя с конца 1992 г. по 2002 г. были последовательно приняты три федеральных закона о несостоятельности (банкротстве), последствия их действия не сняли проблемы захвата благополучных предприятий у эффективных собственников. Поэтому значительная часть банкротств будет по-прежнему отрицательно влиять на экономическое развитие страны. [Симацев 2003, с. 62—82]

В этих условиях сохраняются и реализуются возможности осуществлять коррупционные сделки, поскольку административные барьеры для осуществления законопослушного предпринимательства практически непреодолимы для малого и среднего бизнеса, особенно в секторах новой, прежде всего информационной, экономики, где высок удельный вес нуждающегося в поддержке венчурного бизнеса. Отсюда не случаен незначительный удельный вес малого и среднего предпринимательства в экономике России, а главное — отсутствие какого-либо роста его доли и роли. Защищены, но не законодательством, а неформальной практикой, прямой связью с правительством и администрацией президента только крупнейшие собственники, федеральные и межрегиональные олигархи.

По расчетам экономистов из МГУ, относящимся к 2001 г., из-за потерь бизнеса от чиновничьих ловушек и преград чистые потери ВВП составляют 7,7 млрд долл. в год. Сюда входят затраты на регистрацию предприятий (от 200 до нескольких тысяч долларов); лицензирование (применяемое в других странах лишь в виде исключения); согласование проектной документации (до 100 согласований) и т. д. Только на федеральном уровне существуют около 60 инспекционных служб, к этому следует добавить службы органов субъектов Федерации и местного самоуправления. По данным круглого стола бизнеса Москвы, чтобы

начать малый бизнес в столице, в том же 2001 г. нужно было иметь 4000 долл., из которых до 1500 уходили на преодоление чиновничьих барьеров. Гигантская масса посреднических фирм и фирмочек, созданных чиновничеством для своего прокорма, грабит бизнес через принудительные экспертизы и другие навязываемые услуги. Косвенные потери национальной экономики в связи с этим составляли на тот же 2001 г. 5—7% ВВП, прямые потери населения в расчете на семью достигают 550 р. в месяц за счет добавок к ценам товаров. [Аузан, Крючкова, с.75, 77; *Известия* 2001г; *Известия* 2001в; *Новая газета* 2001а]

ВНИИ МВД провело исследование положения малого предпринимательства в Воронежской области и подготовило «Аналитическую записку». В ней, в частности, приведены такие данные: «Рэкет государственных служащих увеличивает и без того высокий риск и материальные издержки, связанные с предпринимательской деятельностью. В результате до 40% малых предприятий в течение года прекращают свою деятельность и еще 20—25% вновь созданных не могут приступить к работе.

По мнению 57% опрошенных предпринимателей, наиболее распространенной и опасной формой монополистической конкуренции является создание коррумпированными чиновниками собственных предприятий через подставных лиц». [*Новая газета* 2001в]

По данным повторного опроса, проведенного мною с коллегами в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже среди кризисных групп населения (1996, 1997 гг.), ни один из прорвавшихся в малый бизнес, т. е. принявших ответственность за себя и свою семью, не получил ни рубля кредитов от государственных органов, в том числе и от службы занятости.

Анализ жалоб предпринимателей, адресованных Российскому союзу промышленников и предпринимателей (лето 2003 г.), показал, что особенно раздражает бизнес издевательская регулярность административных проверок, сопровождающихся, как правило, чиновничьим вымогательством взяток. На 51% предприятий такие проверки проводятся чаще одного раза в месяц, реже одного раза в месяц — на 26%. Предприниматели пишут о том, что государственные органы регулярно открыто нарушают законодательство; 40% писем — это жалобы на местные органы власти, 34% — на региональные органы, 26% — на феде-

ральные. Для сравнения: суммарный уровень давления со стороны «контрагентов» отметили в своих письмах 22,1%; со стороны банков — 13%. На состоявшемся в мае 2002 г. совещании по малому предпринимательству в Воронеже прорвавшиеся на трибуну представители деловых людей показали, что лихоимство чиновников, особенно из правоохранительных органов, разоряет бизнес. По их подсчетам, в казну попадает максимум 20% всех платежей, производимых бизнесменами, а остальное образуют взятки и поборы во внебюджетные фонды. [*Новая газета* 2003(2), с. 2; *Новая газета* 2002, с. 15]

В этих условиях значительная часть бизнеса не выходит из «тени». В неформальном секторе экономики, по исследованиям Госкомстата России, в 2000 — 2003 гг. производилось от 22 до 25% ВВП. В то же время у наших бывших собратьев по социалистическому лагерю (Восточная Европа, Балтия) этот показатель несколько ниже. В индустриально развитых странах он спускается до 5%. Если общий размер официальной оплаты труда в 2002 г. составил несколько более 5 трлн р., то в неформальном секторе — около 1,25 трлн р. [*Московские новости* 2003(3), с. 13]

Наш вывод таков. Сложившиеся отношения власти и бизнеса, когда бизнес выступает как зависимый и манипулируемый властью социальный субъект, есть органическая характеристика современной социальной системы России как системы позднеэтакратической.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДРАМА РАСКОЛОТОГО ОБЩЕСТВА

6.1.

Положение социальных низов: тревоги без надежды

Складывающееся (пожалуй, уже сложившееся) общество характеризуется невиданным в мире индустриальных стран разрывом между бедностью и богатством. Маршалл Голдман, профессор Гарвардского университета, отметив, что сложившаяся в России «система вобрала в себя все худшее из капитализма и коммунизма», особое беспокойство высказал относительно «крайне неравномерного распределения доходов между богатыми «новыми русскими» и остальной частью населения». [*Новая газета* 1998б]

Резко усилилось имущественное расслоение населения, появились значительные слои так называемых «новых бедных». Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за период 1991—1998 гг. снизилась с 548 р. до 193 р., т. е. почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму соответственно упало с 3,16 до 1,7, т. е. без малого в 2 раза. После финансового кризиса 1998 г. вновь снизилась заработная плата. По уровню реального потребления население дополнительно потеряло примерно треть. Такие данные суммированы академиком Д. Львовым.

[Известия 2000] По сведениям Госкомстата, реальная начисленная заработная плата одного работника составляла в июле 1999 г. 64,5% от июля предыдущего года (т. е. до августовского кризиса 1998 г.). Добавлю к этому следующий комментарий аналитиков из Российско-Европейского центра экономической политики: «В первом квартале 1999 г. реальная начисленная заработная плата (оцененная с использованием дефлятора потребительских расходов) достигла своего самого низкого уровня за все 90-е годы: она составила около 50% уровня 1990 г. и оказалась на 30% ниже уровня 1997 г.». [Обзор 1999, с. 123]

Даже в 2001 г., после 2-х лет экономического подъема, заработная плата лишь несколько превысила две трети жалкого уровня 1990 г., вызывавшего в свое время справедливое возмущение будущих реформаторов. Надо отметить, что за 2001—2003 гг. рост реальной заработной платы продолжился и приблизился к уровню 1990 г. Однако при этом следует иметь в виду, что суммарный объем заработной платы по-прежнему составляет около 30% ВВП, тогда как в развитых капиталистических странах он достигает не менее 60% ВВП. [Львов, Овсиенко, 2000, с. 111]. На один доллар заработной платы российский работник производит 4,6 долл. продукции, а американский — 1,7 долл. [Поиск 2003, с. 5]

Американский экономист Мартин Гилман привел следующие данные по размеру средней заработной платы по России в долларах: июнь 1998 г. — 182 долл.; февраль 1999 г. — 53 долл.; апрель 2001 г. — примерно 100 долл. Удивление почтенного профессора вызывает, «... почему россиян устраивает зарплата всего 100 долларов в месяц? Как могут образованные и культурные граждане России мириться со среднемесячной зарплатой, примерно равной зарплате в Южной Азии, Африке и беднейших областях Южной Америки?». [Известия 2001к]

Бывший в то время (2001 г.) вице-спикером Государственной Думы Г. Боос, как бы продолжая рассуждения Гилмана, подчеркивал, что уровень заработной платы имеет не только социальную, но и экономическую составляющую. Рост заработной платы приводит к активизации спроса, включению в рыночные отношения большинства жителей страны, которые вынуждены в настоящее время жить в системе натуральных отношений. По его мнению, «задача должна быть поставлена перед правительством прося: довести минимальную зарплату (выделено мною. —

О.Ш.) в течение 3—4 лет до уровня не ниже 6—7 тысяч р. За 5 лет — не ниже 10 тысяч рублей в сегодняшних ценах. Да, это серьезная задача, но в результате ее решения деньги пойдут на потребительский рынок». Это, в свою очередь, приведет к росту доходов населения. [*Известия* 2001л] Будучи опытным предпринимателем и администратором с большим опытом работы в правительстве Москвы, Г. Боос, конечно же, не был склонен рисовать утопические проекты будущего, а предлагал не раз проверенный в мировой практике план выведения экономики из критического состояния.

Двумя годами позднее С.Ю. Глазьев поддержал идею опережающего роста заработной платы, аргументировав это предложение необходимостью обеспечить высокие темпы экономического роста: «...не потому, что мы такие добрые, а потому, что основой современного экономического развития является человек, интеллектуальный потенциал общества. ...Экономить на человеке, как это делает сегодня правительство, — это безумие. ...Если темпы роста мы ориентируем на 10 процентов в год, то темпы роста оплаты труда должны быть выше — необходимо как минимум их удвоение в течение ближайших трех лет. Для этого есть все возможности, потому что сегодня большая часть сверхприбыли достигается за счет присвоения природной ренты и недооценки труда, а сама сверхприбыль попросту утекает за рубеж». [*Итоги* 2003, с. 22]

Рассмотрим, на основе данных Госкомстата, динамику реального личного потребления товаров и услуг за 1994—2000 гг. Она отчетливо демонстрирует, что, несмотря на высокие показатели потребления «новых богатых», рост их численности и запросов, во второй половине 1990-х гг. в целом у населения страны качество потребительских расходов оставалось на крайне низком уровне. Если принять средний показатель 1995 г. равным 100, то в 1994 г. личное потребление составило 107; в 1996 г. — 99; в 1997 г. — 101; в 1998 г. — 95; в 1999 г. — 83; в 2000 г. — 91. [*Обзор экономики* 2001, с. 123—124]

Основным показателем в этой связи является уровень реальных средних душевых доходов. К марту 1992 г. по отношению к декабрю 1991 г. они составили 28%. К ноябрю 1994 г. реальные душевые доходы выросли на 58% и достигли 44% к уровню декабря 1991 г. После колебаний в уровне доходов за экономически благополучные последующие три года к ноябрю 1997 г. этот показатель спустился

еще ниже: уровень доходов упал по сравнению с ноябрем 1994 г. на 10,8% и составил всего лишь 40% от уровня 1991 г. В ноябре 1998 г. уровень реальных доходов составил 81,5% к ноябрю 1997 г., а в июле 1999 г. — 72,7% к предыдущему году. Как такая динамика доходов повлияла на реальное потребление, отчетливо видно по составу питания основной массы россиян. По данным Госкомстата, потребление мяса на душу населения снизилось с 62 кг в 1985 г. до 35 кг в 1998 г.; овощей соответственно — с 98 до 60 кг; фруктов — с 40 до 20 кг; зато потребление картофеля поднялось со 109 до 145 кг; хлеба — со 119 до 140 кг.

В 2000 г. доходы выросли на 9,1%, что не вернуло их даже к уровню 1997 г. и не довело даже до половины доходов 1991 г. (47,8%). [Обзор экономики 2000; Экономический журнал, с. 149—151; Суринов, Делягин, Кастельс, Киселева 2001] В 2001г. доходы выросли еще на 7,2%. В 2002—2003 гг. рост доходов продолжался. В результате, по данным Госкомстата, реальные располагаемые денежные доходы населения составили в 2002 г. 132,1% по отношению к 1999 г. и достигли 2200 р. Однако при этом следует помнить, что по данному показателю уровень 1999 г. составил по отношению к 1991 г. 45,85%. Это означает, что в 2002 г. благоприятная динамика дала возможность достигнуть 60,6% от уровня 1991 г. На июнь 2003 г. среднедушевой доход вырос до 2859 р. (т. е. 95 долл.). Другими словами, несмотря на позитивные тенденции последних лет, грандиозный спад времен хаотичных реформ правительства Ельцина — Черномырдина не был преодолен.

Если принять во внимание возмрастившую в эти же годы дифференциацию населения по уровню жизни, то несложно представить положение не только социальных низов, но и так называемых средних слоев. Можно заметить, что рассматриваемая динамика доходов складывалась благоприятно для населения в период борьбы парламента с исполнительной властью (1992—1994 гг.) и приобрела позитивный характер после стабилизации авторитарного президентского режима при Путине.

Мы располагаем данными представительного опроса экономически активного населения России октября-ноября 2002 г., позволяющими не ограничиться среднеарифметическими показателями, что особенно важно в условиях резкой социальной дифференциации в показателях уровня жизни. (Описание методики проведенного исследования см. [Шкаратан 2003])

Т а б л и ц а 2

**Показатели уровня жизни мужчин и женщин
(октябрь-ноябрь 2002 г.)**
(среднее, медиана, дисперсия, стандартное отклонение)

	Мужчины	Женщины	Оба пола
Месячный заработок	Mean=5159 Median=3000 Variance=1,7E+08 Std. deviation=13213	Mean=3272 Median=2300 Variance=2,3E+07 Std. deviation=4755	Mean=4152 Median=2800 Variance=9,4E+07 Std. deviation=9711
Фактический денежный доход на члена семьи	Mean=2633 Median=2000 Variance=1,3E+07 Std. deviation=3651	Mean=2572 Median=2000 Variance=1,4E+07 Std. deviation=3699	Mean=2600 Median=2000 Variance=1,4E+07 Std. deviation=3677
Квадратные метры жилой площади	Mean=13,9 Median=12,0 Variance=79,5 Std. deviation=8,9	Mean=13,1 Median=10,5 Variance=62,1 Std. deviation=7,9	Mean=13,5 Median=11,0 Variance=70,4 Std. deviation=8,4

Итог таков: даже согласно официальным данным за чертой бедности (т. е. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) находились: в 1992 г. — 49,7 млн человек, т. е. 33,5% к общей численности россиян; в 2000 г. — 34,7%. По оценке Г. Явлинского, в ноябре 2002 г. доля населения, жившего в условиях абсолютной бедности, т. е. испытывавшего затруднения с удовлетворением базовых потребностей, составляла не менее 35%. [Явлинский 2002, с. 12] По тем же официальным данным, наиболее крупную группу в составе бедных образуют работающие по найму (42%), затем идут неработающие пенсионеры (14%), временно не работающие (9%), предприниматели (8%). [Социальное положение 1999, с. 22; Социальное положение 2000, с. 23] Другими словами, реальный экономический рост 1999 — 2003 гг. не переломил ситуацию с массовой бедностью.

За 1990-е гг. в России произошел раскол между сравнительно благополучной частью населения и подавляющим обнищавшим большинством (около 85% россиян). В руках первых аккумулировано примерно 85% всех сбережений в банковской системе, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты. По мнению академика Д.С. Львова, «в ходе экономических реформ мы переступили ту запретную черту, за

которой начинается разрушение внутреннего мира человека. Это разрушает и экономику, не позволяет ей развиваться в соответствии с законами свободной рыночной среды». [*Новая газета* 2003(1), с. 17] Директор ИКСИ РАН М.К. Горшков на основании представительных опросов, проведенных под его руководством, утверждает, что на протяжении последних лет самой многочисленной остается группа людей, проигравших в результате реформ. «Более того, *динамика мнений за последние два года свидетельствует о росте негативных оценок россиянами последствий реформ для себя и своих семей*. С 42 до 47% выросла доля тех, кто относит себя к проигравшим, и, наоборот, с 13% до 7% сократилось число считающих себя выигравшими от реформ». [*Горшков* 2003]

Степень сопоставимости и надежности приведенных выше официальных данных заслуживает обсуждения. Согласно методике Госкомстата черта бедности устанавливается исходя из величины прожиточного минимума, который измеряется на основе стоимости так называемой минимальной потребительской корзины. Но за исследуемый период (1991—2003 гг.) она менялась дважды. Первый раз в ноябре 1992 г., когда ее стоимость была уменьшена в 2 раза по сравнению с жалкой корзиной советского периода. Второй раз изменения были произведены в апреле 2000 г., когда в новом прожиточном минимуме увеличились расходы на непродовольственные товары и услуги. В результате величина прожиточного минимума по сравнению со стоимостью потребительской корзины 1992 г. возросла на 15—20% в ценах 2000 г. [*Овчарова, Попова*, с. 16—20]. Тем не менее и в этом исчислении величина официально установленного прожиточного минимума (1,6 долл. в день) явно занижена.

По мнению аналитиков Всемирного банка: «Данные Госкомстата РФ о численности бедных вызывают определенные сомнения. Например, исходя из цифр Госкомстата, полученных на основе анализа бюджета домохозяйств за 1999 г., можно заключить, что 50,2% населения находилось за чертой бедности, в то время как средние показатели годового дохода, скорректированные с учетом сезонности, неполноты данных и т. д., за тот же самый год дают цифру 29,9%. Хотя Госкомстат считает более достоверным второй показатель, разница представляется существенной». [*Россия после кризиса...*, с. 87—88]

К этому следует добавить, что на самом деле используемые нами данные, в основе которых лежат

критерии Госкомстата, характеризуют границу не бедности, а нищеты. В Декларации «Саммита-8» на Окинаве критерием нищеты был взят доход менее 1 долл. на человека в день. Порог бедности, по методике Всемирного банка, для стран Восточной Европы и бывшего СССР — 4 долл. в день. Если принять этот международный критерий, за порогом бедности у нас находились в 1999 г. 64% населения. К июлю 2001 г. доля людей за порогом бедности осталась примерно такой же. Минимальный потребительский бюджет, обеспечивающий более или менее нормальную жизнь, должен был составлять на то время порядка 4000 р. в месяц, т. е. те самые 4 долл. в день. Между тем в первом квартале 2001 г. среднемесячный доход на душу населения в размере 3000—4000 р. был у 10,3% россиян, а свыше 4000 р. — у 11,8%. [Ржаницына 2001, с. 9]

По данным нашего представительного опроса в ноябре 2002 г., при среднем месячном доходе по стране, равном 2600 р., при медиане равной 2000 р. (см. табл. 1.), доход до 1000 р. имели 21,8% опрошенных, от 1001 р. до 1500 р. — 18,8%, от 1501 до 2000 р. — 20,5%, от 2001 до 2500 р. — 9,6%, от 2501 до 3600 р. — 13,6%, от 3501 до 5000 р. — 8,6%, свыше 5000 р. — 7,1%. Другими словами, по международным критериям в зоне нищеты, т. е. с доходом менее 1 долл. в день на человека, находились около пятой части наших сограждан, а в зоне бедности (до 4 долл. в день на человека, т. е. до 3600 р. душевого месячного дохода) — основная часть населения, так как доходами свыше этой величины располагали лишь 15,7% населения страны. Конечно, необходимо внести поправку на выборочный характер собранных данных, на натуральное хозяйство, которое ведут многие семьи, и другие поправки, но и с учетом всех подобных уточнений картина в сравнении с другими странами близкого экономического уровня развития выглядит весьма неоптимистично.

Выше приведены данные по абсолютной бедности, определение которой основано на сопоставлении доходов, требуемых для удовлетворения некоторого набора минимальных потребностей человека, с доходами, которыми он обладает. Для современной России это означает неспособность семьи удовлетворить основные потребности в пище, одежде, жилище на текущие денежные доходы. Начиная с 70-х гг. XX в. исследователи все чаще переходят к оценке бедности на основе концепции относи-

тельной бедности. Это означает отнесение к бедным тех, чьи средства не позволяют вести образ жизни, принятый в данном обществе. При таком исчислении доля бедных в России 1990-х гг. существенно возрастает. Однако надежных данных по относительной бедности найти не удалось. Кроме того, получил развитие метод измерения бедности через относительные лишения. Попытка применить этот метод в условиях России была предпринята группой российских авторов под патронажем Московского центра Карнеги. [*Бедность: взгляд ученых на проблему* 1994; *Бедность: альтернативные подходы...* 1998] Автор отдал предпочтение данным по абсолютной бедности, которые опираются на устойчивые и проверенные поколениями методы измерения.

Здесь я не касаюсь данных об изменениях в продолжительности жизни и состоянии здоровья, появлении неграмотных среди молодежи, явлениях массовой бездомности и детской беспризорности и безнадзорности. (Вопрос о методах измерения уровня жизни, вызывающий серьезные дебаты среди специалистов, в данной работе не обсуждается. Отсылаю к отечественным публикациям: [Иванов 2003, с. 93—102; Жеребин, Романов 2002; Суринов 2003]).

Но главное — не цифры, а характер основной и весьма тревожной тенденции — **привыкание значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности**. Все серьезные отечественные и зарубежные ученые подтверждают эту опасную тенденцию. Такого тренда не отмечено ни в нашей истории последних десятилетий, ни у наших западных соседей, избавляющихся весьма непросто от «коммунистического» прошлого. Чувство безнадежности, апатии, суженное воспроизводство потребностей — типичные качества социального дна. Проблема не в ухудшении условий жизни. Такие спады в благосостоянии не раз имели место в истории и нашей страны, и других стран. Широко распространившиеся явления социальной эксклюзии оказывают крайне негативное воздействие на сплоченность общества и социальный порядок. Сама возможность развития общества с растущим слоем социально исключенных весьма сомнительна. Увеличивающаяся масса экономически неактивных людей, зависящих от социальной помощи, делает общество социально разобщенным.

Чрезвычайно важно учесть, что постсоветская элита не способна и не стремится представлять общенациональные интересы. Это связано, с одной стороны, с

ее преимуществом по отношению к советской номенклатуре, а с другой, — с отсутствием в стране, в отличие, например, от Польши или Венгрии, традиций массовой оппозиционной деятельности и формирования групп контрэлиты в обществе. Незрелость гражданского общества и правовой защищенности граждан привели к тому, что российской элите пока не присущи гражданственность и государственное мышление, она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с трагическим обнищанием большинства сограждан объясняется синдромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный «набор» во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы проведения социальной политики.

Неолиберальная идеология, «овладевшая массами» неособственников, иногда производит «продукты», цинизм которых просто убийствен. Вот восприятие правительственной программы реформ в социальной сфере уже во времена президентства В.В. Путина, ставшее публичным благодаря весьма влиятельной в деловых кругах газете «Коммерсантъ»: «...полный и окончательный демонтаж социального наследия... Среднее образование вслед за высшим станет платным. Конечно, не все. Полусреднее останется бесплатным. Неимущих, вместо больниц, будут класть в богадельни. Если там будут места. Злостных неплательщиков коммунальных услуг будут выселять. Правда, не в чистое поле, а в специальные гетто наподобие Южного Бронкса... В общем, с нового 2002 года страна станет другой». [Коммерсантъ 2001] Надо заметить, что эти надежды нуворишей оправдались далеко не в полной мере.

Тем не менее в подтверждение частичной реализации демонтажа социальных гарантий, необходимых для динамизации экономического роста, напомним, что ежегодно поступают в 1-й класс школ 2 млн детей, а оканчивают 11-й класс менее 1 млн. И это соотношение заранее планируется. Профессор Московского педагогического университета В.В. Гуревич имел все основания писать: *«Сомневаюсь, что в мире есть другое государство, столь же беспощадное к своим детям...»*

Нигде в мире молодежи просто неведом страх «не попасть» в вуз, как неведомо ей и господствующее у нас представление о неизбежности блага при приеме в вузы или в спецклассы школы. А если никто не может быть

уверен, что непременно получит желаемое образование, то это просто значит, что ни одному человеку не гарантировано и само право на образование — ни на среднее, ни на высшее». [*Известия* 2002]

Все это выдается за подлинно либеральную политику. Однако неолиберализм не имеет никакого отношения к либерализму классическому. Это было доказано Тони Негри еще в 1980-е гг. Либералы считают, что формально-юридически все люди равны и от рождения обладают определенными правами, что всем должны быть предоставлены равные стартовые условия — а дальше пусть реализуют свои возможности, соревнуются. И государство в это вмешиваться не должно. Неолибералы, напротив, уверены, что люди не равны (даже формально-юридически) и равенство возможностей для всех угрожает привилегированному меньшинству. Можно процитировать, например, высказывания видных неолибералов с сожалениями о всеобщности избирательного права в России, тогда как предпочтительней было бы цензовое, для вполне достаточных граждан. Мы, кстати говоря, далее посмотрим, насколько выражены и защищены интересы большинства этих «достаточных».

Обсуждая вопрос о бедствующей части населения, российские неолибералы, как правило, сворачивают обсуждение в плоскость вероятия сохранения стабильности общества. Другими словами, выясняется вопрос, не исчерпаны ли ресурсы народного терпения. Этот вопрос задается с начала реформ, и обычно власти получают от центров изучения общественного мнения ответ, что пока еще можно быть уверенным в стабильности и спокойствии. Вот один из примеров — статья в «Известиях» с характерным заголовком: «Бедные, но спокойные. Рост цен не угрожает политической стабильности». В статье можно встретить такие пассажи: «Исследования ФОМ показали, что большая часть россиян приспособилась к ситуации, отказавшись от некоторых расходов или сведя их к минимуму». [*Известия* 20026] Такой критерий оценивания социальной составляющей государственной политики мне представляется глубоко ошибочным. Реформы обычно принимаются за константу, не подлежащую пересмотру; население (что не равно обществу со сформированными дифференцированными интересами) рассматривается как объект (а не субъект) реформаторской деятельности.

В оценках своего благополучия (и семьи, и общества в целом) люди исходят из краткосрочной

ретроспективы и перспективы. К примеру, вспомним героя солженицинского «Одного дня Ивана Денисовича», который в условиях концлагеря, примеряясь к реальным обстоятельствам своего бытия, радовался лишнему куску хлеба. Это все «радости», которые обеспечивают стабилизацию на основе социальной эксклюзии от трети до половины населения. На таких принципах и критериях развитие страны невозможно, апатия огромной части народа, деформация его сознания, превращение общества в послушную массу закрывают путь к инициативности основных социальных групп, к инновационной деятельности как органической предпосылки становления информационной экономики, да, впрочем, и для эффективного функционирования существующих предприятий.

Следует учесть мировой опыт, который показывает, что в периоды тяжелых депрессий рыночная экономика не в состоянии саморегулироваться. В этой связи необходимо помнить и о модели государственного регулирования экономики Ш. де Голля, успешном применении в США после Великой депрессии 1929—1933 гг. теории государственного регулирования Дж. К. Кейнса, современном опыте Китая. У нас же под лозунгом «невидимой руки рынка» была принята попытка реставрации первой стадии капитализма.

На данном этапе существования России только государство может обеспечить справедливое и общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики. Как минимум для этого нужны: реализация закона о прожиточном минимуме, устраняющего массовое обнищание населения; недопущение отставания повышения пенсий от темпов инфляции; резкое увеличение государственных ассигнований на нужды образования, науки, здравоохранения; государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств.

Для финансирования этих программ необходимо вернуться к прогрессивному налогообложению доходов, ввести ощутимый налог на обладающую повышенной рыночной стоимостью недвижимость, находящуюся в личном владении. Кроме того, все еще не упорядочены платежи за природные ресурсы, которые вполне могут увеличить долю поступлений в бюджет страны от хозяйственного использования недр. Эти меры — условие уменьшения социальной дифференциации доходов и снижения социальной напряженности в обществе.

Независимо и от обстоятельств, и от особенностей политической, экономической ситуации в России всегда скрывали и продолжают скрывать реальное распределение национального дохода. Именно с этим связано крайне редкое появление в печати сведений о реальном положении основных групп населения, о расхождении между официальным и реальным бюджетами, которым располагает правящий политический слой. И сегодня это все еще *terra incognita*.

Отсюда все чаще возникают рассуждения специалистов о степени «прозрачности» или «непрозрачности» федерального и региональных бюджетов, финансовых накоплений компаний и т. д. Поэтому совершенно неясно, почему при таком огромном сжатии милитаристских расходов, затрат на поддержание «дружественных» режимов за рубежом, субвенций бывшим союзным республикам и т. д. и т. п., т. е. большей части затрат прежних времен, столь жалкими выглядят социальные затратные статьи федерального и региональных бюджетов. Ведь Россия относится к странам с уникальным объемом природных ресурсов, включенных в экономическую жизнь. Анализ этого типа никогда не проводился и, по-видимому, неслучайно. Во всяком случае, на страницы печати эти данные попадают в разрозненном виде.

В заключение к данному сюжету отмечу, что по вопросам бедности, социально-экономического положения основных масс населения из печати вышло немало высококачественных исследовательских работ, что позволяет опустить в нашем анализе целый ряд значимых проблем. Сошлюсь на некоторые из них, вышедшие в последнее время. [Римашевская 2003; Суринов 2003; Государственная социальная политика 2003; Жеребин, Романов 2003]

Крупные собственники — рентополучающая бизнес-элита

Для трансформационного периода, в котором живет российское общество с середины 1980-х гг., наиболее радикальным процессом явилось формирование социальных групп собственников — крупных, средних и мелких, которые получают доход в виде прибыли, ренты,

поступлений от денежных операций. Здесь наиболее интересен и важен процесс трансформации прежней правящей элиты в социальную группу доминирующих собственников.

Как известно, в обществах советского типа институты власти и собственности не были разделены. На основе отношений «власть — собственность» сложился господствующий и в экономике, и в политике единый, целостный слой этакратии (номенклатуры). Этот слой был одновременно и социальной единицей в стратификационной иерархии, и властвующей элитой в государстве и его институтах. В предыдущем разделе мы попытались раскрыть те механизмы (административный рынок), благодаря которым еще в период упадка этакратического общества стала рушиться цепь взаимосвязи «власть — собственность».

Пришедшее к власти ельцинское руководство не столько создавало новую систему государственности, отключенной от собственности, сколько реорганизовывало старую власть. А потому прежние властные структуры и люди интегрировались в новые институциональные образования. Другими словами, старая элита не ушла с национальной сцены, а в значительной части сохранила свои властные полномочия и привилегированное положение.

Не произошло и отделения властвующей элиты от господствующего в экономике слоя предпринимателей и коммерсантов. Банкир и промышленник, с одной стороны, крупный чиновник-администратор и лидер политической партии, с другой стороны, — это взаимодействующие персоны, а не просто разные социальные единицы в структуре общества. Одни выходцы из номенклатуры, отбросив старый хлам уже не нужных лозунгов и идей, сменив внешний имидж, сумели занять устойчивое положение на верхних этажах законодательной и, особенно, исполнительной власти. Другие, ориентированные не столько на политическое лидерство, сколько на свое реальное материальное благосостояние, приватизировали ту часть государственной собственности, которая находилась в сфере их управления. Они заняли ведущее положение в новых рыночных структурах, став крупными предпринимателями и банкирами, решающими свои проблемы совместно с крупными и средними чиновниками. Государственными чиновниками была прежде всего приватизирована экономическая инфраструктура, т. е. управление промышленностью, банковская система и система распределения. В 1988—1992 гг. на месте министерств были созданы

концерны, на месте госбанков — коммерческие банки, на месте госснабов и торгов — биржи, СП и крупные торговые дома.

Это был этап латентной (номенклатурной) приватизации. Шел процесс, по выражению О.В. Крыштановской, «приватизации государства государством». В итоге были присвоены в частную собственность финансовые и управленческие структуры, произошла концентрация финансового капитала. Именно номенклатурным частным структурам давалась чиновничеством привилегия делать большие деньги. Формой доверия государства к коммерческой структуре было присвоение статуса уполномоченного. Государство уполномочивало привилегированные банки осуществлять самые выгодные операции. Именно в них государственные организации размещали свои расчетные счета. Лидерами «уполномоченности» были банки «Менатеп», «Инкомбанк»; за ними следовали ОНЭКСИМбанк, Мосбизнесбанк, «Мостбанк» и другие. Коммерческие банки разделились на уполномоченные, т. е. устойчивые, быстро растущие, обслуживающие государственный бюджет и бюджетные организации, и все остальные. Из общей численности примерно в 2000 коммерческих банков, возникших в 1990-е гг., к уполномоченным относились 78 на 1994 г. Это были, как правило, банки, созданные при содействии партийных органов (Инкомбанк, Менатеп) или под эгидой правительственных структур (Международная финансовая компания, ОНЕКСИМбанк) еще в конце 1980-х гг. [Крыштановская (2) 2002]

Приватизация советской распределительной системы закончилась созданием «комсомольских» бирж (МТБ, МЦФБ и др.), множества торговых домов, СП по международным торговым операциям. Тогда же, т. е. до легальной, публично объявленной приватизации, произошел переход в частные руки ряда рентабельных производств. Так возникли концерн «Бутек», МНТК «Микрохирургия глаза», объединение известного предпринимателя М. Юрьева «Интерпром» и т. д. Были приватизированы и некоторые министерства. Наиболее общеизвестный пример — концерн Газпром. Но можно вспомнить и о концерне «Тяжэнергомаш» — приватизированном Министерстве тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения; о созданной на базе министерства корпорации (с 1993 г. — АО) «Трансстрой». Многие министерства выделяли в своем «хозяйстве» наиболее лакомые куски и приватизировали их. В итоге возникли

концерн «Норильский никель», крупнейшая компания «Алмазы России». Какое-то время они формально существовали в оболочке государственных компаний, корпораций, но довольно быстро были преобразованы в частично или преимущественно приватизированные. [Крыштановская (2) 2002]

Происхождение российских предпринимателей во многом определило особенности их сознания и поведения. Главное качество их — в сочетании черт бывших партийно-советских аппаратчиков со свойствами обычных предпринимателей. Сохраняющиеся аппаратные качества позволяют ориентироваться в сложной российской ситуации, что делает их конкурентоспособными. Старые связи, навыки управления помогают решать новые задачи, хотя далеко не всегда наилучшим образом (поскольку они накоплены в других условиях). Есть немало примеров неэффективности номенклатурных бизнесменов, их стремления сохраниться в тени неконкурентного квазирынка. Пожалуй, главное состоит в сопротивлении определенной части номенклатурного капитала становлению малого и среднего, особенно венчурного бизнеса. Конечно, это не нормальные экономические агенты, действующие в рыночной конкурентной среде. Это квазикапиталисты — прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка.

Главным же достижением директората и высшей отраслевой бюрократии стало обеспечение наилучшего для себя варианта приватизации. Они сумели избежать как либерального варианта (массовой свободной распродажи госсобственности на открытых аукционах), так и популистски-демократического (равномерный раздел между всеми гражданами). В результате директора добились возможности приобретать крупные пакеты акций своих предприятий по закрытой подписке, а в некоторых случаях становиться их полными владельцами. Практически весь директорский корпус остался на своих местах, а лидеры министерств и ведомств либо получили крупные посты в исполнительных органах власти, либо возглавили концерны и банки национального масштаба. Одновременно эти люди входят в состав политической верхушки страны и контролируют мощные финансово-промышленные группы.

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграли: скоростная приватизация, которая практически

подарила правящей номенклатуре, в первую очередь ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), «теневикам» и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа — ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992—1993 гг., то залоговые аукционы — это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Сюда же следует отнести пирамиду ГКО «для своих» со 100-процентной доходностью в год; характерно, что длительное время иностранцы не допускались на этот рынок. Добавим также отсутствие контроля за вывозом капитала, передачу электронных и самых влиятельных бумажных СМИ в руки придворных олигархов, и картина социальных приоритетов ельцинского правления становится до прозрачности очевидной. Предполагалось, без всяких обоснований, что эти нувориши каким-то образом одномоментно превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров.

Только на первом этапе массовой приватизации под руководством А. Чубайса было продано 500 крупнейших предприятий стоимостью не менее 200 млрд долл. за 7,2 млрд долл. [Полеванов 1995, с. 50] И это было лишь начало. В ходе шести самых дорогих залоговых аукционов (1995—1997 гг.) «продажа акций нефтяных компаний... была чистым надувательством — их стоимость на рынке была в 18—26 раз выше уже через полтора года после аукционов». Так, рыночная стоимость «Юкоса» на 1 августа 1997 г. составила 6,2 млрд долл., а проданы были пакеты акций, исходя из стоимости компании в 353 млн долл. По «Лукойлу» соответственно, — 15,8 млрд долл. и 700 млн долл. П. Хлебников, журналист из «Форбса», приводит эти и тысячи других данных в своей книге «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России». Книга стала бестселлером 2000 г. в США и издана годом позже в России. Завершается раздел по аукционам выводом: «Залоговые аукционы были лишь очередным этапом в стратегии ельцинского режима — интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов...

Таким образом, олигархи и правительство Ельцина стали подельниками в грабеже». [Хлебников

2001, с. 207—210] Тот самый «Норильский никель», который был куплен компанией «Интеррос» за сумму, несколько меньшую 300 млн долл., был застрахован в западных страховых компаниях на сумму 30 млрд долл., т. е. в 100 раз больше. [Новая газета 2001в]

По новой Конституции парламент был лишен контрольных полномочий. В результате правящая бюрократия бесконтрольно распоряжалась не только государственной собственностью, но и расходованием западных кредитов и бюджетных средств. Ежегодный вывоз столь легко достававшихся средств за рубеж достигал во времена президентства Б.Н. Ельцина 20 млрд долл., в 2000 г. — 28 млрд. долл. Позднее началось резкое снижение вывоза валюты за границу.

Все большее сосредоточение власти и собственности в одних руках препятствовало формированию цивилизованной рыночной экономики и вело к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения. Надо заметить, что радикальные либералы, контролировавшие до недавнего времени и реальное управление, и СМИ, так же как и прагматики — представители крупных финансово-промышленных групп, не скрывали во многих случаях ни той системы ценностей, которую они реально защищали, ни своих собственных интересов, ни явного равнодушия к интересам простых людей. Как писал литератор и член первого постсоветского правительства России О. Попцов: «Чубайс не очень утруждал себя нравственными терзаниями, когда любой ценой выталкивал новое сословие на поверхность политической жизни и рассматривал его как свою главную общественную опору. Вспомним чековые фонды, финансовые пирамиды. Поэтому его не должны приводить в ярость слова Березовского: “Мы владеем половиной страны и намерены ею управлять”». [Московские новости 1998а] И действительно, менее двух десятков крупнейших компаний и банков контролировали к концу 1990-х гг. примерно 70% экономики России. [Известия 1998]

Профессор Гарвардского университета Джеффри Сакс, человек, которого трудно обвинить в антилиберальных установках, писал, что в отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы Россия обладает огромными запасами природных ископаемых, «т. е. всего того, что ценится за границей и что одновременно легко украсть. В начале реформ природные ресурсы фор-

мально принадлежали государству, а значит, на деле — никому. Поэтому так называемая спонтанная приватизация позволила тем начальникам, которые были связаны с добычей полезных ископаемых, «наложить на них лапу». Теперь-то ясно, что эта сфера должна была оставаться в государственной собственности до тех пор, пока не удалось бы наладить честное, эффективное и контролируемое управление добывающими предприятиями». Далее он подчеркивает (словно представитель прокоммунистической оппозиции): «Самым крупным куском пирога была нефтяная и газовая промышленность, стоящая десятки миллиардов долларов. Основная часть тех баснословных доходов, которые СССР получал от продажи энергоносителей, сейчас попадает в карманы нескольких частных лиц. (Например, до настоящего времени никому не известно, кто же на самом деле владеет Газпромом — частично приватизированным промышленным гигантом, который стоит, возможно, более 100 млрд долл.) Дыры в бюджете, образовавшиеся после этой «кражи века», на протяжении нескольких лет раскручивали маховик инфляции, поддерживая ее на взрывоопасном уровне». Он же признал: «Мы поторопились приватизировать в России добывающую промышленность». Это стало почвой «для огромной коррупции, губящей реформы». Таким же образом Джеффри Сакс рассматривал внешнюю торговлю как благоприятное поле для коррупции, сюда же он относил еще одно «поле» незаконного обогащения — дешевые кредиты Центрального банка частным банкам. [*Московские новости* 1995]

К концу первого постсоветского десятилетия на верху пирамиды богатства, по оценке журнала «Форбс», оказались 8 россиян, вошедших в список самых богатых персон планеты. Никто из них не прославился наподобие Генри Форда и Билла Гейтса созданием новых видов продукции или технологий. Все их состояния — результат неоправданной приватизации ренты на природные ресурсы. Это: М. Ходорковский (нефтяная компания «Юкос»); глава «Интерроса» В. Потанин («Норильский никель» и т. д.); генеральный директор «Сургутнефтегаза» В. Богданов; экс-председатель правления «Газпрома» Р. Вяхирев; владелец «Сибнефти» и губернатор Чукотки Р. Абрамович; глава нефтяной компании «Лукойл» В. Аликперов; владелец «Альфа-групп» М. Фридман и, наконец, создатель Газпрома В. Черномырдин. Кстати, последний — единственный из бывших президентов и премьеров мира, попавший в список

миллиардеров. Вопрос в том, когда смог В. Черномырдин так разбогатеть. Ведь только примерно год он не был государственным чиновником, а руководил акционированным им Газпромом (между 1990 и 1992 гг.). [Надеин 2001] Двумя годами позже, в 2003 г., тот же журнал в своем всемирно признанном рейтинге богачей планеты среди россиян поставил на первое место М. Ходорковского, оценив его состояние в 8,0 млрд долл.; далее следуют Р. Абрамович (5,3 млрд долл.); М. Фридман (4,3 млрд долл.); В. Потанин (1,8 млрд долл.) и другие представители **рентополучающей элиты**. [Известия 2003(3)].

К сказанному добавлю суждение О.В. Крыштановской о постсоветской бизнес-элите. Она предлагает использовать этот термин «для обозначения группы крупных бизнесменов, вовлеченных в политический процесс и принимающих общегосударственные решения. В отличие от экономической элиты советских времен, которая являлась непосредственной составляющей номенклатуры, бизнес-элита относительно более независима. Ее члены не назначаются органами государственного управления и не отстраняются от должности. По крайней мере, формально и легитимно это не так, хотя, конечно, можно привести множество примеров того, как власть позволяет одним бизнесменам преуспевать, а других может разорить, унижить, уничтожить если не физически, то социально...

Бизнес-элита не тождественна группе крупных бизнесменов. Мы причисляем к бизнес-элите акционеров (а иногда и менеджеров) тех предприятий и банков, которые занимают высшие строчки в рейтингах экономических журналов. Однако не все крупные предприниматели оказывают заметное влияние на политику... Иначе говоря, мощь контролируемого капитала является необходимым, но недостаточным признаком принадлежности к бизнес-элите.

Такое положение вещей было типичным до кризиса — позиционный подход свидетельствовал о совсем другом составе бизнес-элиты, нежели репутационный. Но с развитием частных корпораций ситуация постепенно изменилась. И теперь бизнес-элита — это группа людей, которые владеют почти всеми ведущими предприятиями и банками России. Однако и сейчас традиционно используется репутационная методология для определения наиболее влиятельных предпринимателей, так как принято считать, что не существует таких постов в бизнесе или такого объема финансовых ресурсов, ко-

торые бы давали право а priori причислить того или иного бизнесмена к элите страны». [*Крыштановская (2) 2002, с. 5*]

Что касается олигархии, то, по мнению того же автора, не правы те исследователи, которые относят к олигархам тех представителей бизнеса, масштаб деятельности которых сказывается на всем российском обществе. «Олигархия — часть новой правящей элиты, вышедшей из недр старого политического класса — номенклатуры. До кризиса 1998 г. олигархия была неразрывно связана с осуществлением государственной политики и принятием стратегических решений. Принадлежность бизнес-элиты к правящей группе общества обусловлена не только ресурсами, которые она контролирует, но и ее происхождением... Молодость отдельных представителей олигархии не должна вводить в заблуждение: номенклатура обменивала власть на собственность, необязательно лично включаясь в коммерческие авантюры. Для ведения рискованных дел подбирались молодые «уполномоченные», которые и оперировали деньгами государства. Для этих экспериментов избирались люди из «резерва партии» — комсомола. Именно поэтому в среде «уполномоченных» трудно встретить бывших партийных секретарей. Здесь нашли себя люди другого поколения — активные комсомольские функционеры, низшее чиновничество среднего звена». [*Крыштановская (2) 2002, с. 6*]

Приведу в подтверждение высказывание одного из видных деятелей нашего бизнес-сообщества, президента крупной промышленной группы МАИР В. Макушина: «В России ...олигархи назначались, а не становились олигархами благодаря цивилизованной конкурентной борьбе. Поэтому мы получили такой бизнес-класс, который не способен конкурировать с таким же бизнес-классом Европы или Америки. Он у нас по качеству гораздо хуже. Наш бизнес-класс сформирован во многом на разворовывании государственных средств, а не путем жесткой, но цивилизованной конкуренции». [*Финансовые известия 2002б*]

В 1995—2003 гг. коррупция превратилась в устойчивую систему отношений между чиновником и бизнесменом. Основная особенность взаимодействия между предпринимателями и чиновниками в последний период заключалась в том, что теперь — в отличие от нестабильной ситуации 1992—1994 гг. — они приобретали долгосрочный характер. Сформировались специфические «контракт-отношения», уже не сводящиеся к простому обмену услугами

между чиновником и бизнесменом. Скорее, они предусматривают взаимную стратегическую и тактическую поддержку в рамках длительного сотрудничества, при этом отдельный чиновник по отношению к соответствующему предпринимателю все более начинает выступать в роли партнера по бизнесу. Результатом такого симбиоза стала неэффективность национальной экономики на макроуровне, так как потери общества многократно превышают те выгоды, которые получают от поддержания «контракт-отношений» конкретные фирмы и конкретные чиновники. [Радаев 1998] Конечно, это не нормальные экономические агенты, действующие в рыночной конкурентной среде. Это квазикапиталисты — прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка.

Коррупционированность российских чиновников и криминализация экономики в целом существенно сказываются на распределении доходов в стране. В развитых капиталистических странах вся криминальная сфера дает не более 8—10% от валового продукта. В постсоветской России эта цифра, по данным МВД, достигала не менее 40%. А по отдельным экспертным оценкам, итого выше — около 50—60%. [Известия 1997] По меткому замечанию М. Делягина, «...в ходе реформ был изобретен качественно новый вид коррупции. Когда нормально стоящий дом, пусть неказистый и неудобный, разрушают. Из обломков сооружают себе виллу, а жильцов дома бросают подыхать на улице, объясняя, что те сами виноваты, якобы они жили в доме, в котором жить нельзя». [Московский комсомолец 2002 6]

Именно коррупция в высших эшелонах власти позволяла ведущим финансово-промышленным группам годами не платить налоги и не выплачивать государству его долю прибыли на принадлежащие ему акции. Специально созданная в октябре 1996 г. во главе с тогдашним премьер-министром В.С. Черномырдиным Чрезвычайная комиссия по сбору налогов была крайне бережна по отношению к крупнейшим неплательщикам. Как установила Счетная палата при парламенте, чистая прибыль РАО Газпром за 1996 г. составила 33,2 трлн р. (около 6,5 млрд долл.). Государству как владельцу 40% акций полагалось получить 12 трлн., а оно получило только 20 млрд р. Общий ущерб от подобных действий правительства составил за 1995—1997 гг. 65,8 трлн р. [Новая газета 1998а] Характерно, что небольшая российско-вьетнамская межгосударственная нефтяная компания давала

ежегодно в конце 1990-х гг. в бюджет России 450 млн долл., т. е. намного больше, чем в те же годы такой гигант, как «Лукойл». Анализ, приведенный экспертами, показывает, что есть компании, находящиеся в особо привилегированном положении, чья налоговая нагрузка по сравнению с другими намного ниже.

С 1996 г. ситуация мало чем изменилась. По-прежнему доля государства в получении природной ренты чрезмерно мала. В Норвегии, например, от цены нефти в 20 долл. 50% достается государству в виде ренты и менее 25% получает предприниматель в виде прибыли. Наше же государство собирает порядка 20% ренты. Все остальные деньги проходят мимо казны, а это примерно 40—50 млрд долл. в год. По оценке экспертов рентабельность российской нефтедобычи выше 40%. Для сравнения: в машиностроении — 8%, в пищевой промышленности — менее 7%. Очевидно, что стихийного притока инвестиций в обрабатывающую отрасль трудно ожидать. Для серьезных инвестиций в эти отрасли необходимо сосредоточить в руках государства рентные платежи. Имеется в виду потенциальная возможность собирать налоги за пользование недрами, на воспроизводство минерально-сырьевой базы и налог на дополнительный доход от добычи углеводорода. Подобные налоги применяются во многих странах, в частности в той же Норвегии, где при рентабельности нефтедобывающей компании свыше 15% ставка на дополнительный доход поднимается до 50%. [Бродский 1998; Литвиненко 2003; Колесник 2003]

Подсчеты сотрудников ИНП РАН показали, что если в 1996 г. 85% населения с доходами ниже 400 тыс. р. в месяц полностью выплачивали подоходный налог, то 15% населения с доходом более 3 млн р. на человека уплатила лишь десятую часть причитающихся с них налогов (2,1% от совокупного дохода вместо положенных примерно 20%). В итоге казна не досчиталась в тот же 1996 г. около 100 трлн р. [Русский телеграф 1997] В 2000 г., помимо инвестирования доходов в свои производства, корпорации добывающей промышленности положили на депозиты в западные банки 28 млрд долл. Эти деньги не вкладываются в развитие перерабатывающей промышленности и создание рабочих мест квалифицированного труда. [Известия 2001. 1 июня]

Встречали упорное сопротивление со стороны олигархических групп и связанных с ними крупных чиновников предложения об инвентаризации федераль-

ной собственности, об общественном контроле за доходами и расходами крупнейших монополий, о переносе акцента от налогообложения доходов к обложению имущества и рентным платежам за добываемое сырье.

Еще в 1996 г. мэр Москвы Ю.М. Лужков, которого никоим образом нельзя сопричислить к рядам левой оппозиции, предложил «те энергетические комплексы, которые составляют основу тяжелой промышленности и были проданы за бесценок, возратить государству». [*Известия* 1996] С тех пор прошло немало лет, и большинство приватизированных энергокомплексов стали высокоэффективными, поэтому их ренационализация может нанести существенный урон экономике страны. Совсем другое дело — изменение системы налогообложения. Вследствие установления частной собственности на природные ресурсы население России лишилось своей доли национального богатства. Ведь в частную собственность практически почти даром были переданы экономически освоенные природные ресурсы. Естественно, что рентный доход должен полностью изыматься в пользу государства и работать на решение национальных экономических и социальных задач, на обеспечение национальной безопасности. Представительный опрос, проведенный социологами Московского университета в 2003 г. (руководитель исследования — директор Центра социологических исследований С. Туманов), показал, что более 90% опрошенных хотят, чтобы природные ресурсы, а также предприятия топливно-энергетического комплекса, «оборонки» и металлургии находились целиком в государственной собственности. [*Известия* 2003(5)]

Лишь в июле 2001 г. Государственная Дума приняла главу Налогового кодекса «О налоге на добычу полезных ископаемых». И дело не просто в росте государственных доходов от нефтедобычи. Речь идет о переходе к рентному принципу налогообложения. Таким образом, появилась надежда, что в какой-то степени начинает реализовываться идея, защищавшаяся демократической партией «Яблоко», и выполняется обещание президента, изложенное в его Послании Федеральному Собранию (2001 г.): усилить изъятие рентной составляющей в пользу государства [*Известия* 2001з]. Специалисты, поддержав общую концепцию налоговой реформы на добычу полезных ископаемых, в то же время отмечают несовершенство примененного механизма налогообложения, противоречащего теории ренты. [*Колесник* 2003; *Литвиненко* 2003]

В связи с выборами в Государственную Думу осенью 2003 г. высказали свои позиции по вопросу об изъятии природной ренты политические партии. КПРФ и блок «Родина», возглавляемый известным экономистом С. Глазьевым, оценили возможности изъятия государством природной ренты в 27 млрд долл. Они при этом опирались на расчеты ЦЭМИ РАН, по которым сверхприбыль в нефтяной отрасли за 2003 г. составит 27,6 млрд долл., а в газовой — 10,4 млрд долл. Партия «Яблоко» предложила изымать 3—4 млрд долл. при установлении нормы прибыли для нефтегазовых компаний в 25—30%. Союз правых сил — 3 млрд долл.

Попытки более здравомыслящих представителей правящей элиты прекратить фаворитизм по отношению к крупнейшим топливно-энергетическим и финансовым монополиям, которые образовали ядро олигархического режима, склонного к трансформации в режим криминально-олигархический, долгие годы успехом не увенчивались. Речь идет не о переделе собственности, а о готовности олигархов поделить своими доходами с национальным бюджетом и, тем самым дать возможность государству попытаться расширить собственную социальную базу и облегчить положение значительных групп населения. Как неоднократно и много лет напоминает Ю.М. Лужков, «давнее утверждение, что богатые люди должны брать на себя серьезные социальные функции — делиться своим богатством с беднейшей частью общества, принципиально никем не опровергнуто... практика перераспределения доходов — обязательное условие устойчивого развития общества...». [*Московские новости* 1998б]

6.3 Российское чиновничество — порождение советской номенклатуры

Другой привилегированной группой общества, помимо крупных собственников, в период ельцинства стало, точнее — сохранило и укрепило свои позиции, российское чиновничество, прямое продолжение советской номенклатуры. Численность же чиновников в стране поражает — 1,34 млн человек (*без силовых ведомств*). [*Известия* 2001е] Несколько скромнее измеряет численность работников, занятых в органах государственной власти и местного

самоуправления, В.Е. Гимпельсон. По его данным, на 1994 г. чиновников было 1,004 млн, в 2001 г. — 1,114 млн. При этом он включил в подсчет только «чистых» управленцев, без работников, их обслуживающих, и без технического персонала (программистов, инженеров и т. д.). [Гимпельсон 2002] Не учтены также «подснежники», т. е. лица, содержащиеся в различных организациях, но реально трудящиеся в аппарате управления. Так что не исключено, что данные в 1,3—1,4 млн чиновников отнюдь не преувеличены.

Включение бывшей номенклатуры в новые социальные и политические институты проходило сравнительно медленно; это были годы исторической паузы, необходимой для того, чтобы правящий слой убедился в своей защищенности, а его представители смогли найти свои «экологические ниши». В этих условиях любое резкое движение в сторону перераспределения власти могло привести к необратимому конфликту с непредсказуемыми последствиями. Не случайно вернулись в политическую элиту активные противники новой власти: и организаторы августовского путча 1991 г., и октябрьской смуты 1993 г.

Характерны данные исследования российской элиты 1993 г. В административной элите Центра 60,1% сохранили свой статус, имевшийся до августа 1991 г.; 27,2% — повысили его; снизился статус у 12,7%. Еще меньше изменений произошло в составе дипломатической элиты: здесь сохранили статус 79,0%, повысили — 17,7%. Генералитет, верхушка армии в большинстве либо сохранили прежние позиции (35%), либо были повышены в чинах и званиях (47,5%). Так же выглядят и перемены в положении политической элитной группы: сохранение статуса — у 76,6%; его рост — у 10,3%. Высока была стабильность и региональной элиты: сохранили свой статус 52,5%, повысили — 40,0%. [Политическая элита России 1995]

Анализ показывает, что политики, прошедшие все ступеньки номенклатурной карьеры в советские времена, занимали и продолжают занимать ключевые позиции в региональной элите — вплоть до президентов республик, губернаторов краев и областей. За 1994—2000-е гг. резко возросла роль «старых» кадров на федеральном уровне, естественно, с учетом демографических подвижек. И здесь совершенно органичен процесс усиления влияния представителей спецслужб, входивших в суперъядро советской номенклатуры. По данным, приводившимся в отечественной печати, на

июль 2003 г. более 6000 выходцев из органов безопасности занимали высшие государственные должности. [*Новая газета* 2003(3)] По расчетам О.В. Крыштановской, доля военных и представителей спецслужб во властных структурах в 2002 г. составила 25,1% против 11,2% в 1993 г. При этом доля лиц, входящих во власть и имеющих ученую степень, за те же 10 лет снизилась с 52,2% до 21,0%. По ее оценке, в ключевые министерства и ведомства внедряются люди из действующего резерва госбезопасности. Они занимают позиции не на высших ступенях чиновной иерархии, а начиная с должностей заместителей министров. Предположительно к 2003 г. в аппарате правительства резервисты спецслужб составляют около 30%. Так, в Минэкономразвития четверо заместителей министра сохраняют погоны. Одну из своих статей О.В. Крыштановская справедливо озаглавила: «Режим Путина: либеральная милитократия?». В этой статье она отмечает, что военные институты «меньше поразила коррупция, ими было легче управлять, они продолжали подчиняться приказам...» Она же подчеркивает, что «присущий военным структурам авторитарный стиль может быть перенесен на все общество». «Правда, — добавляет автор, — военные «путинского призыва» прошли школу демократизации, работали в коммерческих структурах или за границей. Их внутренний авторитаризм трансформировался, стал условнее». [*Крыштановская (1)2002; Московские новости* 2003]

Добавим, что немалое число неофитов в политических верхах являются выходцами из семей, принадлежавших к элитным группам в прежней властной иерархии.

От представителей власти можно нередко услышать соображения о том, что ни численность чиновников, ни их блага не сказываются существенно на распределении ВВП, но отметим прежде всего, что даже если бы эти суждения были верны, то остается весьма значимой в российских условиях проблема социальной справедливости. Писатель-фронтовик В. Кардин, выражая доминирующее в обществе настроение, писал: «...нигде нет такого разрыва в материальном обеспечении ветеранов и государственных сановников.

Ну и пусть они получают, пусть даже увеличат нынешние зарплаты. Но пускай, как дурной сон, исчезнет система спецобслуживания высших эшелонов, и чиновник раскошелится на собственный автомобиль, на оп-

лату бензина и шофера, пусть, наконец, кончится баснословная халява — спец. рейсы, спец. санатории и т. д.». [Новая газета 2001б]

Как известно, социальные привилегии — органичная часть этакратической системы — неизбежно входят в социальную политику этой системы. Сохранение и даже расширение оставшегося с советских времен вне рыночного распределения значительной части ресурсов, контролируемых государством, в качестве благ и услуг правящему слою является доказательством не буржуазно-демократического, а постэтакратического характера социальной политики.

Ограничусь некоторыми примерами.

Пока идет длительная дискуссия о пенсионном обеспечении основной массы населения, без всякой огласки установлены пенсии чиновникам в размере 75% от их заработной платы, которые они могут в определенных случаях получать, не достигнув 60-летнего возраста. В 2003 г. парламентская фракция «Яблоко» обратилась в Конституционный суд по поводу неконституционности наличия привилегированной пенсионной системы, не связанной с системой общегражданских пенсий. [Известия (2) 2003] На обслуживание парка персональных автомашин государство затрачивает ежегодно 1,5 млрд долл. В стране разъезжают 605 тыс. этих автомашин, регулярно обновляемых, что составляет дополнительную сумму крупных затрат. Для сопоставления — в США у правительства имеется всего 40 автомашин. Каждый депутат Государственной Думы обходится нации в 10 тыс. долл. в месяц. Можно предположить, что каждый из чиновников высокого ранга обходится намного дороже. Добавим к этому многократно приводившиеся в прессе сведения о бесплатно переданных высшим чиновникам в частную собственность квартирах, стоимость которых достигает 300—500 тыс. долл.

Но доходы чиновников не исчерпываются официально получаемыми благами от государства. Их роскошные виллы и собственные дорогие автомобили, прайс-лист их костюмов на страницах газет за последние годы постоянно вызывают раздражение у сограждан. И если нередко судебные разбирательства с представителями бизнеса, то высшее чиновничество устойчиво защищено от выяснения подлинных источников своих сверхдоходов. А их источник общеизвестен — тотальная коррупция. По данным известного аналитика Г.А. Сатарова, коррупция дошла до такого масштаба, что чиновники перестали стесняться. Это

происходит потому, что коррумпированный чиновник управляем, послушен. Коррупцией поражено 100% государственных структур. Речь идет именно о структурах, поскольку внутри каждой из них есть чиновники, не берущие взятки. По минимальным подсчетам, ежегодно в стране дают чиновникам 30 млрд долл. взяток. Однако многие специалисты считают, что сумма занижена в несколько раз. Места в госструктурах во многих случаях выставлены на продажу. Их стоимость варьирует от 500 тыс. долл. за пост замминистра до нескольких миллионов долларов за кресло вице-премьера. Как уточнил Г.А. Сатаров, «конечно, я хорошо знаю эти фамилии. Но называть их не буду, потому что я социолог, а не расследователь». Нельзя не согласиться с выводами автора: «Коррупция — это не болезнь, это сигнал о болезни. Любой социальный организм несовершенен, у него есть свои дисфункции. Россия, ее граждане, общество, властные структуры, политические партии — вот у этого организма сейчас все болит...

...Проблема не в том, кто сколько кому дает. Проблема в последствиях. На что работают эти чиновники? На граждан, на государство и его процветание или они работают на эти часы, на эти галстуки, на эти дома? Так живут многие государства, но они находятся в цивилизационном тупике. Там можно даже жить, не всем, но довольно уютно. Чем страна коррумпированнее, тем она беднее, это почти функциональная зависимость. Коррупция — измерение эффективности системы. Мы можем уйти в этот тупик, бедненько там жить на уровне Марокко. Но мы должны спросить у себя, у чиновников, у политиков: мы хотим в тупик или у нас какие-то другие планы?» [*Новые известия* 2003]

Джеффри Сакс, оценивая в 1995 г. положение в России, высказал убеждение, что всепроникающая коррупция бюрократии, ставшая спутником процесса реформ, всевластие чиновничества, сохранившего власть с советских времен, во многом — результат политики Запада, его историческая вина. Шанс реально повлиять на ситуацию в России был Западом упущен в 1992 г., когда развитые страны не предоставили финансовой помощи молодым, но по преимуществу честным реформаторам под руководством Е. Гайдара. Из-за отсутствия внешней поддержки, под давлением экономических обстоятельств Б. Ельцин был вынужден заключить «союз с дьяволом» в лице бывшей партийной номенклатуры (таково мнение Дж. Сакса; можно исходить и из

предположения о естественности этого сотрудничества для Ельцина). Молодые реформаторы в основном были изгнаны из правительства, и старые аппаратчики овладели контрольными позициями в управлении страной. Западные лидеры успокаивали себя тем, что люди, которые не вполне чисты на руку, лучше, чем отъявленные экстремисты.

Эта позиция Запада оказалась столь же катастрофической для России, как и отношение Запада к борьбе с большевизмом в 1918—1920 гг., к становлению нацизма в Германии, т. е. практически политика, в одних случаях, непротivления злу насилieм, а в случае России 1992—1993 гг. — отказ от активной политики, стимулирующей демократические и либеральные преобразования в этой большой и трудно становящейся на ноги как неагрессивной, немилитаристской стране. [*Московские новости* 1995]

Последствия совместного влияния разнородных факторов на процесс нашего постсоветского развития таковы, что наша государственная административная система содержит избыточное количество людей, она «мало компетентна, слабо мотивирована, плохо контролируема, ...сильно коррумпирована и зациклена на преследовании своих собственных интересов. На самом деле сегодня вместо ведомств, контролируемых государством и обслуживающих общественные интересы, мы имеем систему чиновничьих корпораций, преследующих главным образом свои собственные корпоративные интересы и извлекающих из своего положения неофициальные доходы различного вида и содержания». [*Явлинский* 2003]

Отсюда можно сделать вывод, что для российского весьма скромного ВВП и консолидированного бюджета реальные суммарные издержки на чиновников, измеряемые несколькими миллиардами долларов в год, представляют неоправданную роскошь, непозволительную в условиях жесточайшей экономии на поддержке критических групп в нашем обществе, содержании фундаментальной науки и кредитовании малого бизнеса. Пожалуй, главное состоит в том, что в стране во имя интересов альянса олигархических групп и высшего чиновничества всего лишь за десятилетие сложилась присущая многим слаборазвитым странам с доминированием сырьевого сектора экономика престижного потребления, для которой характерны застойность и зависимое развитие.

Средние слои: иллюзии и реальность¹

Вопрос о судьбе среднего класса в России имеет первостепенное значение для перспектив развития страны. К среднему классу зрелого индустриального и информационного обществ обычно относят группы самостоятельно занятых, т.е. мелких предпринимателей, коммерсантов, ремесленников. Это традиционный средний класс с длительной историей, который в ином концептуальном контексте именовался мелкой буржуазией. Но наряду с ним все большее значение приобретает «новый средний класс», который сформировался в XX в., к 1960-м — 1970-м гг. В его состав входят группы хорошо оплачиваемых работников наемного труда: менеджеры, лица свободных профессий, научные работники, работники в сфере информатики и массовой информации, работники искусства, врачи, административные, торговые и инженерно-технические работники предприятий. Они образуют верхний слой среднего класса. К среднему классу относят также учителей школ, средний медицинский персонал и работников социальных служб, служащих государственных учреждений, техников, торговых агентов и т. д. Если традиционный средний класс обладает собственностью на средства производства, то представители нового среднего класса обладают человеческим капиталом. Последний также делает его носителей активными участниками гражданских отношений, относительно независимыми.

С начала 1990-х гг. в России стали регулярно публиковаться работы по проблемам среднего класса. Вышли из печати и первые книги о судьбах среднего класса в советском и постсоветском российском обществе. Первые годы дискуссия по проблемам российского среднего класса носила предвзятый сугубо идеологический характер с разделением ее участников на защитников советского прошлого и сторонников рыночных реформ. В основном эти работы можно разделить достаточно отчетливо на две части.

¹ Исследования, положенные в основу этого параграфа, и сам текст выполнены при поддержке Фонда Джона Д. и Ээрин Т. Макартуров (грант 02-73236-000-GSS в поддержку проекта «Социальная политика и защищенность социальных прав средних слоев в современной России»).

Одни из авторов, исходя из наличия сходных с западными обществами профессиональных категорий, доказывали, что к концу существования Советского Союза сложился массовый средний класс, который в ходе реформ стал исчезать. Он обладал материальными, духовными и ценностно-нормативными характеристиками, присущими среднему классу Запада. Имелась в виду та группа образованных людей, которая была занята интеллектуальными видами труда, а также высококвалифицированные рабочие, занятые в материальном производстве. Их отличали наличие собственного автомобиля, отдельной квартиры, садово-дачного участка и строения в виде второго, пусть и несовершенного, жилища. Отмечалось также, что эти люди активно выступали как потребители и обращали достаточно внимания на состояние своего здоровья и образование детей. По мнению этой группы авторов, на протяжении 1990-х гг. реформы разрушили прежние слои среднего класса и не смогли создать экономическую и социальную базу для ожидаемого нового. Эти авторы доказывали, что при всех издержках советская модернизация обеспечила формирование уникального социального объекта — массовой интеллигенции с ее огромным интеллектуальным потенциалом. Именно интеллигенция, и прежде всего ее «ядро», тончайший высокоинтеллектуальный слой общества, откуда, кстати говоря, произошли и либералы-реформаторы, подготовили преобразования России.

Ограничусь в этой связи лишь одним замечанием. Из критериев отнесения к среднему классу сторонники наличия в позднем СССР такого класса выделяют как определяющий уровень образования. Предположим, что эта позиция верна. Однако несколько скорректируем ее. Добавим к показателю числа лиц с высшим образованием показатель его качества в соотношении с мировым уровнем. Последний момент имеет особое значение. Действительно, в СССР, преимущественно в России, были блестящие вузы мирового уровня (МФТИ, МИФИ, МГУ, Ленинградский политехнический и другие). Но вспомним. В 1960—1980-е гг. было немало научных публикаций и дискуссий об избыточности производства инженеров, об иллюзорности заочного и вечернего образования, о вузах без профессоров и профессорах, не способных научить чему-либо студентов. Поэтому отнести всех, кто в позднесоветское время занимал должности, требующие высшего и среднего специального образования, всех, кто имел это образование, к потенциальному резерву среднего класса и тем

более — к уже существовавшему, но размывающемуся в процессе реформ среднему классу, — нет никаких оснований.

И действительно, рынок даже в своем начальном состоянии повысил требования к качествам и работодателя, и работника. Поэтому изменилась и слоевая идентификация населения. Так, по специальному исследованию в Нижнем Новгороде к среднему классу относили себя: в 1988 г. — 70,4% респондентов; в 1993 г. — 52,7%; в 1995 г. — 38,2%. [Балабанов 1995, с.116] Частично здесь сказались и негативные факторы нисходящей мобильности. Но преобладало влияние приведения иллюзорного социального статуса к реальному.

Вторая концепция, которую проповедовали люди, пришедшие к руководству экономического блока правительства Б.Н. Ельцина и активно повлиявшие на формирование экономической политики, в частности и особенности на характер приватизации, представляла прямо противоположную позицию. Они утверждали, что в СССР никакого среднего класса не было. Формирование среднего класса, по их мнению, началось в процессе реформирования постсоветской России. И те достаточно зажиточные люди — мелкие и средние предприниматели, работники частных банков, брокерских, дилерских, риэлтерских, рекрутирских и т. п. фирм образовали (впервые после Октябрьского переворота 1917 г.) средний класс. И вот эти группы все в большей мере проявляют типические черты, присущие среднему классу, в поведении, принятии определенной системы ценностей, в самоидентификации.

Политическая острота дискуссий вокруг проблем существования и масштабов отечественного среднего класса не ослабевает, а лишь модифицируется со временем. В 1999 г. Е.М. Аврамова писала: «Наличие, расширение и мобилизация среднего класса рассматривается сегодня как свидетельство эффективности проводимых в России преобразований, как критерий того, что реформы идут в правильном направлении и приобретают необратимый характер. Наличие и большой удельный вес среднего класса в системе социальной стратификации является одним из существенных признаков общества, определяемого как «развитое», «цивилизованное». В то же время несформированность среднего класса после десяти лет реформ служит аргументом тех, кто настаивает на радикальном изменении политического курса». [Аврамова 1999, с. 21—22]

Однако обе оппонирующие точки зрения строились на идеологических конструкциях, подкрепленных

обычно отдельными примерами и рассуждениями о доле лиц с высшим и средним специальным образованием и о низшей границе доходности на члена семьи как определяющих критериях для оценки принадлежности к среднему классу.

На протяжении долгих лет никаких специальных исследований, а не размышлений вокруг имевшей место быть в прошлом и настоящем ситуации не было. Начиная с 1998г. из печати вышел ряд научных публикаций по проблемам российского среднего класса. [Заславская, Громова 1998; *Средний класс* 1999; Тихонова 1999; *Средний класс в России* 2000 и другие работы]

Особое внимание привлекла серьезная попытка провести исследование по среднему классу, предпринятая в начале 1999 г., вскоре после августовского кризиса 1998 г. Это социологическое исследование «Средний класс в России» было выполнено в феврале-марте 1999 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем и Центром социального прогнозирования. Целью исследования было выяснение меры сохранности среднего класса после финансового кризиса 1998 г., а также выявление ресурсов для восстановления и поддержания среднего класса.

Авторы этого исследования в качестве структурных элементов среднего класса априори выделили следующие профессиональные группы: квалифицированные рабочие; техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция; работники сферы торговли, услуг, транспорта; служащие (государственные служащие, юристы и т. п.); предприниматели малого бизнеса; фермеры; кадровые военные (старшие офицеры); менеджеры (руководители высшего и среднего звена). Всего в рамках данного исследования было опрошено 1765 человек в 14 территориально-экономических районах Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург.

РНИСиНП в качестве основного критерия выделения среднего класса использовал самооценку индивидом своего социального статуса. Им была предложена 10-балльная шкала, где 1 — высшая позиция, а 10 — низшая. К высшему среднему классу были отнесены индивиды, которые при определении своего социального статуса причислили себя к 1—3 позициям, к собственно среднему классу — те, кто оценил свой статус на 4—6 баллов, к нижнему среднему классу — респонденты с самооценкой статуса в 7—8 баллов. Далее группа экспертов выделила ряд факторов, которые влияют на самооценку индивида. Это (в порядке убывания): материаль-

ное положение, образ жизни, степень престижности профессии, уважение окружающих, уровень образования и квалификации, связи и знакомства. [*Средний класс в современном российском обществе*, 1999, с. 86—91] Критерием материального положения респондентов как представителей среднего класса в составе перечисленных социально-профессиональных групп населения служил показатель уровня душевого дохода — не ниже 1500 р. в месяц, т. е. примерно 60—70 долл. Очевидна сомнительность такого подхода, поскольку этот уровень дохода не соответствует издержкам на воспроизводство представителей среднего класса при самых заниженных требованиях. Это, скорее, граница бедности. Переход к верхнему среднему классу, по мнению авторов, начинается с 3000 р. в месяц, т. е. примерно с 120—130 долл. Для большей части респондентов, отнесенных по таким критериям к среднему классу, характерен размер жилплощади около 15 кв. метров на одного человека, наличие многокомнатной квартиры, а также дачи или пригородного участка.

Опираясь на эти данные, авторы исследования сформулировали свои выводы о современном российском среднем классе, его социальной структуре, материальном положении, миграционной, профессиональной, статусной мобильности, характере выполняемой работы, структуре досуга, политических установках и т. д. Основные результаты были опубликованы в коллективной книге: «Средний класс в современном российском обществе» (под общ. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. — М.: РОССПЭН, 1999).

Другая группа исследователей (Бюро экономического анализа) использовала в качестве основных критериев показатели материально-имущественного положения (доходы — по самооценке, владение недвижимым имуществом, владение движимым имуществом — наличие хотя бы одного набора из дорогих предметов и набора престижных современных товаров длительного пользования); образования и профессионально-квалификационного статуса; самоидентификации и стратегии. Количественный анализ распространенности отдельных объективных критериев, основанных на различных и собранных для разных исследовательских задач статистических и социологических источниках, привел авторов к выводу, что эти характеристики присущи значительным по размеру социальным группам: — по уровню дохода — от 30 до 55% домохозяйств;

- по уровню образования — от 20 до 40% занятого населения;
- по профессионально-квалификационному статусу — от 35 до 45% занятого населения;
- по критерию самоидентификации — 40—65% занятого населения.

В целом признаки среднего класса при проведенных расчетах распространяются на подавляющее большинство домохозяйств — более 80% имеют хотя бы один признак. Авторы исследования выделяют «идеальный» средний класс и протосредние классы. «Идеальный» средний класс, или ядро среднего класса, по разным данным, колеблется от 19,7 до 25,6% населения. Протосредние классы в зависимости от их будущей стратегии и социально-экономического положения в стране могут перейти в состав ядра, тем самым увеличив его численность. [*Средний класс в России 2000*]

Те же авторы в несколько обновленном составе через три года выпустили новую работу, более основательно сделанную и с менее оптимистическими оценками доли средних классов (а не среднего класса, как в прежней книге) в составе населения России. Эта фундаментальная монография под редакцией Т. Малевой «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» (М.: Гендальф, 2003) вышла уже после завершения нашей работы над книгой. Она является серьезным продвижением в анализе проблем социальной дифференциации в российском обществе, положения и поведения групп населения, отнесенных авторами к среднему классу. Но если основательная фактуальная база исследования и методический инструментарий вызывают доверие и позитивную оценку, то концептуальные подходы стимулируют несогласие и сомнение в устойчивости всей исследовательской конструкции. Авторы выдвигают в качестве первого из своих «основополагающих методологических принципов» утверждение, что всегда, во всех обществах существовали средние классы. При этом не учитываются преобладавшие в истории человечества кастовые, сословные и иные системы неравенства; кстати говоря, именно к России, по преимуществу, трудно приложимо понятие «средний класс», да и, для большей части ее прошлого, понятие классов вообще. Отказ от определения «строгих границ» среднего класса требует признания неких системных пограничных размежеваний по основополагающим признакам, в частности с рабочим классом, или, в иной понятийной

цепочке, — с низшим классом. (Возьмем, например, для сравнения подход Э.О. Райта [*Wright* 1985, p.19—57].)

Трудно полностью принять и выводы авторов, особенно касающиеся описания ядра среднего класса. По их мнению, «ядро средних классов представлено высокообразованным населением, сформировавшимся в семьях с хорошо образованными родителями, проживающими преимущественно в городах, активно включенным в социальные коммуникации и имеющим для этого современные средства информационных технологий». [*Средние классы в России* 2003, с. 269] Это столь малая часть наших сограждан, что и именовать-то их ядром да еще целого класса как-то не получается.

Некоторые социологи в качестве исходной информации использовали материалы мониторингов ВЦИОМ. Это весьма надежный источник данных о настроениях, мнениях и оценках населения России. По мониторингу можно изучить «субъективный средний класс». Эту работу проделала, в частности, Л.А. Хахулина. [*Хахулина* 1999] Однако по мониторингу ВЦИОМ нельзя получить определяющие данные об объективных характеристиках социальных групп. Эти усилия (думаю, что за отсутствием возможности опереться на адекватные источники информации) предприняли вполне компетентные социологи. Но мне трудно признать попытки применить материалы polls взамен отсутствующих материалов специализированных sociological surveys как способ решения серьезной научной задачи.

Одним из определяющих направлений социальной политики в стране, переходящей от этатристической к частнособственнической системе, является государственно регулируемое формирование социальной группы собственников — предпринимателей. Именно они должны были бы стать каркасом эффективной постиндустриальной экономики. С начала реформ не было недостатка в клятвах и заверениях со стороны ельцинского руководства о всесторонней поддержке предпринимательства и предпринимателей как основы среднего класса и основной социальной базы демократического режима демократа-президента. Однако, как известно, дело не в заверениях, а в реальных акциях, зачастую, казалось бы, не очень-то и крупных.

Трудно опровергнуть суждения сторонников либеральной позиции, что «если мы действительно сделали выбор в пользу рыночной экономики, то ответственность за собственные доходы несет в первую очередь сам че-

ловек». [*Известия* 2001б] Это и есть путь формирования морали предпринимательства, морали среднего класса. Однако требуется значимая оговорка: это суждение верно в том случае, если в обществе предоставлены условия для самореализации того гражданина, который взял на себя «ответственность за собственные доходы». А теперь приведем некоторые факты относительно этих условий для самореализации.

В результате всех притеснений и бюрократических препон малое и среднее предпринимательство у нас пока заняло более или менее нормальную нишу только в торговле и производстве некоторых продовольственных товаров. А ведь мелкое и среднее предпринимательство составляет неотъемлемую часть здоровой экономики процветающего общества. В развитых рыночных экономиках мелкое и среднее производство обеспечивает 60—80% общей занятости. У нас в России — порядка 11%.

По данным Госкомстата на декабрь 2001 г., численность работников в малом и среднем бизнесе составила 6 млн человек. Из них 86% заняты на постоянной основе, 9% — совместители, 5% работают по трудовым договорам. Отношение государства к малому предпринимательству видно из таких цифр: в 2001 г. на поддержку малого бизнеса в федеральном бюджете было заложено 140 млн р., т. е. примерно 5 млн долл. Однако и эту более чем скромную сумму в бюджете 2002 г. сократили до 20 млн р.

Многолетние исследования вполне компетентных авторов во всех случаях рисуют одну и ту же безрадостную картину небрежения со стороны власти имущих интересами малого и (добавим) среднего бизнеса. [*Виленский* 1996; *Колесников, Колесникова* 1996; *Чепуренко* 1996; *Радаев* 1996; *Шестоперов* 2001; *Шеховцов* 2001; *Орлов* 2001; *Бухвальд, Виленский* 2002; *Орлов* 2002; *Шереги* 2002 и др.].

Во многом с таким отношением к малому бизнесу связано то обстоятельство, что в теневой экономике на начало 2002 г. трудилось 8,2 млн человек, т. е. более 12% всех занятых. Более всего в теневом секторе представлены торговля, общественное питание, сельское и лесное хозяйства. При этом для 6,5 млн наших сограждан это был единственный вид занятости, а для остальных — источник дополнительного дохода. Таковы данные Госкомстата. Аналитики Всемирного банка считают, что в теневом секторе занято гораздо больше людей и он составляет примерно 45% российской экономики. «Финансовые известия» опросили более 100 представителей тене-

вого бизнеса. Главными причинами, мешающими им легализоваться, были названы неуверенность в стабильности налоговой политики государства (более 70%) и коррупция (около 100%), которая заставляет их выискивать скрытые источники доходов. [*Финансовые известия* 2002] При этом все отмечают, что серьезных предпосылок для резкого снижения количества теневиков пока не наблюдается. Несмотря на то что в 2001 г. произошло резкое снижение налогов, российская армия теневиков ничуть не сократилась. [*Известия* 2002] Кроме всего прочего, такие масштабы теневого бизнеса существенно затрудняют оценку динамики развития предпринимателей как социальной группы.

Изменения в политике наметились в 2002 г., когда по инициативе президента В.В. Путина были приняты решения, означающие «налоговую революцию» для малых предприятий. Предполагается вдвое снизить налоговое бремя на малый бизнес в надежде, что выход из «тени» значительной части предпринимателей с лихвой компенсирует потери бюджета и решительно повысит активность деловых людей. Руководители предприятий получают возможность платить в бюджет либо 8% от выручки, либо 20% от чистого дохода. [*Известия* 2002в; *Известия* 2002г] Проблема в том, что чиновники на местах могут усилить коррупционное давление на бизнес.

В апреле 1997 г. впервые была предпринята попытка провести реформу жилищно-коммунального хозяйства страны. В 2001 г. эта попытка возобновлена с гораздо большей энергией. Смысл — возложить все расходы по содержанию жилья на население. При этом были обещаны субсидии бедным. Проблема, правда, состоит в том, кого отнести к бедным. Проектируемые субсидии реально коснутся лишь нишей части населения, а не всех бедных. Что же касается не только умеренно бедных, но и относительно благополучных, то можно заранее предвидеть, что на все просьбы внести квартплату (с учетом удорожания не только жилья, но и электроэнергии, теплоснабжения и других услуг) с их стороны все чаще будет следовать ответ: «Нет денег». Выход может быть только один — превратить в бомжей десятки миллионов россиян, тех самых, кто мог бы составить ядро и предпринимателей, и других средних слоев.

Между тем, по мнению видного представителя наших либералов Г. Томчина, более 40% собранных с населения денег не доходит до энергетиков. Бесхозяйственность, массовое воровство в системе ЖКХ приводит к массо-

вой выкачке денег из населения органами ЖКХ, не несущими перед населением никакой ответственности. [Известия 2001a] Мне лично трудно не согласиться с теми авторами, которые рассматривают намечающуюся реформу в ЖКХ как настоящий поход против средних слоев. Именно с этих групп населения собираются взять полную стоимость коммунальных услуг, но порядочная часть наших «средних» удерживается в этом положении, в частности, и из-за низких цен на муниципальные услуги, позволяющие им при относительно скромных доходах вести более или менее достойную жизнь.

Надо заметить, что напряженность в среде средних слоев заставила авторов новой экономической модели жилищно-коммунального хозяйства скорректировать свои планы. Правительство отказалось от форсированного перехода на 100-процентную оплату гражданами услуг ЖКХ, считая, что это станет возможным лишь через 10–15 лет. Деньгами из бюджета более не будут дотировать ДЭЗы и РЭУ, а передавать эти средства напрямую населению, зачисляя их на индивидуальные (персональные социальные) счета граждан. Люди получают возможность выбирать, кто их будет обслуживать. По расчетам мэра Москвы Ю. Лужкова, такая дебюрократизация сферы ЖКХ позволит сэкономить до 15–20% расходов. [Известия 2001ж]

Рассуждая о малом и крупном бизнесе, как политики, так и аналитики упускают из виду средний бизнес. Между тем именно эта категория предпринимателей уже сегодня несет на себе высокую долю ответственности за развитие национальной экономики. В большинстве случаев это люди, за которыми не стоит ни административный ресурс современных чиновников, ни наследство от советских времен. Средний бизнес не столь неустойчив, как малый и мельчайший, а, в отличие от крупного, гибок и высокоманеврен. Наш крупный бизнес не только тесно связан на властные структуры, но и отличается завязанностью на сырьевые отрасли. Средний же бизнес диверсифицирован и отличается большей интеллектуалоемкостью своей продукции. Социальная принадлежность этой категории предпринимателей может быть атрибутирована как высший средний слой. В нашем опросе 2002 г. представители этой группы составили статистически незначимую величину. Однако некоторое представление о них самих, их интересах и степени их защищенности можно составить по материалам наших углубленных интервью.

С точки зрения перспектив социально-экономического развития этот слой средних предпринимателей породит, выдвинет из своих рядов новый крупный бизнес, который и придет с той или иной быстротой на смену политикообразующему сырьевому бизнесу современных олигархов, на наш взгляд, не имеющих будущего в конкурентной подлинно рыночной экономике. Опыт стран Центральной и Восточной Европы показывает, что при определенной направленности экономической и социальной политики за 5—10 лет из среды среднего бизнеса органично произрастает подлинный (не выращенный в симбиозе с коррумпированным чиновничеством) национальный крупный вполне цивилизованный бизнес. Неслучайно, что олигархические группы препятствуют развитию среднего бизнеса. Те заказные банкротства, т. е. внешне легальные захваты предприятий, о которых шла речь выше, есть продукт «деятельности» олигархов по переделу собственности с опорой на властные, сопряженные с ними структуры.

Возникает важный вопрос: какие группы трансформирующегося общества, помимо предпринимателей, могут стать центрами кристаллизации среднего класса? Отвечая на этот вопрос, социолог из Финляндии М. Кивинен отмечал, что многие русские исследователи связывают проблему среднего класса в первую очередь с собственностью. Но, по опыту Запада, сегодня средний класс — это прежде всего наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти нового среднего класса связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями.

Однако в России в советское время использование ресурсов власти, представляемых профессионализацией, было ограничено. Здесь никогда не было национального рынка по профессиональным сегментам. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Многие профессии к тому же находились в зависимом отношении к доминирующей идеологии. Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма, от специализированного труда («ремесла»). Поэтому в России, по Кивинену, становление среднего класса определяется перспективой формирования профессий как социального института, связанного с предпринимательством. Социальные интересы ядра новых групп среднего класса не находятся в противоречии с интересами капитала. Прежде всего они стремятся сохранить значение умственного

труда. Но в этом отношении их интерес согласуется с тенденцией капиталистического развития. [Кивинен 1994, с. 134—142]

Последствия политики по отношению к группам профессионалов общеизвестны: именно здесь мы понесли наибольшие потери, связанные с эмиграцией за границу компетентных специалистов в самом продуктивном возрасте. По этому поводу нет систематических данных. Однако известно, что за 1990—1999 гг. страну покинули 80% математиков и 50% физиков мирового уровня. Это около 8 тыс. человек, чей отъезд критически опасен для отечественной науки. Предположительно в США в настоящее время работают около 1 млн профессионалов, покинувших Россию. По оценке академика В.Е. Захарова (сентябрь 2003 г.), в университетах США к началу 2000-х гг. 10—15% математиков и физиков — выходцы из России. Он говорит: «Мы сделали Западу огромный подарок. Реальная перспектива необратимых процессов: лет через 20, когда уйдет наше поколение, из России уйдет и наука».

Я лично присоединяюсь к точке зрения тех, кто рассматривает отъезд из страны специалистов в подобном масштабе как национальную катастрофу. Методика, принятая ООН, дает возможность измерить упущенную выгоду от эмиграции одного специалиста с высшим образованием, ученой степенью. Она оценивается в 300 тыс. долл. Очевидно, что потери страны измеряются десятками миллиардов долларов. Между тем технологии поддержки профессионалов для уменьшения их эмиграции и повышения доли в ВВП наукоемкой продукции успешно реализуются не только в странах с административными ограничениями на выезд, но и в таких небогатых демократических государствах, как Индия. Располагает такими возможностями и Россия. Проблема именно в проводимой политике.

Характерно, что в благополучном 2000 г. затраты на науку составили лишь 2,05% в государственном бюджете и были в 30 раз меньше, чем в 1990 г.; в 2003 г. они поднялись до 2,19% и достигли 39,9 млрд р., т. е. примерно 1,3 млрд долл. Между тем по закону «О науке и государственной научно-технической политике», принятому в 1996 г., государство взяло на себя обязательство финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы гражданского назначения в размере не менее 4% расходной части бюджета. В марте 2002 г. на заседании Совета безопасности, президиума Госсовета и Совета при президенте по науке и высоким технологиям была выработана новая государ-

ственная политика финансирования науки. Она нашла отражение в итоговом документе «Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу». По этому документу 4-процентная норма касается не всей гражданской науки, а только фундаментальных исследований и содействия научно-техническому прогрессу. В финансовой части этого документа отмечено, что 4-процентный минимум будет достигнут лишь в 2010 г. Тем самым реализация закона 1996 г., которая должна была начаться в 1997 г., отложена на 14 лет. В таких случаях возникает вопрос о той группе интересов, которой такая политика выгодна. Уже упоминавшийся В.Е. Захаров объясняет проводимую политику специфическими интересами бизнес-элиты, тем, что «утечка умов» для олигархического капитализма «не является проблемой. В сырьевой экономике проще приобрести взамен проданной нефти нужное оборудование, чем создавать что-то свое». В итоге по такому показателю как конкурентоспособность экономики, Россия находится на 43-м месте в мире; по индексу инновационности она занимает 28-ю позицию; по индексу же развитости информационных и коммуникационных технологий ее вообще нет в списке 44 более или менее успешных стран. [Вишневский, Зайончковская 1992а с. 18; Вишневский, Зайончковская 1992б, с. 13; Долгих, 1993, с. 11; Павлюткин; Ахиезер; *The Economist Pocket World in Figures*, p. 56—58; *Известия* 2001д; *Известия* 2003(4); *Поиск* 2003(2)].

Итак, первая странность, явно заслуживающая быть отмеченной, — полное несовпадение политики правящих кругов интересам общества в формировании среднего класса. Приведенные только что и выше, в параграфе «Становление нового постсоветского этапа этакратизма», примеры такого несовпадения явно носят системный характер. Они, на наш взгляд и есть ясное выражение природы общества не капиталистического, а по-прежнему этакратического типа. А эти общества в стратификационном измерении не содержат классов, в них нет и не может быть среднего класса.

Казалось бы, в России наличествуют все профессиональные категории, которые образуют ядро среднего класса на Западе. Как представители среднего класса, помимо предпринимателей в промышленном секторе и сфере услуг, могли бы реализовать себя и вновь появившиеся лица свободных профессий, и высокооплачиваемые работники информационного сектора, системы частного образования, специалисты

и консультанты в финансово-банковской сфере, фермеры, менеджеры, работающие как на частных, так и на государственных предприятиях. Шанс пополнить средний класс могли бы иметь группы специалистов высшей и средней квалификации промышленности и науки, интеллектуалы, руководители высшего и среднего звена управления, преподаватели университетов и средних школ. Однако следует учесть, что нет автоматизма между профессиональной принадлежностью и классовой идентификацией. Большая часть перечисленных представителей образованной части общества принадлежала в сравнительно недавнем прошлом к размытой межслоевой группе — интеллигенции. Они находятся в весьма болезненном процессе вхождения в состав профессионалов (professionals). Но это еще не сам средний класс. Это лишь «материал» для среднего класса. И не во всяких конкретно-исторических обстоятельствах современные профессионалы в сфере социальных отношений реализуют себя как средний класс.

Необходимо помнить, что социальная группа, слой — это не только характер экономической деятельности. Как отметил много лет назад В.И. Умов (чьи слова, к сожалению, не устарели), «они (профессионалы в России. — *О.Ш.*) почти всегда изолированы и не образуют общность, обладающую собственной идентичностью. Центры кристаллизации среднего класса рассеяны в общественном пространстве и весьма слабо просматриваются на фоне социально и политически активных номенклатурных, корпоративных и мафиозных структур. Среднего класса как такового в России нет, но есть огромная проблема: некому исполнить важнейшую для обеспечения прогрессивного развития функцию социального стабилизатора, смягчающего силовые действия классов-оппонентов, препятствующего лобовым столкновениям их политических представителей». [Умов 1993, с. 29]

Для формирования в социальной структуре общества среднего класса (помимо характера экономической активности) необходимы:

- складывание определенных стереотипов поведения, установок, системы ценностей;
- самоидентификация, самоорганизация как общности;
- обеспечение определенного качества (не уровня, а именно качества) жизни (медицинское обслуживание и охрана здоровья, рациональное питание, добротное и перспективное образование детей и т. д.);

— капитал или интеллектуальный ресурс, позволяющие обеспечивать относительную устойчивость в социальном статусе, экономическую и гражданскую независимость.

Возникает вопрос: соответствуют ли всем этим критериям выдвигаемые частью исследователей, а по большей части пропагандистами властвующей элиты претенденты на статус представителей среднего класса России? Классы не лопаются как мыльные пузыри в периоды экономических встрясок, наподобие дефолта 1998 г., и не возникают от появления какого-то процента покупателей с непустыми бумажниками, без учета того, за счет какой деятельности потолстели оные бумажники. Очевидно, такой иллюзорный средний класс сочиняют для оправдания своих неудач или для сокрытия подлинной направленности своей деятельности политические деятели, творцы реальной социальной политики. Ни уровень жизни, ни самоидентификация не являются лакмусовыми бумажками принадлежности к среднему классу.

Конечно, можно рассуждать и о специфичности среднего класса России; о том, что не все основные признаки среднего класса западных стран применимы к нашему собственному новообразованному классу то ли по его молодости, то ли по его национальной специфике. Но здесь перед нами дилемма: следует ли к различным по сущности объектам анализа применять одно и то же понятие, но с оговорками о несовпадении (о неполном совпадении) сущностей либо для каждого из объектов применить адекватные понятия, позволяющие их различать? Если верен обоснованный выше основной тезис автора этих строк относительно природы современного российского общества как позднеэтакратического, то очевидна и сомнительность предположений о наличии в его составе среднего класса.

Эти сомнения в существовании российского среднего класса требовалось проверить на надежном эмпирическом материале. Ведь очевидно, что любая логически обоснованная позиция в столь актуальном вопросе может быть столь же обоснованно опровергнута путем не менее логически корректного оппонирующего построения. Тем самым первая проблема, которая должна была быть решена, — это нахождение надежного и адекватного источника информации относительно социальной дифференциации российского общества в целом и наличия в его составе тех или иных социальных групп.

Выбор такого источника информации предполагает принятие определенной позиции относительно

но критериев социальной дифференциации. Те российские авторы, которые занимаются прежде всего субъективным статусом, придают решающее значение активности социального субъекта — индивида, который преследует свои цели, используя все имеющиеся в наличии ресурсы. В этом подходе наиболее значимыми для занятия определенного статуса признаются ресурсы, имеющиеся в распоряжении индивида, действующего субъекта, актора. При этом нередко ключевыми признаются личностные, социально-психологические качества индивида. Фактуальной базой при таком подходе могут служить и опросы общественного мнения. Но я придерживаюсь более традиционной позиции, согласно которой индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы (структуры), чьи действия в решающей степени детерминированы их местом в системе социоэкономических отношений, либо как элементы культурной системы, в рамках которой они действуют под влиянием норм и правил, сложившихся в данной культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре среднего класса»). Индивидуальное действие выступает результатом социальных переменных, а не личностных качеств.

В ноябре-декабре 2002 г. прошел представительный общероссийский опрос по проблемам социальной стратификации и социального воспроизводства. Объем выборочной совокупности после коррекции первоначальной выборки из 2500 респондентов составил 2414 человек, были определены представительность регионов и многоступенчатость выборки. (Методические вопросы исследования изложены в: [Шкартан 2003].) Опрос был в значительной части специализирован на достаточно глубоком изучении тех профессиональных групп экономически активного населения страны, которые по таким показателям, как характер занятий, характер жизнедеятельности в целом, образуют если не средний класс, то средние слои, представляющие потенциальных кандидатов в средний класс, если траектория развития страны пойдет в направлении формирования капитализма, гражданского общества и демократии.

Мы верифицировали названные выше характеристики среднего класса, основываясь на базе данных 2002 г. и попытались определить, какая доля респондентов обладает всей совокупностью этих свойств. В общем виде полученные результаты можно свести к следующей таблице:

Т а б л и ц а 3

Интегральная оценка предполагаемой доли представителей среднего класса в составе экономически активного населения России на ноябрь 2002 г.

Критерий выделения среднего класса	Параметры критерия выделения среднего класса	Качественная оценка среднего класса в 2002 г.	Количественная оценка среднего класса в 2002 г.	
1	2	3	4	5
Материальное положение	Оценка материального положения	Испытывают затруднения только при покупке предметов длительного пользования (телевизора, холодильника)	42,3%	9,8%(5,6%) (в этом столбце в скобках указан процент, на который увеличивается доля представителей среднего класса при включении данного критерия)
	Недвижимое имущество	Собственный дом (часть дома) или многокомнатная квартира, либо однокомнатная квартира + дача или гараж	76,7%	
	Движимое имущество	Шесть предметов долгосрочного пользования куплены после 1991 г.	17,4%	
Образование	Уровень полученного образования	Не ниже среднего специального при условии владения иностранным языком или навыками работы на компьютере	32,2%	23,11% (0,5%)
Профессиональный статус	Профессия, квалификация	Не ниже чем работники на профессиональных позициях, требующих образования не ниже среднего специального	39,5%	

1	2	3	4	5
Качество жизни	Экономическая компонента	Использование платных медицинских и (или) образовательных услуг для членов семьи; отдых на курортах, на частных дачах, туризм в России и за рубежом	42,5%	28% (0,41%)
	Социокультурная компонента	Наличие собств. библиотеки не менее 100 томов; культурно-досуговых мероприятий не менее 11 в год	53,2%	
Самоидентификация	Самооценка собственного социального статуса по 10-балльной шкале	Самооценка не ниже 5 баллов	52,9%	23,3% (0,91%)
	Причина такой самооценки	Не только на основе оценки своего материального положения	69,4%	
	Профессия близкого друга (супруга/и)	Профессия требует образования не ниже среднего специального	47,2% (23,6%) ¹	
	Образование близкого друга (супруга/и)	Образование друга не ниже среднеспециального	69,2% (42,5%)	
Интегральная оценка доли представителей среднего класса в составе экономически активного населения России в октябре — ноябре 2002 г. на основе комбинации приведенных в таблице признаков — 2,1%.				

¹ Здесь в скобках указана цифра, относящаяся к супругу (супруге).

Таблица составлена М.А. Авиловой при подготовке магистерской диссертации на тему «Критерии выделения среднего класса в российском обществе» (научный руководитель — О.И. Шкаратан/ 2003 г.).

Таблица 3 подтверждает наше предположение, что в условиях позднеэтакратического общества, т. е. в современной России, среднего класса как несущей опорной конструкции общества нет и быть не может. Наблюдаемое рассогласование статусов демонстрирует это вполне отчетливо. Всего 2,1% респондентов обладают синдромом характеристик среднего класса в полученных нами и легкоконтролируемых расчетах.

Ключевая проблема социальной ситуации постсоветской России состоит в том, что ее будущее, перспективы развития зависят от успешного формирования среднего класса. Именно эта часть общества может быть опорным каркасом эффективной постиндустриальной экономики, гражданского общества и правового государства. Однако в реальной жизни современной России социальные группы (слои) населения, которые на перспективу могли бы составить элементы среднего класса, оказались в сложном положении.

Обществу органически присуще противоречие интересов социальных групп. Слабые группы добиваются бюджетных трансфертов, рассматривая их получение как свое естественное социальное право. Основные продуктивные группы современного общества, складывающиеся или уже сложившиеся как средний класс, добиваются реализации социальных программ универсального характера, которые гарантируют им социальные права на самосохранение в статусе и своем воспроизводстве.

Россия постреформенная оказалась перед лицом чрезвычайно сложной проблемы. Защищать нужно и малоимущих, и в не меньшей степени тех, кто относится к средним слоям (профессионалов, предпринимателей и пр.). В течение всего постсоветского периода социальная политика, воплощавшая реальные интересы правящих групп, по крайней мере, не препятствовала (а возможно, и содействовала) торможению создания среднего класса в его предпринимательской части и деквалификации профессионалов — второй значимой составляющей этого класса. Средние слои ущемлены в своих социально-экономических правах. Неслучайно, что их доля, численность и обще-

ственное значение не соответствуют показателям, выработанным опытом развитых стран мира. Начиная с 2000 г., в государственной политике стала устойчивой тенденция возвращения к советской традиции тесного взаимодействия элиты со слабыми социальными группами в ущерб социальным интересам средних слоев.

Для России эта концентрация приоритетов государственной политики на защите социальных прав «исключенных из общества» особенно опасна, поскольку это грозит разрушительными последствиями и без того еще не окрепшим средним слоям. К этому следует добавить неотрефлексированность властями реальной социальной ситуации из-за отсутствия механизмов обратной связи. Это обусловлено тем, что в России и ныне, и на ближайшую перспективу невозможны широкие социальные движения, адекватно выражающие интересы массовых социальных групп. Поэтому особое значение приобретает аналитическая деятельность по выявлению реальных социальных проблем.

Итак, можно признать декларативными заявления идеологов постсоветского руководства, что значимым направлением расходования властных и финансовых ресурсов должно было стать и стало содействие становлению и развитию среднего класса. Фактов, подтверждающих активность властей по этому направлению, нет. Не на эту цель тратились национальные ресурсы.

В результате направленность трансформационных процессов в России привела к устойчивому воспроизведению нормативно нежелательных (и даже запрещенных) типов поведения представителей средних слоев как единственно возможного способа адаптации к нормативной структуре общества, в которой отсутствуют механизмы защиты их социальных прав. Основной метод адаптации состоит в массовом отклоняющемся поведении, приводящем к деструктивному характеру воспроизводства этих социальных слоев.

Становление новых форм социального расслоения в России

На новом этапе развития России мы возвращаемся к вопросу, который активно обсуждался в 1960-е — начале 1970-х гг., когда социологи в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества активно выдвигали концепции социального неравенства и в связи с этим занимались поиском естественного, реального набора относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками.

Теперь, когда, по крайней мере, автору этих строк стало совершенно ясно, что трансформационные процессы идут совсем не по ожидавшемуся пути складывания буржуазного общества западного типа, а каким-то особым образом, снова возникает вопрос о реальности тех социальных групп (слоев, классов), которыми оперируют социологи и политологи, опираясь на свои теоретические конструкты и на реалии развитых демократических стран с устоявшейся системой стратификационной иерархии.

В связи с этим и возникла идея вернуться к исследованиям социальной дифференциации современного российского общества для выявления в нем реальных социальных совокупностей.

Что касается вопроса о показателях реальности той или иной группы, то прежде всего следует заметить, что **реальные группы** выступают субъектами и объектами **реальных отношений** (власти, эксплуатации и т. д.). Они обладают потребностями и интересами, которые можно измерить; общими социальными нормами; общими ценностями; взаимной идентификацией; сходной мотивацией; символами; стилем жизни; для них характерны гомогенность по основным статусным характеристикам, самовоспроизводство, отличная от других групп система социальных связей.

Работа по решению этой задачи проводилась на основе материалов представительных опросов населения России: а) «Как живет сейчас россиянин» (проведен в 1994 г.); методика этого представительного опроса описана в статье: [Шкартан, Тихонова 1996, с. 101—106];

б) «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (конец 1999—2000 гг.). Ниже рассмотрены некоторые итоговые расчеты по материалам первого опроса. (См. описание методов и результатов в статье: [Шкаратан, Сергеев 2000].) В настоящее время ведется работа по выявлению реальных социальных групп по материалам опроса 2002 г.

В эмпирическом смысле из возможных комбинаций признаков необходимо выделить те, которые наиболее резко дифференцируют рассматриваемую общность — совокупность респондентов. Статистический анализ показал, что это — индикаторы власти, собственности и внепроизводственной деятельности, в которой находит выражение культурный капитал. В связи со сказанным выше мы предположили, что выделяемые на основе индексов власти, собственности и характера внепроизводственной деятельности социальные группы являются реальными. На основе имевшихся в опросном листе признаков были сконструированы индексы власти, собственности и характера внепроизводственной деятельности. Математически задачи подобного типа осуществляются методами многомерной классификации (к этому типу процедур относятся: кластерный анализ, таксономия и т. д.). Было решено применить оправдавший себя в предшествующих исследованиях один из методов распознавания образов — кластерный анализ.

Был проведен ряд испытаний с разным количеством кластеров (предполагаемых реальных групп-слоев), и в итоге оптимальным оказалось число 10, поскольку при анализе результатов кластерного анализа с более чем десятью кластерами было обнаружено, что многие кластеры фактически представляют собой одну и ту же группу респондентов с незначительно разнящимися характеристиками, к тому же во многих из данных групп не было достаточного для анализа числа респондентов, а при анализе менее десяти кластеров был риск, что некоторые важные группы сольются в одну. Окончательные результаты приведены в таблице 4. Очевидно, что в каждом кластере присутствует группа респондентов с уникальным набором индексов власти, собственности и ИХВД.

Выделенные этим методом группы тестировались на их «реальность». При отборе критериальных характеристик существенным ограничением явилось то обстоятельство, что массив информации был сформирован для

Т а б л и ц а 4

Средние значения индексов власти, собственности, характера внепроизводственной деятельности и интегрального индекса социальных групп, выделенных на основе кластерного анализа

(по результатам представительного опроса 1994 и 2002 гг.)

Номер кластера	Индекс власти	Индекс собственности	ИХВД	Число наблюдений в каждом кластере	Значение интегрального индекса социальных групп
1	0,008	2,72	1,56	505	4,29
2	0,006	1,96	3,28	335	5,24
3	0,022	4,81	2,21	235	7,05
4	0,010	3,71	3,43	380	7,15
5	0,079	3,12	5,16	179	8,37
6	3,512	2,69	2,72	125	8,92
7	4,427	4,85	2,60	77	11,88
8	3,904	3,62	5,37	68	12,90
9	6,009	3,09	3,88	64	12,97
10	6,215	5,45	4,77	41	16,43

других исследовательских целей. Из имевшихся переменных наиболее тесно связанными с индексами власти, собственности и ИХВД оказались: наличие у респондента подчиненных, недвижимости и характер проведения отпуска. Было предположено, что существенные различия по отобранным критериальным характеристикам групп, выделенных методом кластерного анализа, подтверждают их реальность (см. табл. 5).

В дополнение к указанным критериям мы протестировали выделенные группы по ряду жизненных ценностей респондентов. Из них дифференцирующими оказались следующие: значимость для респондента его работы, друзей, политики. Из дифференцирующих «объективных» характеристик респондента был использован уровень образования.

Нам представляется, что выделенные кластеры вполне могут быть интерпретированы как реальные социальные слои в терминах, принятых в стратификационных концепциях со времен Л. Уорнера. Нет оснований сомневаться в том, что первые два кластера образуют низший слой общества, что кластеры 3—5 могут быть определены как промежуточный социальный слой (в терминологии Дж. Голдторпа, но с несколько иным наполнением). Кластеры 6—9 по совокупности присущих им черт могут быть идентифицированы как средние слои. И наконец, десятый, по-видимому, можно определить как высший средний или низший высший социальный слой.

Проведенный нами анализ состава респондентов по видам занятий наглядно показал, что попыт-

Т а б л и ц а 5

**Центральные тенденции
для десяти выделенных групп
(по результатам представительного опроса 1994 г.)**

Ключевая переменная/ группа	Количество подчиненных	Собственность на недвижимость	Характер проведения отпуска
1-я группа	нет — 100%	нет — 98,2%	«дома» — 72,2% «на даче» — 16,7% «у родственников» — 16,7% «пользовался гос. дачей или снимал дачу» — 16,7%
2-я группа	нет — 100%	нет — 100%	«дома» — 51,4% «у родственников» — 24,4% «на даче» — 15,6%
3-я группа	нет — 100%	да — 84,2%	«дома» — 58,3% «на даче» — 33% «у родственников» — 8,3%
4-я группа	нет — 100%	нет — 66,7% да — 22,6% нет отв. — 10,7%	«дома» — 43,1% «на даче» — 29,4% «в самост. турпоездке» — 9,8% «у родственников» — 7,8% и др.

Продолжение таблицы

Ключевая переменная/ группа	Количество подчиненных	Собственность на недвижимость	Характер проведения отпуска
5-я группа	нет — 100%	нет — 95% да — 5%	«в доме отдыха и т. д.» — 34% «у родственников» — 17,4% «дома» — 13% «на даче» — 13% «в самост. турпоезд- ке» — 13%
6-я группа	«менее 5 чел.» — 100%	нет — 100%	«дома» — прикл. 100%
7-я группа	«менее 5 чел.» — 75% «10–50 чел.» — 25%	да — 75% нет — 25%	«дома» — 50% «на даче» — 25% «у родственников» — 25%
8-я группа	«менее 5 чел.» — 44,4% «5–10 чел.» — 44,4% «10–50 чел.» — 11,1%	нет — 77,8% да — 11,1% нет отв. — 11,1%	«в доме отдыха и т. д.» — 33,3% «дома» — 22,2% и др.
9-я группа	«10–50 чел.» — 50 % «более 100 чел.» — 50%	нет — 100%	«дома» — 50% «в самост. турпоездке» — 50%
10-я группа	«5–10 чел.» — 33,3% «10–50 чел.» — 33,3% «50–100 чел.» — 33,3%	да — 100%	«у родственников» — 33,3% «в самост. турпоездке» — 33,3% «на турбазе и т. д.» — 33,3%

ки выделения реальных слоев на основе одной лишь профессиональной принадлежности респондента лишены всяких оснований. Действительно, пенсионеры и безработные встречаются во всех кластерах вплоть до шестого, мастера, начальники участков — в кластерах с шестого по девятый, инженеры НИИ, КБ — в целом ряде кластеров со второго по восьмой. Вообще говоря, образам, сложившимся в соответствии со значениями индексов власти, собственности и ИХВД, во многих случаях оказались не соответствующими

респонденты с занятиями, казалось бы, относящимися к более высокому социальному слою. Любопытно, что практически во всех выделенных нами кластерах встречаются бухгалтеры и экономисты. Видимо, это объясняется как региональными различиями, так и внутрипрофессиональной социальной дифференциацией. Некоторые респонденты из некогда престижных занятий в большинстве случаев не должны бы были попасть в низший и базовый слой. Скорее всего, это может быть объяснено влиянием целого ряда факторов — таких, как принадлежность к семьям, где доминируют люди с низким социальным статусом, недавним вхождением в новый вид занятий, отмеченной нами выше неустойчивостью социальных статусов в трансформирующемся обществе, неадекватностью респондентов занимаемой ими прежде социально-профессиональной позиции.

Более того, полученные данные свидетельствуют, что группировки не только по родам занятий, но и доходу и даже образованию не вполне совпадают с принадлежностью респондентов к выделенным реальным группам. Можно предположить, что они при проверке предложенного метода и отбора значимых признаков на иных массивах данных окажутся близки к группам, выделяемым на основе оценок самими членами общества социального статуса своих сограждан.

Первый и второй кластеры, идентифицируемые нами как низший социальный слой, включают следующий спектр занятий: пенсионер, инвалид; безработный; слесарь; продавец, киоскер; повар, кондитер; водитель грузовика; уборщица; почтальон; в отпуске по уходу за ребенком; разнорабочий; домохозяйка; станочник; водитель общественного транспорта; рабочий в сельском хозяйстве; плотник, каменщик; электрик; сельский механизатор; преподаватель техникума; студент вуза; лаборант НИИ; оператор ЭВМ; бухгалтер; экономист; инженер НИИ, КБ; предприниматель; налоговый инспектор; секретарь-референт и др. Широкий спектр социально непрестижных занятий раскрывает сходство условий существования людей, попавших в данный слой. В этом слое явно доминируют «новые бедные», включившие в свой состав вполне образованных людей. Более 60% респондентов, отнесенных к этому слою, получили полное среднее и среднее специальное образование; во втором кластере 17,6% респондентов имели высшее образование; лишь 19,6% и 11,2% (соответственно для

первого и второго кластеров) были с образованием 7–9 классов.

Респонденты из 3–5-го кластеров, составляющие, по нашему мнению, промежуточный социальный слой, обладают следующим спектром занятий: пенсионер; инвалид; безработный; домохозяйка; разнорабочий; рабочий в сельском хозяйстве; вахтер, сторож; медсестра, фельдшер; продавец, киоскер; слесарь; электрик; шлифовщик, гальваник; водитель грузовика; водитель общественного транспорта; преподаватель техникума; студент; инженер; секретарь-референт; преподаватель института; научный сотрудник; бухгалтер; экономист и др. Центральные тенденции уровня образования для третьего и четвертого кластеров совпадают со вторым: по-прежнему велико число респондентов, получивших среднее специальное (33,3% и 32,4%), полное среднее (26,8% и 23,1%) образование, затем идут респонденты с высшим образованием (15,2% и 21,0%) и проучившиеся лишь 7–9 классов (12,1% и 14,4%), но уже в пятом кластере на первое место выходят респонденты с высшим (33,5%), и лишь затем идут респонденты со средним специальным (29,0%) и полным средним (18,8%) образованием.

И по спектру занятий, и по значениям индексов власти (который резко выделяется на фоне групп, образующих низший и промежуточный слои), а также собственности и ИХВД четко отделена от предыдущих группа респондентов, образующих шестой кластер. В него входят респонденты со следующими занятиями: мастер, начальник участка; главный бухгалтер; цветовод, агроном; врачи всех наименований; бухгалтер. Более половины всех респондентов из шестой группы (52%) имеют среднее специальное образование, следом идут респонденты с высшим образованием (25,6%). Неблагополучие руководителей низшего звена, менеджеров из разных отраслей экономики, попавших в этот кластер, связано с тем, что не обеспечиваются важные условия воспроизводства: эти люди не имеют подкрепления своих властных полномочий ресурсами для внепроизводственной деятельности. Данная группа может быть отнесена к низшим средним слоям.

К собственно средним слоям (если пользоваться данной терминологией) можно отнести респондентов из седьмого и восьмого кластеров: мастер, начальник участка; ведущий инженер; врачи всех наименова-

ний; товаровед; инженер НИИ, КБ; предприниматель; главный бухгалтер; начальник цеха, прораб. Действительно, представители данных занятий обладают профессиями, обеспечивающими неплохой достаток и уверенность в будущем. У этих групп достаточно высоки значения всех трех индексов. Они сравнительно немногочисленны, что позволяет предположить более сильную их связанность друг с другом в смысле осознания принадлежности к одной социальной «нише». Образование респондентов из этих кластеров, как и можно было ожидать, еще более высокое: в седьмом и восьмом кластерах, соответственно, первые места занимают высшее (49,4% и 51,5%) и среднее специальное (32,5% и 32,4%) образование.

Последней группой, образующей высший средний слой, являются респонденты из девятого кластера, обладающие чрезвычайно высокими значениями всех индексов и высокостатусными занятиями: директор промышленного предприятия; предприниматель; ведущий инженер; мастер, начальник участка; главный бухгалтер; заведующий лабораторией. Члены девятого кластера имеют еще более высокий уровень образования: высшее образование получили 75% респондентов, а среднее специальное — 17,2%.

Десятый кластер еще более немногочислен, его отличают самые высокие значения индексов власти, собственности и ИХВД. Соответственно, высокодоходны и престижны и занятия людей из него: предприниматель; директор промышленного предприятия; начальник цеха; главный бухгалтер. Как можно заметить, список занятий в данном кластере почти аналогичен списку занятий девятого. Очевидно, что эти два последних кластера тесно взаимосвязаны. Однако группа респондентов, отнесенная к десятому кластеру, социально находится несколько выше, чем соседствующая группа. Тенденция почти линейного возрастания уровня образования респондентов с ростом их социального статуса, наметившаяся при анализе предшествующих групп, продолжается и здесь: высшее и неоконченное высшее образование получили 68,3% и 12,2% соответственно, а среднее специальное — 19,5% респондентов.

При анализе жизненных ценностей респондентов по выделенным группам (при ответе на вопросы: насколько важна для респондента работа, дружба и политика) нами были обнаружены и некоторые другие интересные

тенденции. Во-первых, несколько огрубляя, можно сказать, что существует почти близкая к линейной зависимость отношения членов группы к их работе от положения группы на социальной лестнице. Процент ответивших положительно колеблется от 73,7% в первой группе до 95,3% в девятой.

Во-вторых, чем выше стоит группа на социальной лестнице, тем более важен для членов группы круг их друзей и знакомых (в девятой — 87,1%, в десятой — 87,5%, в восьмой — 93,9% на фоне 76,7—83,2% в других группах). Резко выбивается из этой тенденции лишь седьмая группа. Мы не нашли этому объяснения в рамках тех переменных, которые использованы в анализе.

В-третьих, четко прослеживается тенденция: чем выше группа на социальной лестнице, тем более важна для их членов политика. На общем фоне (16,6—24,7%) позитивных ответов опять резко выделяются девятая, десятая, восьмая и седьмая группы (соответственно 42%; 35%; 27,7%; 27,3%), что можно объяснить тем, что для этих групп кардинальные изменения в политическом курсе могут означать такое же кардинальное изменение их судьбы.

За время, прошедшее после опроса 1994 г., в обществе произошли изменения, большую завершенность получили стиль жизни, особенности ментальности у представителей разных социальных слоев и т. д.

Массив данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 2000 г. показал, что за прошедшие годы выкристаллизовались ключевые характеристики, определяющие положение человека в современном российском обществе. Было установлено, что определяющими характеристиками в 2000 г. являются власть (наличие и количество подчиненных); существование другой оплачиваемой работы; владение (или совладение) предприятием. Были выявлены и наименее значимые пространства. На момент написания книги соответствующий расчет по материалам опроса 2002 г. завершить не удалось.

Подводя итог проведенному анализу, мы исходили из того, что большинство выделенных этими методами групп являются не статистическими фантомами, а складывающимися реальными группами современного российского общества.

После представительного опроса 2002 г. мы располагаем достаточно надежной базой для проведения

работы по выявлению реальных социальных слоев образца 2002—2003 гг.

Очевидно, что переход от старого типа стратификации к новому в России происходит эволюционно, путем постепенной трансформации. Существующая стратификационная иерархия носит транзитивный характер, сплавляя воедино старые и новые группирования. Наблюдается единение властных структур Центра с крупным финансовым капиталом. Слабо представлены в социальной мозаике средние слои. Идут сложные процессы социальной мобильности на фоне изменяющейся отраслевой структуры экономики и профессионального состава занятости.

В ходе этих перемен преобразуются ранее существовавшие социальные группы. Переход к рыночной экономике, по-видимому, подвел черту под историческим феноменом российской действительности второй половины XIX и большей части XX в. — интеллигенцией: как особое межслоевое образование, во многом влиявшее на социальную и политическую жизнь страны, она исчезает, распадается на подлинных профессионалов — ядро немногочисленных средних слоев и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть. Идет, в том числе и за счет бывших интеллигентов, формирование слоя малых и средних предпринимателей.

Воспользуемся данными двух представительных опросов января 1994 г. и октября-ноября 2002 г., чтобы представить себе в самом общем виде характер и направленность динамики социальной стратификации за постсоветские годы. (см. табл. 6—8).

Переход от стратификации, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации так и не завершен. Властные отношения все еще доминируют над собственническими. Устойчива ориентация, особенно молодой части россиян, на предпринимательскую деятельность или, по крайней мере, на работу в частном секторе. Таким образом, приходится констатировать незавершенность выбора населением России своего социально-экономического будущего.

Т а б л и ц а 6

Динамика социальной стратификации в России
 (по результатам представительных опросов 1994 и 2002 гг.)
 (в % по столбцу)

Социальные группы		1994	2002
1.	Предприниматели, коммерсанты, фермеры	3,0	4,2
2.	Управляющие и чиновники	0,8	0,7
3.	Управляющие среднего звена	6,1	5,3
4.	Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями)	1,3	2,1
5.	Профессионалы с высшим образованием	17,2	12,8
6.	Профессионалы со средним специальным образованием	11,6	14,2
7.	Служащие	6,7	8,8
8.	Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	32,8	25,6
9.	Не- и полуквалифицированные рабочие	10,3	13,4
10.	Занятые в домашнем хозяйстве	3,9	7,2
11.	Безработные	5,3	4,8
12.	Прочие	1,0	0,5
	Итого	100	100

Т а б л и ц а 7

**Предшествующий социальный статус
предпринимателей России**

(по результатам представительных опросов 1994 и 2002 гг.)
(в % по столбцу)

Предшествующий социальный статус (в % по столбцу)		Предприниматели и коммерсанты	
		1994 г. Соц.статус в 1985 г.	2002 г. Соц.статус в 1990 г.
1.	Предприниматели, коммерсанты, фермеры	4,8	9,9
2.	Управляющие и чиновники	9,5	—
3.	Управляющие среднего звена	4,8	13,6
4.	Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями)	3,9	2,5
5.	Профессионалы с высшим образованием	21,4	16,7
6.	Профессионалы со средним специальным образованием	4,8	6,2
7.	Служащие	2,4	6,2
8.	Высококвалифицированные рабочие	—	1,2
9.	Квалифицированные рабочие	19,0	17,3
10.	Не- и полуквалифицированные рабочие	2,4	4,8
11.	Занятые в домашнем хозяйстве	—	4,9
12.	Студенты	26,2	12,4
13.	Безработные	—	—
14.	Прочие	0,8	4,3
Итого		100,0	100,0

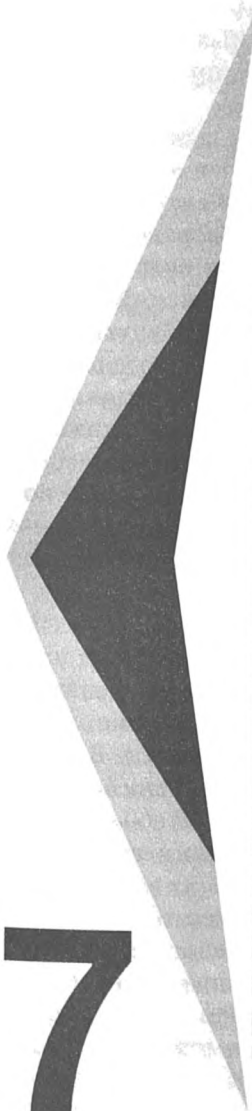
Т а б л и ц а 8

**Распространенность владения
собственностью в России**

(по результатам представительного опроса 2002 г.)
(в % по столбцу)

Социальные группы	Владете ли вы фирмой, предприятием?		Имеете ли вы акции, другие ценные бумаги?	
	да	нет	да	нет
1. Предприниматели, коммерсанты, фермеры	54,0	46,0	4,6	95,4
2. Управляющие и чиновники	28,6	71,4	14,3	85,7
3. Управляющие среднего звена	6,8	93,2	12,4	87,6
4. Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями)	3,0	97,0	9,0	91,0
5. Профессионалы с высшим образованием	3,4	96,6	8,7	91,3
6. Профессионалы со средним специальным образованием	2,3	97,7	6,6	93,4
7. Служащие	3,0	97,0	3,5	96,5
8. Высококвалифицированные рабочие	11,1	88,9	22,2	77,8
9. Квалифицированные рабочие	0,8	99,2	8,2	91,8
10. Не- и полуквалифицированные рабочие	0,7	99,3	5,5	94,5
11. Занятые в домашнем хозяйстве	0,6	99,4	1,8	98,2
12. Пенсионеры, инвалиды	2,4	97,6	7,1	92,9
13. Безработные	1,8	98,2	2,8	97,2

ВЫВОДЫ ИЗ СКАЗАННОГО

Общественное устройство современной России есть прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы, первооснову которой составляли отношения типа «власть — собственность», социальная дифференциация носила не-классовый характер и определялась рангами во властной иерархии. В отличие от большинства восточноевропейских стран в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. Присущие этакратическому обществу слитные отношения «власть — собственность» получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. На этой основе сложился своеобразный тип социальной стратификации, представляющей переплетение сословной иерархии и элементов классовой дифференциации. В советском обществе только административно-командная номенклатура имела осознанные интересы и обладала всеми чертами социального слоя, включая самоидентификацию. Благодаря этому в ходе реформ номенклатура сохранила контрольные позиции во власти и трансформировалась в крупную квазибуржуазию. Таким образом, в постсоветской России сохранилось в трансформированном виде этакратическое общество, которое приобрело форму номенклатурно-бюрократического квазикапитализма

На этой основе сложился своеобразный тип социальной стратификации, представляющей переплетение сословной иерархии и элементов классовой дифференциации.

Центральный вопрос, на который необходимо получить ответ в предстоящих дискуссиях: имеется ли выход из того положения, в котором находится страна, есть ли в ней социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику?

Вариативность возможных сценариев развития России предопределяется исходом противостояния компрадорского и национального капиталов, в другом измерении — латиноамериканского и японского путей развития капитализма. Вот тот фон, на котором могут в дальнейшем развиваться события социальной жизни. До сих пор властвовал компрадорский капитал, взаимодействовавший с коррумпированным чиновничеством. И пока сохраняется такая тенденция, нас ожидает латиноамериканский, в частности аргентинский, как нередко называют, путь развития. Но не столь уж экономически слаб сосредоточенный по преимуществу в провинции национальный капитал. Сохраняют свой потенциал широкие круги научной и инженерной интеллигенции и высококвалифицированной части рабочих, которые прекрасно осознают свою общность и понимают отсутствие будущего в рамках «латиноамериканского» пути развития. Это в основном масса людей, сосредоточенная в военно-промышленных организациях, в производствах с высокими технологиями.

Поэтому не исключено, что стране удастся изменить траекторию движения, встать на путь становления информационной экономики, информационного капитализма, интенсивного развития среднего класса. В этом случае изменится и характер социальных отношений, постепенно станет реальностью социальное государство, что для России с ее общинным сознанием и традициями взаимопомощи наиболее адекватная перспектива.

Основой изменения траектории развития может послужить понимание того ключевого обстоятельства, что капитализм (тем более капитализм неофитов советского разлива) требует разумного твердого государственного контроля. Правительство может и должно сохранить правомочие воздействовать на бизнес, обладающий единственным стимулом — прибыльностью. Опыт ад-

министрации великого американского президента Ф.Д. Рузвельта по вмешательству государства в экономику (не имевший ничего общего с советским тотальным стейтизмом) может и поныне служить образцом для стран с кризисной экономикой. К нормальной ориентации бизнеса на прибыль он добавляет принцип социальной ответственности, гарантирующий обществу относительную экономическую и особенно социальную стабильность на основе государственного регулирования частной собственности.

Другими словами, нельзя допускать, как проповедуют радикальные либералы, стихийно-инерционного развития страны на основе свободной игры рыночных сил. Общество, десятилетиями жившее в условиях директивно-плановой экономики и патернализма, не может естественным образом в немыслимо короткие сроки адаптироваться к столь резким переменам в окружающей среде лишь посредством спонтанных процессов социальной саморегуляции и самоорганизации. Обеспечение устойчивого развития страны с акцентом на изменения в качестве жизни и «человеческих качествах» (А. Печчеи) требует комбинации саморегулирования на основе рыночных сил и государственного регулирования.

Следует постоянно держать в памяти, что многое в истории и перспективах развития России задано. Мы никуда не уйдем от менталитета россиянина, доминантно представленного восточным христианством, причем в его русской версии. Не уйдем от национальной культуры со следами влияний восточных культур, того, что многими историками называлось «взаимодействием леса со степью», влиянием монгольского ига и последующих воздействий кочевых народов, соприкасавшихся с русской оседлой цивилизацией. Можно вспомнить и более близкие времена: чрезвычайно позднее освобождение крестьянства и искусственное торможение ликвидации общинных отношений, практическое отсутствие в истории страны институтов гражданского общества. Можно также вспомнить о традиционности существования в стране крупнейших в мире предприятий, оправданных не экономически, а политико-организационно в условиях милитаризма. Все эти и многие другие не названные мной факторы, относящиеся ко всем сторонам жизни и складывавшиеся столетиями и десятилетиями, остаются с нами. Они укоренены в повседневность, и их нельзя не учитывать при выборе вариантов развития России.

В сложившихся в стране условиях необходимо формирование идейных, политических и нравственных ценностей, призванных заполнить посткоммунистический и постимперский нравственный вакуум, снять у россиян комплекс оскорбленного национального достоинства. Я согласен с А.И. Солженицыным: «Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа». Государственная политика, опирающаяся на солидарность нации, на устойчивую общность интересов основных социальных сил, исходящая из традиционного для россиян понимания справедливости, может стать важным элементом строительства сильного национального социального государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова Е.М.* Появился ли в России средний класс? // Средний класс в современном российском обществе. — М.: РОССПЭН, 1999.
- Автономов В.С.* (ред.) Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии: Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. — СПб: Экономическая школа, СПбГУЭиФ, 1999.
- Андреев С.* Структура власти и задачи общества // Нева. 1989. № 1.
- Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. — М.: Мысль, 1971.
- Аузан А., Крючкова П.* Административные барьеры в экономике // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- Афанасьев Э.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Ахиезер А.С.* Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России. 1999. № 4.
- Балабанов С.С.* Социальные типы и социальная стратификация // Социологический журнал. 1995. № 2.
- Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению.* Коллективная монография. — М.: Московский центр Карнеги, 1998.
- Бедность: взгляд ученых на проблему / Серия «Демография и социология».* Вып. 10. — М.: ИСЭПН, 1994.
- Бердяев Н.А.* (1) Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
- Бердяев Н.* (2) Философия неравенства. — М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.
- Бессонова О.Э.* (1) Институциональная теория развития России / Социальная траектория реформируемой России. — Новосибирск: Наука, 1999.
- Бессонова О.Э.* (2) Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. — Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1999.
- Биллингтон Дж.Х.* (1) Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. — М.: Рудомино, 2001.
- Биллингтон Дж. Х.* (2) Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре. Пер. с англ. — М.: Логос, 2001.
- Бродский Б.Е.* Трансформационные кризисы // Экономический журнал ВШЭ. 1998. № 3.
- Бруцкус Б.Д.* Социалистическое хозяйство // Новый мир. 1990. № 8.
- Буртин Ю.* Выход из кризиса: инвентаризация иллюзий // Октябрь. 1997. № 8.
- Буртин Ю.* Россия и конвергенция. Идеи Сахарова вчера, сегодня, завтра // Октябрь. 1998, № 1.
- Бухвальд Е., Виленский А.* Развитие и поддержка малого бизнеса (опыт Венгрии и уроки для России) // Вопросы экономики. 2002, № 7.

▼ *Валентей С.* Развитие общества в теории социальных альтернатив. — М.: ИЭ РАН, 1995.

Валентей С., Нестеров Л. Россия в меняющемся мире: внешние и внутренние вызовы // Вопросы экономики. 2002. № 3.

Ванагайте Р. Возьмите нас в независимость: попытка самоанализа // XX век и мир. 1990. № 8.

Васильев Л.С. Феномен власти — собственности // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. — М.: Наука, 1982.

Васильев Л.С. История Востока. Т.1. (Вводная часть. Сущность проблематики). — М.: Высшая школа, 1994.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религий // Вебер Макс. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994.

Виленский А. Этапы развития малого предпринимательства в России // Вопросы экономики. 1996, № 7.

Вишневский А., Зайончковская Ж. Четвертый вал эмиграции // Московские новости. 1992а. 9 февраля.

Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992б. № 12.

Воронков В.М. Эволюция правящей элиты в период перехода к демократии // Социально-стратификационные процессы в современном обществе. Кн. 2. — М.: ИС РАН, 1993.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991.

Гайдар Е. Государство и эволюция. — М., 1995.

Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. / Редакция и послесловие И.И. Крупника. — М.: Прогресс, 1991.

Гельбрас В. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. 2003. № 3.

Гимпельсон В.Е. Численность и состав российской бюрократии: между советской номенклатурой и госслужбой гражданского общества. — М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

Гловели Г. Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения // Вопросы экономики. 1993. № 8.

Гольденберг И.А. Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки // СОЦИС. 1995. № 4.

Горшков М. Говорит и показывает народ // Известия. 2003. 29 июля.

Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под общ. ред. *О.И. Шкаратана*. — М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

Грамши А. Дань истории. — М., 1960.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. — М.: Экспресс, 1993.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — М.: Книга, 1991.

Дойчер И. Адски темная ночь // Иностранная литература. 1989. № 3.

Долгих Е. Почему уезжают ученые // Московские новости. 1993. 4 апреля.

Дубин Б. Запад для внутреннего употребления // КОСМОПОЛИС. 2003. № 1 (3).

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1983.

Жеребин В.М., Романов А.Н. Уровень жизни населения. Основные категории, характеристики и методы оценки. — М.: ЮНИТИ, 2002.

Жижек Е.В. Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / Отв. ред. Бутенко И.А. — М.: МОНФ, 2000.

Жунин М.М. Просвещенный купец — украшение старой веры // Мир России. 1998. № 3.

Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты экономического чуда». — М.: БЕК, 1997.

Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

Зарубина Н.Н. Материалы круглого стола // Мир России. 2002.

Заславская Т.И. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. — М., 1970.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. — Новосибирск, 1991.

Заславская Т.И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1993. № 2.

Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4.

Иванов Ю. О показателях экономического благосостояния // Вопросы экономики. 2003, № 2.

Известия. 1997. 13 мая.

Известия. 1998. 17 марта.

Известия. 2000. 22 мая.

Известия. 2001а. 20 марта.

Известия. 2001б. 18 апреля.

Известия. 2001в. 20 апреля.

Известия. 2001г. 25 апреля.

Известия. 2001д. 7 мая.

Известия. 2001е. 1 июня.

- ▼ *Известия.* 2001ж. 26 июня.
Известия. 2001з. 6 и 7 июля.
Известия. 2001к. 9 июля.
Известия. 2001л. 10 сентября.
Известия. 2002. 12 марта.
Известия. 2002а. 23 марта.
Известия. 2002б. 6 марта.
Известия. 2002в. 9 апреля.
Известия. 2002г. 10 апреля.
Известия. 2003(1). 11 июня.
Известия. 2003(2). 5 июля.
Известия. 2003(3). 1 марта.
Известия. 2003(4). 13 сентября.
Известия. 2003(5). 18 октября.
 Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы. Послесловие / Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. Сборник. Пер. с англ. — М., 1989.
 Исаев И.А. История государства и права России. — М., 1993.
 Итоги. 2003. 24 июня.
 Кара-Мурза С. Европоцентризм — эдипов комплекс интеллигенции. — М.: Эксмо, Алгоритм-Кн., 2002.
 Кагельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура: Пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
 Кагельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000, № 1.
 Кагельс М., Киселева Э. Россия в информационную эпоху // Мир России. 2001. № 1.
 Кейнс Дж.М. Конец laissez — faire//Истоки. Вып.3 — М.: ГУ-ВШЭ, 1998.
 Кива А.В. «Экономика — язык — культура» через призму виртуальной реальности // Общественные науки и современность. 2001. № 4.
 Кивинен М. Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2.
 Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. — М.: ТЕИС, 2000.
 Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Философские науки. 1996. № 1—6.
 Ключевский В.О. Православие в России. — М.: Мысль, 2000.
 Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми томах. — М.: Госполитиздат, 1956—1959. Т. 1.
 Коваль Т.Б. «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда // Мир России. 1993. № 1.
 Коваль Т.Б. (1) Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.

Коваль Т.Б. (2) «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.

Колесник М. Текущее состояние и перспективы рентного налогообложения в России // Вопросы экономики. 2003. № 6.

Колесников А., Колесникова Л. Малый и средний бизнес: эволюция понятий и проблема определения // Вопросы экономики. 1996, № 7.

Колесникова Л., Перекрестов В. Организационные структуры и культура предпринимательства // Вопросы экономики. 2000. № 8.

Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований: Пер. с англ. — М.: ЗАО «ЖУРНАЛ ЭКСПЕРТ», 2000.

Коммерсантъ. 2001. 16 июля.

Конрад Д., Селеньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Венгерский меридиан. 1991. № 1.

Кочетов А. Истоки «новой» социальной структуры // Свободная мысль. 1993. № 9.

Козн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. — М.: АИРО-XX, 2001.

Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. — М., 1966.

Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4.

Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002, № 4.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.

Литвиненко В. Сверхприбыль у компаний необходимо забирать / Известия. 2003. 3 июня.

Лотман Ю. Труды по знаковым системам. — Тарту, 1972. Вып. 15.

Львов Д., Овсиенко Ю. Российская пенсионная реформа и пути ее реформирования // Вопросы экономики. 2000. № 8.

Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. — М.: Дело, 1999.

Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1.

Материалы круглого стола «Экономика — язык — культура» // Общественные науки и современность. 2000. № 6.

Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. — М., 1998.

Межуев В. Социалистическая идея — шанс на будущее / Красные холмы. Альманах. 1999. — М.: Культурный центр «Красные холмы», Издательский дом «Городская собственность», 1999.

▼ *Межуев В.* Традиция самовласти в современной России // Свободная мысль. 2000, № 4.

Межуев В. Российская цивилизация — утопия или реальность / Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред.: *Хорос В.Г., Красильщиков В.А.* — М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества правового государства. Т.1—2. — 2-е изд. — СПб.: Дмитрий Булавин, 2000.

Мир России — Евразия. Антология. — М., 1995.

Московские новости. 1995. 24—31 декабря.

Московские новости. 1996. 4—11 февраля.

Московские новости. 1998а. 2—8 февраля.

Московские новости. 1998б. 15—22 марта.

Московские новости. 2003(1). 15—22 марта.

Московские новости. 2003(2). 8—14 июля.

Московские новости. 2003(3). 14—20 октября.

Московский комсомолец. 2001б. 24 декабря.

Московский комсомолец. 2002а. 20 февраля.

Московский комсомолец. 2002б. 2 марта.

Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики. 2000. № 8.

Надеин В. «Форбс»: русская скважина // Московские новости. 2001. 26 июня — 2 июля.

Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение. — М.: Прогресс, 1989.

Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма / Погружение в трясину. — М., 1991.

Некипелов А. Выбор экономической стратегии // Свободная мысль. 2003. № 9.

Новая газета. 1998а. 16—22 марта.

Новая газета. 1998б. 15—21 июня.

Новая газета. 2001а. 9—11 апреля.

Новая газета. 2001б. 1—14 мая.

Новая газета. 2001в. 29—31 октября.

Новая газета. 2002. 10—12 февраля.

Новая газета. 2003(1), № 10. 10—12 февраля.

Новая газета. 2003(2), № 52. 21—23 июля.

Новая газета. 2003(3), № 50. 14—16 июля.

Новые известия. 2003. № 40. 25 августа.

Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. — Душанбе, 1989.

Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3.

Нуреев Р., Рунов А. Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти — собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. РЦЭР при Правительстве Российской Федерации; Российско-Европейский центр экономической политики. 1999. Вып. IV. — М., 1999.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. РЦЭР при Правительстве Российской Федерации; Российско-Европейский центр экономической политики. 2000. Вып. III, IV. — М., 2000.

Обзор экономики России. Основные тенденции развития. РЦЭР при Правительстве Российской Федерации; Российско-Европейский центр экономической политики. 2001. Вып.1. — М., 2001.

Овчарова Л., Попова. Д. Приоритеты политики содействия сокращению бедности в России. РЦЭР при Правительстве Российской Федерации; Российско-Европейский центр экономической политики. 2001. Вып. 1. — М., 2001.

Орлов А. Малое предпринимательство в России: развитие или стагнация? (1992—2001 гг.) // Вопросы экономики. 2001, № 10.

Орлов А. Перспективы развития малого предпринимательства в России // Вопросы экономики. 2002, № 7.

Ослунд А. Новых русских обогатили три основных источника // Финансовые известия. 1996. 20 июня.

Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. — Киев, 1989.

Павлов И. О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.

Павлюткин В. «Мышеловка» для академиков // Мир за неделю. 1999. № 12. 13—20 ноября. <Перепечатка из «Красной звезды».>

Пайнс Р. Собственность и свобода. — М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Пастухов В.Б. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. 1992, № 5—6.

Пастухов В.Б. Три времени России: Общество и государство в прошлом — настоящем — будущем. — М: Полис — РССПЭН, 1994.

Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. № 1.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.(1) Русская власть, русская система, русская история / Красные холмы. Альманах. — М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999.

Пивоваров Ю., Фурсов А.(2) Русская система и реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.

Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. № 1—2.

- ▼ *Платонов О.А.* Русская цивилизация. — М.: Рада, 1992.
- Поиск.* 2003(1), № 22. 6 июня.
- Поиск.* 2003(2), № 40. 3 октября.
- Полеванов В.П.* Технология великого обмана. — М., 1995.
- Политическая элита России* (цикл статей) // Мир России. 1995. № 3—4.
- Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. — М.: Наука, 1983.
- Радаев В.В.* Малый бизнес и проблемы деловой этики // Вопросы экономики. 1996, № 7.
- Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. — М., 1998.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // СОЦИС. 1991. № 1.
- Рассел Б.* Практика и теория большевизма. — М.: Наука, 1991.
- Ржаницына Л.* Синдром козы // Московские новости. 2001. 17—23 июля
- Римашевская Н.М.* Человек и реформы: секреты выживания. — М.: ИСЭПН РАН, 2003.
- Рих А.* Хозяйственная этика: Пер. с нем. — М.: Посев, 1996.
- Роговин В.З. Л.Д.* Троцкий о социальных отношениях в СССР // СОЦИС. 1990, № 5.
- Российская газета.* 1992. 20 августа.
- Россия после кризиса 1998 г.: на пути к беспронгрышной стратегии роста и социальной защиты.* Доклад Всемирного банка // Вопросы экономики. 2001. № 12.
- Русские.* Этнографические очерки / Отв. ред. *Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С.* — М.: Наука, 1999.
- Русский телеграф.* 1997. 11 ноября.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли.* Сб. трудов евразийцев. — М., 1997.
- Сабо М.* «Социалистическая» рефеодализация // Венгерский меридиан. 1991. № 1.
- Сакаия Т.* Что такое Япония? — М.: Партнер Ко Лтд, 1992.
- Сатаров Г.* Кто исправит наших акул // Известия. 2003. 29 мая.
- Селеньи И.* Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960-е — 1980-е гг. // Рубеж. 1995. № 6—7.
- Симачев Ю.* Институт несостоятельности в России: спрос, основные тенденции и проблемы развития // Вопросы экономики. 2003. № 6.
- Симония Н.* Становление бюрократического капитализма в России // Свободная мысль. 2000. № 3/4.
- Собственность на землю в России: история и современность* / Под общ. ред. *Д.Ф. Аяцкова* — М.: РОСПЭН, 2002.
- Создавая социальную демократию.* Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции: Пер. с англ./ Предисловие *Ю.М. Лужкова.* — М.: Весь мир, 2001.

Состав руководящих органов центрального комитета партии — политбюро (президиума), оргбюро, секретариата ЦК. 1919 — 1990 гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.

Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. — М.: Госкомстат России 1999.

Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. — М.: Госкомстат России 2000.

Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика. Общ ред. А. Ю. Чепуренко — М.: РОССПЭН, 2001.

Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии. Коллективная монография. Под ред. Т. Малевой. — М.: Гендальф, 2003.

Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Авт. коллектив: Е.М. Авраамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская и др. — М.: Бюро экономического анализа, 2000.

Средний класс в современном российском обществе / Под общ. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. — М.: РОССПЭН, 1999.

Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: 1992 — 2002 гг. По материалам официальных статистических наблюдений. — М.: Статистика, 2003.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952.

Стариков Е. Новые элементы социальной структуры // Коммунист. 1990. № 5.

Стариков Е.Н. Общество — казарма от фараонов до наших дней. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.

Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к поствашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.

Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7.

Стойкович Св. От марксизма к постмарксизму // Вопросы философии. 1990. № 1.

Страхов А.П. Глубокие корни: Выборное начало и российская государственность // Свободная мысль. 1999. № 5.

Суринов А.Е. Основные параметры дифференциации населения России по доходам в 1997—1999 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2000. № 3.

Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: По материалам официальных статистических наблюдений. М.: Статистика России, 2003.

Сусоколов А.А. Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экстенсивной культуры // Мир России. 1994. № 2.

Тилкиджиев Н. Слоевая структура социалистического общества / Социологические проблемы. 1987. № 3.

Тихонова Н.Е. Факторы стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. — М., 1999.

Тойнби А. Византийское наследие России // *Он же. Цивилизация перед судом истории. Сборник.* — СПб: ЮВЕНТА, 1995.

Тойнби А. Россия и Запад // *Он же. Цивилизация перед судом истории. Сборник.* — СПб: ЮВЕНТА, 1995.

Тойнби А. Постигание истории. — М.: Прогресс, 1991.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. — М.: НИИ культуры, 1991.

Умов В.И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фактор // *Полис.* 1993. № 4.

Фальцман В. Российское предпринимательство с позиций христианской морали // *Вопросы экономики.* 2000. № 8.

Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. — М.: Институт философии РАН, 1997.

Финансовые известия. 2002б. 4 апреля.

Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии.* 1990. № 3.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. — М.: АСТ, 2003.

Хайек Ф.А.(1) Дорога к рабству. — М.: Экономика, 1992.

Хайек Ф.А.(2) Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Новости, 1992.

Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. — М.: Изграф, 2000.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и Россия // *Московские новости.* 1995. № 5. 22—29 января.

Хатулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1999. № 2.

Хачатурян В.М. Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского: логика и противоречия // *Общественные науки и современность.* 2003. № 2.

Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России: Пер. с англ. — М.: ДЕТЕКТИВ-ПРЕСС, 2001.

Чепуренко А. Проблема финансирования в российском малом бизнесе (по материалам выборочных социологических исследований) // *Вопросы экономики.* 1966, № 7.

Черепнин Л.В. Земские Соборы Русского государства в XVI—XVII вв. — М., 1978.

Чубайс И. Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. — М.: НОК «Музей бумаги», 1998.

Чубайс И.Б. Как преодолеть идентификационный кризис. Россия в XXI веке // — *Мир России.* 2000. № 2.

Шестоперов О. Современные тенденции развития малого предпринимательства в России // *Вопросы экономики.* 2001, № 4.

Шеховцов А. Законодательство и развитие малого бизнеса в регионах // *Вопросы экономики.* 2001, № 4.

Шкаратан О.И. (1) Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. — М.: Мысль, 1970.

Шкаратан О.И. (2) Проблемы социальной структуры советского города // *Философские науки*. 1970. № 5.

Шкаратан О.И., Фигатнер Ю.Ю. Старые и новые хозяева России (от властных отношений к собственническим) // *Мир России*. 1992. № 1.

Шкаратан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение (Социально-генетические преступления советского режима) // *Мир России*. 1993. № 1.

Шкаратан О.И. От этакратизма к гражданскому обществу // *Рабочий класс и современный мир*. 1990. № 3.

Шкаратан О.И., Тихонова Н.С. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // *Мир России*. 1996. № 1.

Шкаратан О.И., Сергеев Н.В. Реальные группы: концептуальный подход, эмпирическое исследование // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // *Мир России*. 2002. № 1.

Шкаратан О.И. Перспективы России: линейность vs вариативность мирового развития // *Мир России*. 2002. № 3.

Шкаратан О.И. Русская культура труда и управления // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1.

Шкаратан О.И. Социальные реалии России начала 2000-х гг. Предварительные итоги представительного опроса россиян // *Мир России*. 2003. № 2.

Шкаратан О.И., Радаев В.В. Правда этакратизма против мифа о социализме // *Квинтэссенция. Философский альманах*, 1991. — М.: Политиздат, 1992.

Шлехт О. Благополучие для всей Европы на основе наступления рыночного хозяйства: Пер. с нем. — М.: ВладДар, 1996.

Шмелев Н. Пять лет реформ — пять лет кризиса // *Свободная мысль*. 1996. № 7.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993.

Экономический журнал ВШЭ. 2001. № 1.

Явлинский Г. Демодернизация: униженные люди не создадут экономик XXI века // *Новая газета*. 2002. № 83. 11—13 ноября.

Явлинский Г. Как реорганизовать периферийный капитализм // *Московские новости*. 2003. 1—7 июля.

Янов А. Россия: у истоков трагедии. 1462—1584. — М., Прогресс-Традиция, 2001.

Янов А. Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825—1921. — Новосибирск, 1999.

▼ *Burnham J.* The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N.Y., 1941.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium. Oxford, 1998. (part 4. Toward the Pacific Era? The Multinational Foundation of Economic Interdependence).

The Economist Pocket World in Figures. L.: The Economist Newspaper Ltd, 2003.

Esping-Andersen, Gosta. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.

Esping-Andersen G. (ed.) Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies. L.: SAGE Publications, 1996.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.—N.Y., 1992.

Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.

George V. and Manning N. Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1980.

Hedlund S. Russia's «Market» Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism. L.: UCL Press, 1999.

Horvat Branko. The Political Economy of Socialism. A Marxist Social Theory. N.Y., 1982.

Huntington S. The clash of civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993.

Kohn M.L. and C.Schooler. Work and Personality. An Inquiry into the Impact of Social Stratification. Norwood. 1983).

Konrad J., Zeleni I. The Intellectuals on the Road to Class Power: A Sociological Study of the Role of the Intelligentsia in Socialism. N.Y., 1979.

Lane D. (ed.) Labour & Employment in the USSR. NY: New York University Press, 1986.

Lipset S.M. Soviet Stratification Research and Soviet Scholarship// Soviet Stratification and Mobility in the USSR/ International Journal of Sociology. 1973. Vol. III, № 1—2.

Machonin P. a kolektiv. Československa Spolecnost. Sociologicka analyza socialni stratifikace. Bratislava, 1969.

Matthews M. Privilege in the Soviet Union. L., 1978.

McClelland D.C., Winter D.G. Motivating Economic Achievement. Accelerating Economic Development Through Psychological Training. N.Y., 1960.

Nowak St. Changes of Social Structure in Social Consciousness// The Polish Sociological Bulletin. 1964, № 2.

Ossowski St. Structura klasowa w społecznej świadomości. Łódź, 1957.

Radaev V., Shkaratan O. Power and Property — Evidence from the Soviet Experience//International Sociology. 1992, № 3.

Shaiken H., Herzenberg S. Automation and Global Production. Automobile Engine Production in Mexico, the United States and Canada. San Diego, 1987.

Shkaratan O. The Old and the New Masters of Russia. From Power Relations to Proprietary Relations//Sociological Research. 1992. № 5.

Social Stratification and Mobility in the USSR. Eds M. Yanowitch and W.A.Fisher. With commentary by S.M. Lipset. International Journal of Sociology. NY: M/E.Sharp, 1973. Vol. III, № 1—2.

The Social Structure of the USSR. Resent Soviet Studies.Ed. by M.Yanowitch. NY: M.E.Sharp, 1986.

Sorokin P. Social Philosophies of an Age Crisis. Boston, 1951.

Standing G. Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets // Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies. Ed.by Esping-Andersen G. L.: SAGE Publications, 1996.

Teckenberg W. Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Auf dem Wege zur industrialisierten Standegesellschaft? Munchen, Wien: R. Oldenbourg Verlag, 1977.

Teckenberg W. The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society?// International Journal of Sociology. 1981—1982. Vol.XI, No 4.

Teckenberg W. The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation: The USSR as an Estatist Society in Comparison with Class Societies// International Journal of Sociology. NY. 1989. Vol. 19, No 2.

Yanowitch M. and W.A.Fisher (eds). Social Stratification and Mobility in the USSR. With commentary by S.M.Lipset// International Journal of Sociology. NY. 1973.Vol.III, №1—2.

Yanowitch M. (ed.) The Social Structure of the USSR. Resent Soviet Studies. NY, M.E.Sharp, 1986.

The Welfare State Reader. Ed. By Ch. Pierson & F/ Castles. Cambridge: Polity, 2000.

Wesolowski W. and K. Slomczynski. Social Stratification in Polish Cities /Social Stratification. Ed. J.A. Jackson. Cambridge University Press, 1968.

Wiatr I. Spolecznstwo. Wstep do socjologii systematycznej. W.: Panstwowe wydawnietwo naukowe, 1965.

Wright E.O. Classes/ L.: Verso Editions, 1985.

Учебное издание

Шкаратан Овсей Ирмович

**Российский порядок:
вектор перемен**

Редактор *Т.А. Чамаева*

Обложка и макет художника *Е.А. Михайловой*

Компьютерная верстка *Е.В. Чертовских*

Корректор В.В. Петракова

Лицензия ИД № 02033 от 13.06.00. Подписано в печать 22.12.03.

Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 13. Тираж 5000 экз. Заказ № 586.

ООО Издательство «Вита-Пресс». 107140, Москва, ул. Гаврикова, 7/9,
тел.: (095) 265-7157, 261-8337; факс: (095) 265-7087; e-mail: vitaprss@garnet.ru

Отпечатано на ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

